

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «МАГНИТОГОРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ.
Г.И. НОСОВА»

На правах рукописи

ЖИГУЛИНА ДАРЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

**ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» У ДРЕВНИХ
РУСИЧЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛАВЯНСКИХ
ПАМЯТНИКОВ X – XIV вв.)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор **С. Г. Шулежкова**

Магнитогорск – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	14
1.1. Общий литературный язык славян Средневековья и его роль в формировании концептосферы древних русичей.....	14
1.2. Принципы описания ЛФП вербализаторов концепта «Семья»	22
1.3. Характеристика материалов исследования.....	27
Выводы по I главе.....	37
Глава II. СТАНОВЛЕНИЕ ЯДЕРНОЙ И ОКОЛОЯДЕРНОЙ ЗОН ЛФП ВЕРБАЛИЗАТОРОВ ДРЕВНЕРУССКОГО КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ»	39
2.1. Структура ЛФП вербализаторов концепта «Семья» и трансформация ядерной зоны, прослеживаемая в славянских рукописях X – XIV вв.	39
2.1.1. Особенности структуры и ядро ЛФП вербализаторов концепта «Семья», реконструированного по данным славянских рукописей X – XI вв.	39
2.1.2. Изменение ядерной зоны ЛФП вербализаторов концепта «Семья», отражённое в древнерусских текстах XII – XIV вв.	44
2.2. Околоядерная зона вербализаторов ЛФП концепта «Семья», представленная в славянских рукописях X – XI вв.	47
2.3. Трансформация околоядерной зоны вербализаторов ЛФП «Семья», отражённая в древнерусских памятниках XII – XIV вв.	65
Выводы по II главе.....	76
Глава III. РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗОНЫ БЛИЖНЕЙ ПЕРИФЕРИИ ЛФП ВЕРБАЛИЗАТОРОВ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ»	78
3.1. Трансформация ближней периферии сектора «Родство по крови» и группы вербализаторов с семьей ‘духовное родство’, представленная в славянских рукописях X – XIV вв.	78

3.1.1. Состояние зоны ближней периферии сектора «Родство по крови» и группы вербализаторов с семьей 'духовное родство' по данным славянских рукописей X – XI вв.	78
3.1.2. Изменение зоны ближней периферии сектора «Родство по крови» и группы вербализаторов с семьей 'духовное родство', отражённое в древнерусских памятниках XII – XIV вв.	83
3.2. Ближняя периферия сектора «Родство по свойству», реконструированная по данным славянских текстов X – XI вв.	93
3.3. Трансформация зоны ближней периферии сектора «Родство по свойству» в древнерусских памятниках XII – XIV вв.	110
Выводы по III главе.	133
Глава IV. РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗОНЫ ДАЛЬНОЙ ПЕРИФЕРИИ ЛФП ВЕРБАЛИЗАТОРОВ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ»	136
4.1. Дальняя периферия вербализаторов сектора «Родство по крови», отражённая в славянских рукописях X – XI вв.	136
4.2. Трансформация зоны дальней периферии вербализаторов сектора «Родство по крови» по данным древнерусских памятников XII – XIV вв. .	149
4.3. Зона дальней периферии сектора «Родство по свойству», отражённая в славянских текстах X – XI вв.	162
4.4. Обогащение зоны дальней периферии вербализаторов сектора «Родство по свойству» по данным древнерусских памятников XII – XIV вв.	172
Выводы по IV главе.	183
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	186
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.	192
ПРИЛОЖЕНИЕ.	218

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XX – XXI вв. в лингвистике сложилась новая научная парадигма, основополагающим принципом которой стал антропоцентризм. Исследователи изучают языковые явления с учётом человека говорящего. В связи с этим одно из ключевых мест в отечественном языкознании заняла когнитивная лингвистика – «лингвистическое направление, изучающее концепты как единицы сознания человека с помощью лингвистических методов, т.е. через языковые средства объективации концептов» [Попова, Стернин 2009: 54]. Исследование концептов, сложных культурно-значимых ментальных образований, занимающих важное место в концептосфере того или иного народа, остаётся актуальной проблемой для лингвокогнитологии и лингвокультурологии.

Об актуальности изучения концептов свидетельствуют многочисленные работы, в которых представлены теоретические основы когнитивных исследований: Бабушкин 1996; Слышкин 1999, 2000; Воркачёв 2001; Степанов 2001; Алефиренко 2003; Болдырев 2004; Никитин 2004; Попова, Стернин 2009; Прохоров 2009; Голованова 2011 и др.; описано немало конкретных концептов: «Память» [Шулежкова 2003], «Смерть» [Осипова 2005], «Грех» [Чурилина 2008], «Развитие» [Анохина 2008], «Россия» [Постникова 2008], «Глупость» [Полищук 2009], «Бытие» [Шаталова 2009], «Огонь» [Литвин 2011], «Жизнь – Смерть» [Осипова 2012], «Белое море» [Ильина 2014], «Олимпиада “Сочи 2014”» [Пермякова 2014], «Еда» [Марушкина 2014] и др.

Как правило, подобные исследования проводятся на материале современного русского языка в синхроническом аспекте. Значительно реже лингвистами рассматривается история становления концептов ([Яковлева 2000], [Шулежкова 2010], [Мишина 2013], [Осипова 2013]) или его вербализация на основе текстов предшествующих веков ([Кондратьева 2004], [Матвеев 2004], [Коротенко 2006], [Меркулова 2006], [Терина 2007], [Мишина 2008], [Арапов 2012], [Михин 2013]). Поскольку одной из

характерных черт концепта является его изменчивость, то исследование национальной концептосферы целесообразно проводить не только в синхроническом, но и в диахроническом аспекте.

К настоящему времени в когнитивной науке сложилось множество лингвистических теорий, обращающихся к исследованию концепта. Всё многообразие подходов в осмыслении понятия *концепт*, вслед за Ю.Д. Тильман (1999), можно свести к двум основным направлениям: когнитивное (Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Н.Н. Болдырев, Н.Ф. Алефиренко и др.) и концептуально-культурологическое (Д.С. Лихачёв, С.А. Аскольдов, А. Вежицкая, Ю.С. Степанов, В.В. Колесов, С.Г. Воркачëв и др.). Эти подходы объединяет взгляд на концепт как на сформировавшуюся ментальную структуру, обладающую национальными культурными особенностями и не обязательно эксплицированную языковыми средствами. В современной науке *концепт* выступает в качестве фокуса, в котором сходятся различные подходы к изучению культуры: психологический, исторический, лингвистический, культурологический, логико-семантический.

В данной работе, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, мы понимаем *концепт* как «комплексную дискретную единицу сознания, при помощи которой осуществляется процесс человеческого мышления. Концепт выступает как единица хранения человеческого знания» [Попова, Стернин 2009: 53].

Комплекс взаимосвязанных концептов, который мыслится как целостное когнитивное образование, в реферируемом сочинении обозначается термином *концептосфера*.

Для когнитивной лингвистики принципиальным является положение, согласно которому не все концепты имеют языковую объективацию. Однако слово служит средством доступа к концептуальному знанию. Л.Н. Чурилина пишет: «Концепты представляют собой интеллигибельные конструкции, описание которых оказывается возможным только в случае обращения к

материальным “продуктам” человеческой деятельности, в том числе и к речи (тексту)» [Чурилина 2010: 129].

Вербализация концепта поддерживает его в устойчивом состоянии и делает доступным, поскольку лексические значения слов, которыми он эксплицируется, общеизвестны и интерпретируются носителями языка, а также отражаются в словарях. Поэтому к одним из наиболее эффективных методов описания языковой картины мира этноса относится анализ однословных и сверхсловных языковых единиц. При анализе старославянских и древнерусских рукописей привлечение сверхсловных языковых единиц является особенно важным, поскольку они наиболее полно отражают то и или иное явление действительности, точно и ёмко его характеризуют. В рамках данного диссертационного исследования мы будем пользоваться термином *устойчивый словесный комплекс* (УСК), который уже с конца 60-х гг. XX в. использовался отечественными фразеологами при изучении славянских текстов. Этот термин был введён представителями самаркандской фразеологической школы и опробован А.Г. Ломовым на материале «Повести временных лет» [Ломов 1969]. Термином УСК оперировали и некоторые современные исследователи при изучении памятников древнерусского [Гараева 1997] и старорусского [Петрова 2001]; [Коротенко 2006] языков. Под УСК понимается «соединение двух или более компонентов словного характера, построенное по известным грамматическим законам языка, которое обладает постоянством семантики, воспроизводимостью и устойчивостью лексического состава и грамматической структуры при допустимом варьировании в определённых пределах» [Шулежкова 1995: 21-22].

Концепт может быть объективирован словами и сверхсловными единицами различной семантико-грамматической принадлежности. Связанные интегральной семой, они образуют лексико-фразеологическое поле (ЛФП). Под *лексико-фразеологическим полем* мы понимаем

иерархическую организацию лексем и УСК, обладающих интегральной семой и представляющих в языке какой-либо фрагмент концептосферы.

Многие традиционные концепты, входящие в концептосферу носителей современного русского языка, испытали в Средние века влияние христианского мировоззрения, распространявшегося через древнейшие славянские памятники религиозного содержания. К числу таких концептов относится и концепт «Семья», один из ключевых в концептосфере любого этноса. В.Н. Дружинин в работе «Психология семьи» замечает, что «ни одна мировая религия не отводит столь важное место семье в системе вероучения, как христианство» [Дружинин 2006: 51].

Актуальность темы исследования продиктована необходимостью анализа истоков формирования и развития концепта «Семья», являющегося важным элементом языковой картины мира восточных славян. Изучению сферы семейных отношений славянского этноса посвящено множество работ отечественных и зарубежных историков, этнолингвистов, культурологов, языковедов. Так, процессы зарождения и становления основ семьи и брака у славян стали предметом исследования Н.Л. Пушкарёвой (1989), В.Ю. Лещенко (1999), А. Кёрстенбергера и Д. Джонса (2009), Б.И. Казаченко (2010), М.В. Довнар-Запольского (2011), А.В. Гура (2012) и др. Собственно лингвистический взгляд на семейно-родственные связи славянского социума представлен в работах Ф.И. Буслаева (1848), Б.М. Ляпунова (1928), Ф.П. Филина (1948), Т.И. Вендиной (2002), О.Н. Трубочёва (2006), В.В. Колесова (1986), С.Г. Шулежковой (2012) и др. Описанию концепта «Семья» на материале русского литературного языка посвящены диссертационные исследования Е.В. Добровольской (2005), Н.Н. Рухленко (2005), Н.Н. Занегиной (2011) и др. Однако при значительном числе работ, посвящённых изучению института современной семьи и этимологических штудий по терминологии родства, процесс трансформации концепта «Семья» у восточных славян, совпавший со временем освоения ими христианства, лингвистами изучен явно недостаточно.

Об актуальности рассматриваемой темы свидетельствует и значимость изучения концепта «Семья» в условиях современного мира, где остро стоит вопрос о сохранении семейных традиций и идеалов. С момента рождения каждому ребёнку необходима семья, прежде всего, как структура, формирующая и адаптирующая его к будущей самостоятельной жизнедеятельности. В семье усваиваются основные социальные знания, приобретаются нравственные умения и навыки, закладываются определённые ценности и идеалы, происходит приобщение к обычаям и традициям – всё, без чего невозможна социализация человека.

Научная **новизна** исследования состоит в том, что:

- 1) впервые произведена реконструкция древнерусского концепта «Семья» на материале славянских памятников X – XIV вв.;
- 2) концепт «Семья» рассматривается в диахроническом аспекте с учётом сложнейшей ситуации столкновения языческих семейных традиций славянского этноса и новых христианских установок;
- 3) впервые выявлены тенденции, приведшие к трансформации восточнославянского концепта «Семья» под влиянием христианства.

Целью данного диссертационного сочинения является реконструкция концепта «Семья», вербализованного в славянских рукописях X – XIV вв., как динамической составляющей языковой картины мира древних русичей.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- 1) выявить корпус лексем и УСК, репрезентирующих концепт «Семья» в славянских памятниках 2-х периодов (X – XI вв. и XII – XIV вв.);
- 2) описать трансформацию ЛФП «Семья», отражённую в славянских рукописях X – XIV вв. как динамический процесс;
- 3) изучить процессы, происходившие на семантическом, синтагматическом, парадигматическом уровнях между единицами внутри ЛФП «Семья»;

4) основываясь на материале славянских памятников X – XIV вв., выявить те свойства древнерусского концепта «Семья», которые сохранились от дохристианского периода, и те, которые были вытеснены с принятием христианства;

5) установить, как принятие христианства отразилось на структуре концепта «Семья» у древних русичей.

Источником исследования стали 14 славянских текстов X – XI вв. и 15 древнерусских рукописей XII – XIV вв., обслуживающих религиозную и юридическую сферу жизни восточнославянского общества. Эти памятники освещают семейно-брачные отношения древних русичей с позиции христианской идеологии, наложившейся на языческие традиции, и судебно-правовой практики.

Материалом для исследования послужила оригинальная картотека, состоящая из 500 языковых единиц в 5281 употреблении.

Объектом исследования является ЛФП вербализаторов концепта «Семья» в славянских памятниках X – XIV вв.

Предмет анализа – происхождение, состав, структура и семантические связи языковых единиц, входящих в ЛФП «Семья», а также их роль в формировании одного из ключевых фрагментов языковой картины мира восточных славян.

Теоретическую основу диссертационного сочинения составили работы, посвящённые изучению особенностей семейной жизни восточных славян, Н.И. Болоховского, М.Ф. Владимирского-Буданова, Г.И. Кабаковой, К.Е. Ливанцева, С.В. Омелянчук, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, В.Н. Топорова, Е.С. Узенёвой, Я.Н. Щапова и др.; труды по проблемам когнитивной лингвистики Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, А. Вежбицкой, С.Г. Воркачёва, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина и др.; исследования по вопросам фразеологии и фразеологической семантики А.Л. Архангельского, А.Г. Ломова, Л.И. Ройзензона, С.Г. Шулежковой и др.

Методологической основой работы является положение о тесной связи языка с мышлением, языка – с бытием человека, языка – с обществом, а также лингвистические принципы системного подхода к изучению языковых явлений с учётом социальной обусловленности языка и его динамического характера.

Основными методами и приёмами анализа в работе являются *описательный метод*, применяемый при характеристике компонентов ЛФП; *контекстологический (дистрибутивный) метод*, позволивший через фрагменты рукописей выявить семантику исследуемых единиц; *сравнительно-исторический метод и приём этимологического анализа*, давшие возможность выявить происхождение древнерусских терминов родства; *методика полевого анализа*, которая помогла установить структуру концепта; *методика компонентного анализа*, определившая место вербализаторов в структуре ЛФП; *приём сплошной выборки и приём количественных подсчётов*, позволившие определить частотность употребления и значимость различных групп репрезентантов концепта в текстах исследуемого периода.

Теоретическая значимость работы заключается в доказательстве продуктивности диахронического анализа трансформации концепта путём сопоставления состояния ЛФП его вербализаторов на 2-х этапах, выделенных по ряду объективных оснований (хронологическому, языковому, культурологическому и социально-экономическому); в выявлении закономерности развития концепта у восточных славян в условиях христианизации; в установлении причины появления у концепта «Семья» новых признаков и “угасания” прежних свойств; в определении внутренних резервов языка восточных славян, позволивших древним русичам, принявшим христианские правила семейной жизни, выразить их не с помощью заимствований, а средствами родной речи. Исследование языкового материала на 2-х исторических этапах (X – XI вв. и XII – XIV вв.) показало, что структура концепта «Семья» с принятием христианства не

испытала кардинальной ломки: христианизация обогатила ЛФП древнерусского концепта «Семья» и ускорила переход семьи многопоколенной к семье нуклеарной.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы в преподавании курсов «Старославянский язык», «Историческая грамматика русского языка», «История русского литературного языка»; при подготовке спецкурсов и спецсеминаров историко-лингвистического цикла, касающихся становления терминологии родства у славян. Полученные результаты будут востребованы также в лексикографической практике.

Положения, выносимые на защиту

1. Лексико-фразеологическое поле вербализаторов концепта «Семья», функционирующее в славянских текстах X – XIV вв. отражает основы семейной организации у славян, заложенные в доисторический период. Памятники 5-ти веков представляют результат длительного развития института славянской семьи, когда из родоплеменного союза в качестве устойчивой социальной единицы происходит выделение нуклеарной семьи.

2. Древнерусский концепт «Семья» переживает два этапа, нашедших отражение и в структуре исследуемого ЛФП: а) X – XI вв., когда после принятия христианства происходило укрепление государственности, правового регулирования и обогащалась славянская культура; в это время восточнославянская семья начала испытывать влияние христианской морали; б) XII – XIV вв. – этап, характеризующийся феодальной раздробленностью Руси, и единая христианская вера сыграла консолидирующую роль в жизни восточнославянского этноса и его культуры; в данный период институт древнерусской семьи всецело подчинился церковным христианским установкам.

3. Взаимовлияние языческой и христианской культур не повлекло за собой кардинального изменения семейных традиций в восточнославянском обществе. Эволюция форм семейной организации, её превращение из полигамного союза в малую индивидуальную семью явилась следствием естественного процесса. Принятие христианства лишь ускорило становление института нуклеарной семьи.

4. Христианство оказало значительное влияние на формирование семейно-брачных отношений у древних русичей: институт семьи был передан под юрисдикцию Церкви, установившей нормы поведения славян в семейной жизни.

5. ЛФП «Семья» в результате взаимодействия языческой и христианской культур на втором этапе развития концепта обогащается новыми элементами: происходит пополнение единиц сектора «Родство по свойству», обусловленных возникновением церковного брака, появляется блок языковых единиц, связанных интегральной комплексной семьей 'духовное родство'. При этом сама структура поля значительным изменениям не подвергалась.

6. Большинство репрезентантов концепта «Семья» имеют исконное происхождение. Пополнение ЛФП в древнерусских текстах XII – XIV вв. также проходило за счёт внутренних резервов языка, что подтверждает формирование концепта «Семья» на славянской почве.

Апробация работы. О результатах исследования докладывалось на международной конференции «VI Севастопольские Кирилло- Мефодиевские чтения» (Севастополь, 2012); международной конференции «VII Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения» (Севастополь, 2013); на международной научной конференции «Русская историческая лексикология и лексикография XVIII – XIX вв.», посвящённой 100-летию со дня рождения д.ф.н. Ю.С. Сорокина (Санкт-Петербург, 2013); на Всероссийской научно-практической конференции XI Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура» (Челябинск, 2013); Всероссийской научно-

практической конференции XII Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура» (Челябинск, 2014); на международном симпозиуме «Русская культура как объект современной лексикографии и фразеологии» (Магнитогорск, 2014); на Всероссийской научно-практической конференции XIII Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура» (Челябинск, 2015); на заседаниях научно-теоретического семинара аспирантов-лингвистов при кафедре русского языка и общего языкознания Магнитогорского государственного университета (2011–2012) и Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (2013–2014). Основные положения диссертации освещены в 15 публикациях (из них 14 статей и 1 тезисы).

Структура диссертационного сочинения подчинена решению поставленных задач. Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка использованной литературы, состоящего из 245 наименований, и приложения.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Общий литературный язык славян Средневековья и его роль в формировании концептосферы древних русичей

Для наблюдений за процессами становления концептосферы славянского этноса необходимо привлечь тексты, созданные на древнейшем общелитературном языке славян. По отношению к древнему письменно зафиксированному языку славян Средневековья, принявших христианство, в лингвистике употребляются различные термины: *словенский / славенский язык, древнесловенский / старословенский язык, церковнославянский / древнецерковнославянский язык, древнеболгарский / староболгарский язык и старославянский язык.*

Термины *словенский / славенский язык*, используемые в трудах М.В. Ломоносова 1757 г. [Ломоносов 1952: 587], М.А. Максимовича [Максимович 1839: 43], И.И. Срезневского [Срезневский 1887: 118], указывали на принадлежность этого языка всем славянам, а также подчёркивали его словенское происхождение, поскольку «некоторые более ранние исследователи и даже Ф. Миклошич считали, что он возник в Паннонии» [Ван-Вейк 1957: 18] на том основании, что именно в Моравии и Паннонии, где жили западные славяне, а также *словене*, началось богослужение на языке переводов солунских братьев.

В отечественном языкознании XIX – XX вв. применительно к общелитературному языку славян Средневековья активно использовался и продолжает использоваться термин *старославянский язык*. Этот термин одним из первых ввёл в научный обиход словенский исследователь В. Облак [Oblak 1896: 63]. Данный термин встречается в трудах А.А. Шахматова 1898 и 1915 гг. [Шахматов 2002: 254], В.Н. Щепкина [Щепкин 1899: 26], Б.М. Ляпунова [Ляпунов 1905: 15], Н.Н. Дурново [Дурново 1929: 54] и др.

Начало изучения старославянского языка связано с деятельностью А.Х. Востокова, издавшего в 1843 г. «Остромирово евангелие», которое он считал «ближайшим к началу славянской письменности памятником церковнославянского языка» [Востоков 1843 / 2007: 2]. При этом учёный разводил понятия *старославянский* и *церковнославянский* язык. Церковнославянским он считал тот язык, который «сохранился в церковных книгах славян грековосточной церкви, какому бы племени ни принадлежал этот язык – Болгарскому или Паннонскому» [Востоков 1843 / 2007: 5]. *Старославянский язык* Востоков определял как язык древнейших памятников кирилло-мефодиевской письменности X – XI вв., считая его общим литературным языком для всех славян [Там же].

В 1886 г. вышло 2-е издание книги А. Лескина «Руководство по древнеболгарскому (древнецерковнославянскому) языку». При создании грамматики автор исключил памятники русского, сербского и среднеболгарского изводов и использовал в качестве источников рукописи, которые он считал древнеболгарскими (древнецерковнославянскими).

А.А. Шахматов и В.Н. Щепкин перевели «Грамматику» А. Лескина на русский язык и в 1890 г. издали её под названием «Грамматика старославянского языка». Отечественные лингвисты включили в число старославянских памятников «Остромирово евангелие», доказав, что оно является рукописью югославянского происхождения, занесённой в Новгород [Шулежкова 2014: 246-247]. А.А. Шахматов и В.Н. Щепкин, писавшие об активном функционировании на территории Древней Руси старославянского письменного литературного языка, укрепили позиции термина *старославянский язык* в отношении общего литературного языка славян Средневековья.

Распространению термина *старославянский язык* в лингвистической среде во многом способствовал выпуск серии «Памятники старославянского языка», сопровождавшийся научными комментариями к древним славянским текстам. Вслед за Саввиной книгой [Щепкин 1903] были опубликованы

Листки Ундольского [Карский 1904], Супрасльская рукопись [Северьянов 1904], Охридские глаголические листки [Ильинский 1915] и Синайская псалтырь [Северьянов 1922].

Большой вклад в изучение первого письменного языка славянского этноса внёс Ф.Ф. Фортунатов. Он разграничивал понятия *старославянский язык* и *церковнославянский язык*, называя язык, на котором были созданы первые памятники славянской литературы, *старославянским*, являющимся общим языком славян Средневековья, а современный ему язык церковной литературы – *церковнославянским* [Цит. по: Фортунатов, т. 2, 1957: 5-6].

В 50-е гг. XX в. в России возрос интерес к историко-славистическим дисциплинам, активно преподававшимся на филологических факультетах вузов. А.М. Селищев, читавший курс *старославянского языка*, считал, что именно на этом языке созданы «славянские переводы греческих книг, – переводы, выполненные Константином и Мефодием и их учениками во второй половине IX в. <...> Древнейшие старославянские рукописи принадлежат X – XI вв.» [Селищев 1951: 7]. Посмертное двухтомное издание 1951-1952 гг. труда А.М. Селищева «Старославянский язык» закрепило термин *старославянский язык* применительно к древнейшему письменному литературному языку всего славянского этноса, а также ускорило процесс создания учебников и учебных пособий по данному курсу в России [Селищев 1951-1952].

В отечественной лингвистике XX в., помимо термина *старославянский язык*, функционировал термин *древнеславянский язык*. Данное определение указывает на древность литературного языка средневековых славян. Этот термин встречается в работах Н.И. Толстого [Толстой 1961: 52], М.М. Копыленко [Копыленко 1966: 36], Н.И. Мещерского [Мещерский <http>] для обозначения позднего церковнославянского языка, который функционировал в качестве общего литературного языка славян вплоть до XVIII в.

Н.И. Мещерский так определил преимущества употребления в научной литературе термина *древнеславянский язык*:

«1) свободен от дополнительных указаний на этнический ареал (древнеболгарский);

2) лишён дополнительной общественно-функциональной ориентации (церковнославянский);

3) нет ограничений в отношении узких хронологических рамок или круга использовавших его памятников письменности (старославянский)» [Мещерский [http](http://)].

Тем не менее, в современной русистике применительно к общелитературному языку славян Средневековья (X – XI вв.) наиболее употребительным по-прежнему считается термин *старославянский язык*. С.Г. Шулежкова в статье «Источники изучения фразеологического фонда древнейшего литературного языка славян» пишет: «Он [термин] отражает два дифференциальных свойства литературного языка, дошедшего до нас в славянских рукописных памятниках, – во-первых, его древность и, во-вторых, его принадлежность всем славянам» [Шулежкова 2010: 96]. Кроме того, определение *старославянский язык* указывает на то, что этот язык начинает использоваться славянами не только как язык церкви, но и как язык науки и литературы.

Принадлежность старославянского языка всем славянам вовсе не свидетельствует о его однородности. Так, А. Вайан в предисловии к «Руководству по старославянскому языку» отмечает: «Старославянский язык имеет ряд диалектов, и с самого своего возникновения и в церковнославянских языках, его продолжающих, от которых его нельзя отделить, он охватывает как общий язык большую часть славянского мира, от Богемии до России, отражая в своих областных вариантах специфические черты славянских языков» [Вайан 1952: 13].

Представление о старославянском языке можно составить по материалам древних текстов X – XI вв., созданных на языке Кирилла и

Мефодия. Однако число этих рукописей варьируется в зависимости от того, какое содержание тот или иной лингвист вкладывает в понятие *старославянский язык*. Так, авторы «Словаря старославянского языка», изданного в Праге, используя термин *старославянский язык* в широком значении, привлекали тексты не только «древнейшего периода старославянской письменности», но и памятники, относящиеся к «канону классических текстов», библейские, литургические, агиографические, гомилитические, правовые и т.д. рукописи, возникшие «в первый период переводческой деятельности славянских апостолов и их учеников, так называемые чешкоцерковнославянские тексты» [Slovník, т. 1, 2006: 11].

Р.М. Цейтлин полагает, что *старославянским* следует называть лишь «письменно-литературный язык, которым владели книжники культурных центров Юго-Западной (Македонской) и Восточной Болгарии конца X – XI вв. и на котором написаны древнеболгарские рукописи этого времени» [Цейтлин 1977: 12]. При этом исследовательница подчёркивает, что ни в Древней Руси, ни в Паннонии, ни в Моравии старославянские памятники появиться не могли. Поэтому материалом для создания «Словаря старославянского языка (по рукописям X – XI вв.)», вышедшего под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой, послужили лишь 18 так называемых классических старославянских памятников с привлечением восточнославянских текстов XI в. только в качестве “косвенных” источников [СтСл, 1994: 9].

Составители «Старобългарского речника», пользуясь для обозначения общего литературного языка всех славян термином *древнеболгарский язык*, отразили в словаре не только материалы классических старославянских рукописей X – XI вв., но и многочисленных древнеболгарских надписей, относящихся к указанному периоду. Лексический же фонд памятников восточнославянского происхождения XI в., за исключением «Новгородских (Куприяновских) листков», в словаре не отражён [Старобългарски речник: 1999 – 2009].

Взгляда Р.М. Цейтлин на старославянский язык придерживается и её последовательница В.С. Ефимова. В монографии «Наименования лиц в старославянском языке: способы номинации и приоритеты выбора» она пишет, что ранний этап древнеславянского языка (IX – нач. XI в.) отражён в классических старославянских рукописях (древнеболгарских памятниках X – XI вв.). К языку данных текстов, по её мнению, вполне правомерно использовать термин *старославянский язык* [Ефимова 2011: 3-4].

Подобный подход исключает принадлежность старославянского языка всем средневековым славянам, принявшим христианство. Однако дошедшие до нас тексты XI в., созданные на восточнославянской почве («Остромирово евангелие 1056 г. », «Изборники Святослава 1073 и 1076 гг. » и др.), являются доказательством того, что книжный литературный язык славян после принятия ими христианства активно функционировал и в Древней Руси. Поэтому эти восточнославянские памятники, наряду с 18-тью классическими рукописями болгарского происхождения, также необходимо причислить к старославянским текстам, ориентированным на язык Кирилла и Мефодия и их учеников. Более того, памятники восточнославянского происхождения дают богатый материал для исследования процессов формирования концептосферы славян.

Общий литературный язык славян Средневековья, на котором были созданы древнейшие славянские рукописи, оказал значительное влияние на становление концептосферы восточнославянского этноса. По отношению к носителю концептосферы, объективированной средствами общего литературного языка славян Средневековья и древнерусского языка, в диссертационной работе употребляется термин “средневековый славянин”, введённый Т.И. Вендиной в монографии «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» [Вендина 2002: 16].

Язык, отражённый в славянских памятниках X – XI вв., свидетельствует о тесной связи с древнейшими пластами культуры

средневековых славян, важной составляющей которой был общеславянский языковой фонд.

Именно в лексико-фразеологической системе общего литературного языка всего славянского мира находит своё отражение средневековая славянская культура. Т.И. Вендина справедливо замечает, что «язык культуры Средневековья был тем родником глубоких и жизненно важных смыслов, которые во многом определили не только их эволюцию, но и развитие языка русской культуры в целом» [Вендина 2007: 90].

В данном диссертационном исследовании для обозначения общелитературного языка славянского этноса, дошедшего до нас в памятниках X – XI вв., нами будет использоваться термин *старославянский язык*.

На становление концептосферы славянского этноса значительное влияние оказала христианская этика Средневековья. В IX – XI вв. происходила концептуализация различных категорий культуры, которые выражали мировоззрение средневекового славянства, его жизненную позицию и предназначение в окружающем мире. Посредством общелитературного языка славян осуществлялось “оживление” его культурно-исторического опыта.

Язык – это своеобразное зеркало культуры, в котором отражаются мифологические, религиозные представления народа о мире. При таком подходе язык рассматривается и как определённая концептуальная система, и как средство, служащее для оформления концептов в сознании человека. Концепты могут объективироваться в виде слов и УСК, в которых отображаются признаки того или иного фрагмента картины мира или же части такого фрагмента. Таким образом, через лингвистический материал отражается реальность и выражается специфика человеческого мышления.

Большинство базовых концептов, образующих концептосферу восточных славян в X – XI вв., испытало значительное влияние со стороны христианского учения в период функционирования общего для всего

славянского мира литературного языка. Эти процессы коснулись и концепта «Семья», являющегося одним из ключевых в концептосфере восточнославянского этноса. В процессе его трансформации и обогащения новыми признаками общелитературный язык славян сыграл очень важную роль. Многие славянские термины родства, сложившиеся ещё в доисторический период, ярко представлены в дошедших до нас памятниках X – XI вв. В древних рукописях, созданных на старославянском языке, нашли отражение как глубинные языческие представления средневековых славян о семье и семейных ценностях, так и новые нормы семейной жизни, привитые после крещения.

В процессе эволюции концепта «Семья» лексика и фразеология общего литературного языка всех славян, касающиеся института семейных отношений, были прочно освоены русским языком, который воспринял и многие элементы концептуальной системы этого языка, характеризующегося особым вниманием к слову. Так обеспечивалась преемственность культурных традиций, социального и культурного опыта этноса.

1.2. Принципы описания ЛФП вербализаторов концепта «Семья»

На современном этапе развития лингвистической мысли всё большее признание находит теория, согласно которой система языка представляет собой «непрерывную совокупность полей, переходящих друг в друга своими периферийными зонами и имеющих многоуровневый характер» [Стернин 1985: 38]. Именно эти поля языковых единиц открывают доступ к познанию концептосферы того или иного этноса.

С точки зрения современного языкознания, концепт обладает многоуровневой структурой, которая выявляется посредством анализа поля его вербализаторов. Структурная организация концепта может быть описана с позиции теории поля. Основоположником теории поля был немецкий учёный Й. Трир, который считал одной из характерных черт поля наличие интегральных семантических признаков у группы слов [Трир 1931: 34]. Теоретиком полевой модели системы языка в отечественной лингвистике является Г.С. Щур. Он определял поле как «способ существования и группировки языковых элементов с общими инвариантными свойствами» [Щур 1974: 53].

Теория семантического поля изложена в работе Ю.Н. Караулова «Общая и русская идеография». Под *лексико-семантическим полем* он понимает группу слов одного языка, тесно связанных друг с другом по смыслу, и указывает, что «семантическое поле представляет собой отдельную небольшую лексическую подсистему, имеющую относительную самостоятельность» [Караулов 1976: 25]. Исследователь обосновал размытость и неопределённость границ семантического поля, определил главные его свойства: открытость, незавершённость, способность «генерировать» новые слова.

Концепт как квант структурированного знания состоит из определённых компонентов (концептуальных признаков). При его вербализации концептуальные признаки предстают как семы. Термин *сема*

был введён чешским лингвистом В. Скаличкой для обозначения минимальной, предельной единицы плана содержания [Скаличка 1967: 122]. В значении языковой единицы обязательно присутствует главный компонент, по которому можно определить её принадлежность к тому или иному полю.

Лексемы и УСК, репрезентирующие концепт «Семья», тоже формируют ту или иную группу языковых единиц, исходя из наличия в их семантической структуре общего элемента значения. Данный общий элемент их лексического значения может быть представлен как одной семой, так и объединением нескольких сем. Для обозначения подобного объединения сем О.А. Арапов в своём диссертационном исследовании «Вербализация концептосферы “Метафизический мир” в фольклорных духовных стихах XIX столетия» ввёл термин *комплексная сема*, под которым понимается «объединение (слияние) нескольких взаимосвязанных сем, которое может быть обнаружено в семантической структуре каждой из языковых единиц, входящих в определённую группу» [Арапов 2012: 50].

Изучение ЛФП реконструируемого концепта основывалось также на анализе каждой языковой единицы, входящей в поле, и на выявлении семантических отношений между членами поля. При этом ключевыми терминами при описании ЛФП «Семья» явились термины *интегральная* и *дифференциальная семы* формирующих поле лексем и УСК. Семы, отличающие языковые единицы друг от друга, называются *дифференциальными*, а те, что помогают их объединять, именуют *интегральными* [Новиков 2003: 451].

Использование различных методов и приёмов при построении ЛФП репрезентантов исследуемого концепта позволило значительно обогатить представление о его организации. При составлении картотеки нами использовался **приём сплошной выборки** словных и сверхсловных языковых единиц из славянских памятников X – XIV вв., обладающих высокой информативностью применительно к исследуемому концепту.

Для описания признаков древнерусского концепта «Семья» применялась **методика реконструирования** ЛФП его вербализаторов. Данная методика позволила вычленить ядро, околоядерную зону, зоны ближней и дальней периферии исследуемого ЛФП, выявить семантические расстояния между членами поля и, в конечном счёте, определить уникальность отдельно взятых значений языковых единиц, вербализующих концепт «Семья».

При диахронном подходе применялся **сравнительно-исторический метод**, который дал возможность реконструировать концепт «Семья» в динамике. Необходимым для нашего исследования также оказался **приём этимологического анализа**, позволивший выявить происхождение языковых единиц, объективирующих концепт «Семья»; изучить терминологию родства, представленную в текстах общелитературного языка славян Средневековья и в древнерусских памятниках XII – XIV вв.; установить истоки формирования лексико-фразеологического фонда, связанного с семейной сферой, в современном русском языке.

Методика полевого анализа позволила выявить и описать когнитивные классификационные признаки, на основе которых сформировались зоны ЛФП вербализаторов древнерусского концепта «Семья», и представить его содержание в виде полевой структуры.

Для описания ЛФП «Семья» нами использовался также **компонентный анализ**, представляющий собой способ «изучения содержательной стороны значимых единиц языка, состоящий в разложении значения на минимальные семантические составляющие – семы» [Новиков 2003: 451]. Компонентный анализ оказался наиболее продуктивным при выявлении когнитивных признаков рассматриваемого концепта.

При исследовании ЛФП древнерусского концепта «Семья» в диссертационной работе также использовался **контекстологический (дистрибутивный) метод**, который основан на изучении окружения, контекста употребления отдельных языковых единиц, ибо в связных текстах

все единицы расположены не произвольно, а согласно определённым закономерностям, носящим и детерминированный, и вероятностный характер.

При исследовании любого ЛФП необходимо описание семантических связей, возникающих между его вербализаторами. Речь идёт о парадигматических (антонимических, синонимических) и иерархических (гиперо-гипонимических) отношениях лексем и УСК в пределах поля. «Противопоставленные единицы находятся между собой в парадигматических отношениях, основанных на их способности к различению в одной и той же позиции» [Арутюнова 2003: 654].

Сближение разных языковых единиц, входящих в состав поля, происходит нередко на базе синонимии. Вслед за Ю.Д. Апресяном мы рассматриваем *синонимию* как явление, которое соответствует трём условиям: «1) слова и словосочетания должны иметь полностью совпадающее толкование, т.е. переводиться в одно и то же выражение семантического языка; 2) слова и словосочетания должны иметь одинаковое число активных семантических валентностей; 3) слова и словосочетания должны принадлежать к одной и той же (глубинной) части речи» [Апресян 1974: 223].

Противопоставление значений выражается через антонимию. Вслед за Л.А. Новиковым под *антонимией* мы будем понимать «различие внутри одной и той же сущности (качества, свойства, отношения, движения, состояния и т.п.), крайне противостоящие проявления такой сущности, их полярные определения» [Новиков 2003: 28].

Наряду с синонимией и антонимией, к числу основных семантических связей между языковыми единицами внутри ЛФП относятся также гиперо-гипонимические отношения, понимаемые как «противопоставление языковых единиц, соотносящихся с понятиями, объёмы которых пересекаются. Слово с более узким смысловым содержанием (гипоним) противопоставлено слову с более широким смысловым содержанием

(гиперониму, или суперординате). Значение первого при этом включается в значение второго» [Белоусова 2003: 81].

При построении и анализе рассматриваемого ЛФП «Семья» учитывалась полисемия формирующих его слов и УСК. Характерной чертой ЛФП «Семья» является наличие нескольких значений у вербализующих его слов и УСК. Многозначные вербализаторы могут реализовывать в поле не только одно из своих значений, но и актуализировать другие свои значения в разных группах ЛФП.

Языковые единицы, исследуемые в данной работе, отличаются друг от друга не только своей семантикой, но и частотностью встречаемости в привлекаемых для анализа памятниках, а также сферой употребления. Поэтому при описании ЛФП древнерусского концепта «Семья» нами использовался **приём количественных подсчётов**, который дал возможность определить продуктивность разных групп объективирующих концепт лексем и УСК.

При характеристике структуры ЛФП «Семья» применялся в качестве одного из основных **описательный метод**. Ядерная, околаядерная зона, зоны ближней и дальней периферии рассматривались в двух хронологических срезах – 1) X – XI и 2) XII – XIV вв. На протяжении XII – XIV вв. ЛФП репрезентантов концепта «Семья» заметно расширилось, обогатилось языковыми единицами, сохранив при этом основные черты своей структуры.

1.3. Характеристика материалов исследования

Формирование древнерусского концепта «Семья» рассматривается нами в диахроническом аспекте, поэтому привлекаемые для его реконструкции славянские памятники X – XIV вв. классифицируются по хронологическому принципу:

1) древнейшие славянские тексты X – XI вв., отражающие состояние концепта «Семья» в период столкновения языческого и христианского мировоззрений;

2) древнерусские памятники XII – XIV вв., характеризующие процесс изменения концепта «Семья» в связи с утверждением позиций христианства у восточных славян.

В зависимости от места создания исследуемые в работе 14 памятников X – XI вв. подразделяются на рукописи южнославянского (Зографское, Мариинское, Ассеманиево евангелия; Синайская псалтырь; Синайский евхологий; Рыльские глаголические листки; Супрасльская рукопись) и восточнославянского происхождения (XIII слов Григория Богослова; Пандекты Антиоха; Синайский патерик; Бычковская, Евгеньевская псалтыри; Изборник Святослава 1073 г.; Изборник Святослава 1076 г.). Все эти тексты, несмотря на разную территориальную принадлежность, созданы на общелитературном языке славян Средневековья.

С позиции жанра среди рассматриваемых в диссертационном сочинении славянских рукописей X – XI вв. можно выделить:

1) евангелия:

а) четвероевангелия (Зографское и Мариинское);

б) евангелие-апракос (Ассеманиево);

2) псалтыри (Синайская, Бычковская, Евгеньевская псалтыри);

3) книги литургического назначения (Синайский евхологий, Рыльские глаголические листки);

4) творения святых отцов (XIII слов Григория Богослова, Пандекты Антиоха);

5) жития святых (Синайский патерик, Супрасльская рукопись);

6) сборники нравоучений и толкований (Изборник Святослава 1073 г., Изборник Святослава 1076 г.);

7) юридические документы (Церковный устав кн. Ярослава).

В славянских памятниках X – XI вв., используемых в качестве источников исследования, ЛФП «Семья» состоит из вербализаторов, которые характеризуют процесс становления института нуклеарной семьи у средневековых славян.

Зографское евангелие представляет собой неполную глаголическую рукопись, содержащую 304 пергаментных листа, из них 288 – евангельский текст. По палеографическим и языковым данным относится к памятникам, написанным в Македонии или в смежных с ней областях Болгарии. Изданный в кирилловской транскрипции в 1879 г. в Берлине акад. И. В. Ягичем, в настоящее время этот памятник находится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Мариинское четвероевангелие – глаголическая неполная рукопись конца X – начала XI в. македонского происхождения. Полное научное издание памятника в кириллической транскрипции первым осуществил И. В. Ягич (Санкт-Петербург, 1883).

Ассеманиево евангелие-апракос, или Ватиканский кодекс, представляет собою евангельские чтения на субботу и воскресенье в календарном порядке и с календарными заметками о христианских праздниках. Это глаголическая рукопись XI в. на 158 пергаментных листах, созданная в Македонии или в соседних с нею областях Болгарии. В 1955 г. Й. Курц опубликовал этот памятник в Праге в кириллической транскрипции.

В евангельских текстах и книгах для литургии широко представлены языковые единицы, связанные с брачно-семейными отношениями. Так, в Зографском, Мариинском, Ассеманиевом евангелиях и в Синайском

евхологии, включающем множество молитв, текстов особых церковных служб, а также «Заповеди святых отцов», касающиеся правил поведения христианина в семейной жизни, часто употребляются вербализаторы околядерной зоны ЛФП (**жена, мжжъ, отць** и др.); единицы ближней (**женити сѧ, посагати** и др.) и дальней (**поустити женж, поустити мжжа** и др.) периферии сектора «Родство по свойству» (отношения, возникающие между супругом и кровными родственниками супруга, а также между родственниками супругов).

Евангельские тексты демонстрируют представления о брачном союзе с позиции христианских идеалов, провозглашавших его нерушимым. В евангелиях, а также в псалтырях нами обнаружены репрезентанты дальней периферии сектора «Родство по крови» (**родъ, рожденик** и др.). На наш взгляд, это объясняется тем, что в данных библейских текстах отразились традиции и обычаи древних иудеев, у которых основной формой семьи был родоплеменной союз.

Рыльские глаголические листки, написанные глаголицей в XI в. на 8-ми повреждённых пергаментных листах и 3-х обрывках листов, сохранили части исповедальной молитвы и наставлений Ефрема Сирина. Они содержат языковые единицы, входящие в околядерную зону ЛФП (**дъчи, сынъ** и др.) и вербализаторы дальней периферии сектора «Родство по крови» (**домъ, плѣмѧ** и др.).

XIII слов Григория Богослова XI в. – одна из самых ранних славянских рукописей, состоящей из текстов, предназначенных для частного чтения. Памятник содержит фрагмент сборника слов и христианских поучений, отдельные грани которых затрагивают и взаимоотношения лиц, находящихся в браке, и близких кровных родственников. Поэтому в данном памятнике встречаются языковые единицы, формирующие околядерную зону ЛФП «Семья» (**родителѧ, чѧда** и др.) и ближнюю периферию сектора «Родство по свойству» (**бракъ, женитѧ** и др.).

Пандекты Антиоха – сборник, составленный Антиохом, уроженцем Галатии, принявшим постриг в Атталинском монастыре в Анкире. Сборник содержит послание Антиоха Евстафию и 130 глав, каждая из которых характеризует различные добродетели и пороки (воздержание, пост, скупость, гнев и т. д.) с опорой на фрагменты из Св. Писания и сочинений отцов церкви. Рукопись представляет собой справочник по вопросам христианской этики и морали, на основе которых, безусловно, строились и семейные отношения средневековых славян. Неслучайно в этом памятнике обильно представлены вербализаторы околядерной зоны ЛФП (**отъць**, **мати** и др.).

Супрасльская рукопись – кириллический памятник из 285 пергаментных листов, написанный одним писцом в XI в. в северо-восточной Болгарии. Полный текст рукописи (включая 151 лист, хранящийся в Народной библиотеке в Варшаве), с научным комментарием опубликовал С.Н. Северянин в Санкт-Петербурге в 1904 г. (переиздано в Граце в двух томах в 1956 г.). Представляющий собой сборник житий святых, этот памятник является одним из самых значимых по численности вербализаторов ЛФП «Семья» в славянских текстах X – XI вв. В рукописи активно употребляются репрезентанты околядерной зоны ЛФП «Семья» (**братъ**, **сестра** и др.); широко представлены вербализаторы ближней (**оженити**, **обржчити** и др.) и дальней (**въдова**, **въдовица** и др.) периферии сектора «Родство по свойству»; единицы ближней (**братоучадо**, **дъщерша** и др.) и дальней (**прадѣдъ**, **чада паже потомъ** и др.) периферии сектора «Родство по крови». В Супрасльской рукописи отразились различные сферы жизни средневековых славян, в том числе и семейные взаимоотношения. Как и в Синайском патерике, здесь описываются случаи духовного подвига мирян различного социального положения и родовой принадлежности, поэтому так часты единицы дальней периферии сектора «Родство по крови» (**добра рода**, **славна рода** и др.).

Изборники Святослава 1073 и 1076 гг. содержат выписки из библейских книг и сочинений известных византийских отцов церкви. Статьи Изборника Святослава 1073 г. включают в себя материал по вопросам догматического богословия, христианской этики и морали. Проблемы семейных взаимоотношений, безусловно, занимают среди них ключевую позицию. Положения Изборника Святослава 1076 г. даны в форме кратких изречений афористического характера, в виде отдельных обширных “слов”, “поучений” или вопросо-ответных компиляций и т.д. Значительная часть данных рукописей посвящена наставлениям, касающимся семейных отношений у христиан. Неслучайно в Изборниках Святослава 1073 и 1076 гг. широко представлено ЛФП вербализаторов концепта «Семья». Так, в обоих памятниках часто употребляются вербализаторы околядерной зоны (**дѣчи, сынѣ** и др.) и ближней периферии сектора «Родство по свойству» (**дѣдѣти за мѣжѣ, свѣтъбѣ творити** и др.). В обоих Изборниках есть вербализаторы дальней периферии сектора «Родство по крови» (**праотѣць, вѣноукѣ** и др.).

Среди многочисленных уставов и уставных грамот Древней Руси именно Церковный устав кн. Ярослава 1051 – 1054 гг. является самым ценным источником для реконструкции древнерусского концепта «Семья». В нём отразилась борьба Церкви с языческими пережитками в семейно-брачных отношениях восточных славян. Вопрос о происхождении данной рукописи решается исследователями по-разному. Так, по мнению А.С. Павлова, Церковный устав кн. Ярослава образовался путём частной кодификации норм церковного права, вызванных исторической необходимостью перенести в сферу церковного суда ту же систему денежных штрафов, какая принята в Русской правде. Он относит составление текста Устава к XII веку [Павлов 2002: 150]. Историк А.А. Зимин полагал, что текст памятника был составлен к рубежу XIV – XV вв., определяя местом его происхождения канцелярию святителя Киприана [Зимин 1984: 164]. Однако наиболее убедительной, на наш взгляд, является точка зрения Я.Н. Шапова. Он считает, что архетипический текст Устава

относится к XI в. и что упоминание в нём о составлении его князем Ярославом по согласованию с митрополитом Иларионом вполне достоверно.

Устав фиксирует согласующиеся с нормами феодального законодательства христианские нормы поведения в семейной жизни, которые были установлены Церковью. Так, в Уставе представлены вербализаторы околоядерной зоны (**сынъ, отъць** и др.); единицы ближней (**дѣверь, пстры** и др.) и дальней (**поустити мжжа, разлжчити** и др.) периферии сектора «Родство по свойству»; наименования духовных родственников (**коумъ, коума** и др.). Устав Ярослава, переработанный на основе существовавшей практики православной церкви, должен был в той или иной степени укрепить её положение, особенно в области семейного права.

Строгий церковный регламент в отношении института брака и семьи отражён и в привлекаемых для реконструкции ЛФП «Семья» 15 памятниках XII – XIV вв., созданных на древнерусском языке. С точки зрения жанровых особенностей использованные в качестве источников рукописи XII – XIV вв. можно разделить на:

- 1) сочинения отцов церкви (Повесть Кирила Туровского к Василию, игумену Печерскому; Златоструй, Пандекты Никона Черногорца);
- 2) юридические акты официального и частного характера (Договорная грамота вел. кн. тверского Михаила Александровича и детей его с вел. кн. Василием Дмитриевичем и другими князьями до 1399 г., Духовная грамота новгородца Остафья 1396 г.);
- 3) своды законов (Псковская судная грамота, Ефремовская кормчая, Новгородская кормчая, Рязанская кормчая, Устюжская кормчая, Русская правда);
- 4) летописи (Ипатьевская летопись, Повесть временных лет);
- 5) послания (Слово Даниила Заточника);
- 6) сборник афоризмов и изречений (Пчела).

В Повести Кирила Туровского к Василию, игумену Печерскому, в Договорной грамоте вел. кн. тверского Михаила Александровича и детей его

с вел. кн. Василием Дмитриевичем и другими князьями до 1399 г. и Златоуструе XII в. представлена ядерная лексема ЛФП «Семья» – **сѣмѣа** (4 употр.). Златоуструй был создан болгарским царём Симеоном, который выбрал за основу поучения Иоанна Златоуста и составил из них книгу, называемую Златоуструй, так как «“сладкие речи” её словно “золотые струи” омывают душу людей» [Фомина, СК, 1987: 187]. В этом сборнике находим вербализаторы околоядерной зоны ЛФП (**родитѣлѣа**, **члѣда** и др.) и дальней периферии сектора «Родство по крови» (**достоѣаникѣ**, **имѣѣникѣ** и др.).

В Духовной грамоте новгородца Остафья 1396 г., представляющей собой завещание знатного гражданина, употребляются лексемы, составляющие дальнюю периферию сектора «Родство по крови» (**дѣдина**, **животѣ** и др.).

Пандекты Никона Черногорца XIV в. – компилятивное сочинение, сборник правил монашеской жизни, написанный монахом Никоном Черногорцем, жившем около Антиохии во второй половине XI в. в монастыре, расположенном на Чёрной горе. Памятник содержит выписки из творений отцов церкви и соборных постановлений, большая часть которых регламентирует брачные отношения у восточных славян. Поэтому в данном памятнике часто встречаются единицы, входящие в околоядерную зону поля (**жена**, **мжжѣ** и др.), в ближнюю (**бракѣ**, **жененикѣ** и др.) и дальнюю периферию (**потѣпѣга**, **изгѣнаниа** и др.) сектора «Родство по свойству».

В качестве материалов, необходимых для реконструкции исследуемого концепта, нами были привлечены юридические документы Древней Руси – кормчие книги. Кормчая – это свод законов и правил, употреблявшийся при церковных судах. Её первоисточником является византийский Номоканон VI в., созданный константинопольским патриархом Иоанном Схоластиком во второй половине XI – начале XII вв. Древнейшие русские списки кормчих книг датируются концом 80-х гг. XIII в. Номоканоны, в славянской переработке получившие название кормчих книг, активно редактировались и

дополнялись нормами светского права. В этот период создавались местные редакции кормчих книг: Рязанская, Новгородская, Устюжская и др.

В многочисленных кормчих, правовых грамотах и нормативных актах Древней Руси отражены попытки церкви, курирующей институт восточнославянской семьи, установить наиболее приемлемые, с её точки зрения, правила поведения в семейной жизни и назначить наказания за нарушение этих правил. Поэтому в Псковской судной грамоте, Ефремовской кормчей, Новгородской кормчей, Рязанской кормчей, Устюжской кормчей и Русской правде активно функционируют вербализаторы околядерной зоны ЛФП (**дъчи**, **сынъ** и др.); репрезентанты ближней (**мжжеложнага**, **мжжатица** и др.) и дальней (**потъпѣга**, **изгънанага** и др.) периферии сектора «Родство по свойству»; единицы ближней (**дъщерша**, **нѣтии** и др.) и дальней периферии (**въноукъ**, **въноука**, и др.) сектора «Родство по крови».

Произведениями светского характера, в той или иной степени отражающими сферу семейных отношений у восточных славян, являются Повесть временных лет, наиболее ранний из дошедших до нас древнерусских летописных сводов начала XII в. Он известен по нескольким редакциям и спискам с незначительными отклонениями в текстах, внесёнными переписчиками. Ипатьевская летопись — также один из древнейших русских летописных сводов и важнейших документальных источников по истории Древней Руси, созданных в конце XIII в. В данных текстах часто встречаются единицы околядерной зоны ЛФП (**жена**, **мжжъ** и др.), вербализаторы ближней периферии секторов «Родство по крови» (**братоучадо**, **дъщерша** и др.) и «Родство по свойству» (**женитва**, **невѣстство** и др.); репрезентанты дальней периферии сектора «Родство по крови» (**рожденик**, **родъ** и др.).

В Слове Даниила Заточника, написанном, по мнению большинства исследователей, в конце XII — начале XIII вв., и представляющем собой афористически-поэтическое сочинение, созвучное псалтырному тексту,

представлены вербализаторы околоядерной зоны поля (**сынъ, дъчи** и др.) и единицы дальней периферии сектора «Родство по свойству» (**въдова, въдовица** и др.).

Сборник изречений Пчела, относящийся к XIV в. через афоризмы философского и нравственного содержания характеризует быт и нравы Древней Руси, а потому затрагивает и семейные отношения. В этом памятнике активно употребляются единицы околоядерной зоны (**ближика, жжика** и др.), вербализаторы ближней (**бракъ, женитва** и др.) и дальней (**поущати женж, поустити мжжа** и др.) периферии сектора «Родство по свойству».

Итак, наиболее информативными памятниками, характеризующими семейные отношения у славян на первом этапе развития концепта «Семья», являются евангельские тексты, Супрасльская рукопись и Церковный устав кн. Ярослава. Эти рукописи отражают влияние христианского вероучения на институт семьи у древних русичей.

Сектор «Родство по крови» ярко представлен в житиях святых, в богослужебных текстах и в сборниках нравоучений, где подчёркивается важность кровнородственных отношений между членами христианской семьи.

Вербализаторы сектора «Родство по свойству» активно употребляются в памятниках литургического назначения, в рукописях, предназначенных для богослужения, в нравоучительных сборниках и юридических документах, где с точки зрения христианских догматов регулируются отношения между супругами и свойственниками.

Среди текстов, отражающих состояние института семьи у восточных славян на втором этапе развития концепта «Семья», наиболее информативными являются многочисленные правовые акты Древней Руси, в которых церковными властями, курирующими семейно-брачные отношения, были установлены нормы поведения славян в семейной жизни.

Секторы «Родство по крови» и «Родство по свойству» широко представлены в сводах законов Древней Руси, в сочинениях отцов церкви, в светских памятниках. В данных рукописях с юридической точки зрения и с позиции христианского вероучения регулируются отношения между близкими и дальними кровными родственниками, а также между супругами и свойственниками.

Для всех славянских памятников X – XIV вв. характерна высокая частотность наименований членов двупоколенной семьи, отражающих те родственные связи, которые выше всего ценились древними русичами. Наиболее полно процесс трансформации концепта «Семья» проявился в древнерусских памятниках XII – XIV вв., что, на наш взгляд, связано с укреплением и развитием родственных отношений, а также с передачей института семьи церковным властям, регламентировавшим правила поведения принявших христианскую веру восточных славян в семейной жизни.

Выводы по I главе

В диссертационном исследовании термины *общелитературный язык славян Средневековья* и *старославянский язык* функционируют как синонимы. Современная русистика расценивает старославянский язык как моделирующий фактор культуры славян, сыгравший значительную роль в становлении и развитии концептосферы восточнославянского этноса. Посредством общелитературного языка всего славянского мира древними русичами осваивались основы христианства, сыгравшего ключевую роль в изменении базовых ключевых концептов, одним из которых является концепт «Семья».

Изучение репрезентантов ЛФП «Семья» в двух хронологических срезах позволило проследить эволюцию древнерусского концепта на протяжении X – XIV вв. Источниками воссоздания концепта «Семья» у восточных славян послужили 14 славянских памятников X – XI вв. и 15 древнерусских рукописей XII – XIV вв., обслуживавших, в основном, религиозную и юридическую сферы жизни восточнославянского этноса.

Вербализаторы ЛФП «Семья», выделенные из древнейших славянских текстов религиозного содержания, входят, в основном, в околоядерную зону ЛФП «Семья», представленную наименованиями членов нуклеарной семьи, а также в секторы «Родство по свойству» и «Духовное родство». Данные единицы характеризуют брачно-семейные отношения у восточных славян с точки зрения христианской идеологии. В памятниках, обслуживающих церковную сферу, часто встречаются единицы в метафорических значениях, подчёркивающих тесную духовную связь между славянами, принявшими крещение.

В славянских рукописях XII – XIV вв., принадлежащих, в основном, юридической сфере, отражены репрезентанты ЛФП «Семья», пополнившие в большей степени секторы «Родство по свойству» и «Родство по крови», что

свидетельствует о расширении и укреплении различного типа родственных отношений у восточных славян.

Рассмотрев структуру ЛФП вербализаторов концепта «Семья» в славянских памятниках X – XIV вв., мы должны отметить, что изучаемое поле представляет собой строго организованную систему. Характерной чертой семантической структуры изучаемого ЛФП является его иерархическая организация, основанная на гиперо-гипонимических, синонимических и антонимических отношениях между языковыми единицами внутри поля.

ГЛАВА II. СТАНОВЛЕНИЕ ЯДЕРНОЙ И ОКОЛОЯДЕРНОЙ ЗОН ЛФП ВЕРБАЛИЗАТОРОВ ДРЕВНЕРУССКОГО КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ»

2.1. Структура ЛФП вербализаторов концепта «Семья» и трансформация ядерной зоны, прослеживаемая в славянских рукописях X – XIV вв.

2.1.1. Особенности структуры и ядро ЛФП вербализаторов концепта «Семья», реконструированное по данным славянских рукописей X – XI вв.

Исследование языковых единиц, составляющих ЛФП любого концепта, целесообразно было бы начать с анализа семантики и внутренней формы слова, именующего данный концепт. Как правило, лексема, представляющая концепт, является и названием поля его вербализаторов. Однако слово **сѣмѣна** не зафиксировано ни в одной из рассматриваемых нами славянских рукописей X – XI вв. Тем не менее, отсутствие той или иной лексемы в древних славянских памятниках не исключает вероятности её наличия в лексической системе общего литературного языка славян Средневековья. Доказательствами существования в нём слова **сѣмѣна** служат материалы этимологических и исторических словарей, где широко представлены однокоренные с лексемой **сѣмѣна** единицы, а также славянские памятники более позднего времени.

Ядерную сему ЛФП концепта «Семья» в славянских текстах X – XI вв. можно обнаружить, проведя этимологический и семантический анализ лексемы **сѣмѣна**, репрезентирующей этот концепт в памятниках, начиная с XII в. По мнению О.Н. Трубачёва, в лексеме **сѣмѣна** содержится суффикс -*m*, «с помощью которого она произведена от известного индоевропейского корня **kei-* ‘лежать’». Корень **kei-* с указанным значением часто использовался для образования наименований селений, жилища, стоянок.

Так, известны готск. *haims* ‘селение’, др.-исл. *heimr* ‘родина, мир’, нем. *heim* ‘дом, семейный очаг’ и др. [Трубачёв 2006: 164-165].

Об этом же свидетельствуют и данные «Этимологического словаря современного русского языка» А.К. Шапошникова, который считает, что русское слово *семья* происходит от индоевропейского **k'eimo / *k'oimo* со значением ‘большесемейный дом; подворье; покой, где вместе спят’ [Шапошников, т. 2, 2010: 315].

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» указано, что слово *семья* известно не только русскому, но и другим славянским языкам. Так, в словаре фиксируется укр. *сім'я* (чаще родина), блр. *сям'я*, болг. *семејство*. В других славянских языках данная лексема отсутствует, однако в том же значении встречается в с.-хорв. *породица*, словен. *družina*, чеш. *rodina*, польск. *rodzina* [Черных, т. 2, 1999: 154].

Достаточно основательно историю лексемы **сѣмѣна** изучал Б.А. Ларин. Он приводит обнаруженные в балтийских языках соответствия русскому слову *семья*, которые имеют, по сути, только значение ‘домочадцы, семья’: лит. *seima* ‘семья’, *seimyna* ‘челядь, домочадцы’, лтш. *saime* ‘семья, домочадцы’ [Ларин 2002: 260]. Учёный считает, что древнейшим значением слова **сѣмѣна** является ‘большая семья, задруга’, т.е. общность, куда входили только родственники. По мнению лингвиста, в этом значении отразились пережитки родоплеменного строя, при котором люди жили, объединившись в семейные кланы, роды. Только самого слова **сѣмѣна** тогда ещё не существовало. Вместо него употреблялось слово **родъ**. Со становлением феодализма, с зарождением производственных отношений появляется слово **сѣмѣна**, имеющее значение ‘челядь, слуги, домочадцы’. Под *семьёй* понимали всех, живущих в одном доме, как родственников, так и слуг, рабов [Ларин 2002: 260]. Именно это значение лексемы стали отмечать этимологические и исторические словари в качестве первого, однако многие историки языка склонны считать его вторичным.

Итак, проведя историко-этимологический анализ слова **сѣмѣна**, можно выделить его исходное значение ‘люди, проживающие на одной территории и связанные родственными отношениями’.

Истоки лексемы **сѣмѣна** можно обнаружить в древних памятниках общего для славян литературного языка, лексический фонд которого отражён в исторических словарях соответствующего периода. В «Старославянском словаре (по рукописям X – XI вв.)» и в «Старобългарском речнике» слово **сѣмѣна** отсутствует. Это можно объяснить тем, что источниками для «Старославянского словаря» 1994 г. послужили лишь 18 дошедших до нас классических старославянских рукописей, которые, безусловно, не охватывают всего словарного состава старославянского языка. В предисловии к «Старославянскому словарю» говорится, что он «включает не все слова, которые были в старославянском языке, так как до нас дошли лишь немногие памятники старославянской письменности той эпохи. Об утраченных словах старославянского языка мы отчасти можем судить по косвенным источникам – по церковнославянским рукописям различных изводов и редакций» [СтСл 1994: 9].

Источниками «Старобългарского речника» являются 12 глаголических и 9 кириллических памятников X–XI вв., а также многочисленные древнеболгарские надписи того же периода, однако и они не в полном объёме представляют лексический фонд старославянского языка.

Лексема **сѣмѣна** (**сѣмѣна**) представлена в «Материалах к словарю древнерусского языка», где среди нескольких её значений И.И. Срезневским указано ‘челядь, домочадцы, рабы’. С такой семантикой слово **сѣмѣна** впервые употреблено в «Толкованіяхъ на книгу пророка Іезекииля, по сп. XV вѣка, скопированных съ рукописи Упыря Лихого 1047 г.»: **Блада и ближѣна страны еѣ сѣмѣиѣ и съсоуды приношаахъ** [Срезневский, т. 3, 1912: 893]. Это косвенно подтверждает существование в общем литературном языке славян лексемы **сѣмѣна** в значении, зафиксированном

авторитетными этимологическими словарями. По замечанию В.В. Колесова, «в средние века семья стала включать в себя дворовых, разнообразную челядь и дальних родичей, которые также становились работниками данного дома, во главе которого оставался один хозяин (и одна хозяйка)» [Колесов 1986: 40]. Речь идёт о так называемой «феодалной» семье. Начиная с XI в., господствующей формой семьи на Руси становится малая индивидуальная семья, включавшая в себя супругов и их неженатых детей.

В современном русском языке слово *семья* в своём первом значении сохраняет представление о группе близких людей, родственников, проживающих под одной крышей. Это подтверждает и Б.А. Ларин: «< ... > будучи перенесено на новую социальную формацию, на малую семью, это древнее значение ('коллектив родни') сохранилось и поныне в русском литературном языке и в большинстве диалектов» [Ларин 2002: 261].

Таким образом, исходя из этимологии и семантики слова *сѣмѣна*, являющегося именем реконструируемого на основе славянских текстов X – XI вв. концепта «Семья», мы можем выделить интегральную ядерную сему ЛФП – 'группа людей, связанных родственными отношениями и проживающих совместно'.

Околоядерную зону, зоны ближней и дальней периферии анализируемого ЛФП в славянских памятниках X – XIV вв. образуют лексемы и УСК, в семантической структуре которых в той или иной степени присутствует ядерная интегральная сема. Отнесённость языковых единиц к тому или иному концептуальному слою, образующемуся с помощью концептуального признака (семы), зависит от соотнесённости их семантической структуры с ядерным значением ЛФП «Семья» и от степени возрастания абстрактности каждого следующего уровня. **Околоядерную зону** ЛФП «Семья» в славянских рукописях X – XIV вв. формируют *две группы* языковых единиц, в семантической структуре которых выделены дифференциальные семы, отражающие типы родства.

С зоны ближней периферии в структуре данного ЛФП начинается выделение двух секторов: «Родство по крови», «Родство по свойству». **Зона ближней периферии сектора «Родство по крови»** в славянских текстах X – XIV вв. представлена *двумя группами* вербализаторов, в структуре которых есть дифференциальные семы, характеризующие виды кровного родства. **Зона ближней периферии сектора «Родство по свойству»** формируется *двумя группами* единиц с дифференциальными семами, выявляющими особенности заключения брака.

Зона дальней периферии сектора «Родство по крови» в анализируемых текстах сформирована *двумя группами* языковых единиц с дифференциальными семами, указывающими на степень отдалённости родства. **Зона этой же периферии сектора «Родство по свойству»** образована *тремя группами* вербализаторов, в семантической структуре которых присутствуют дифференциальные семы, свидетельствующие об отсутствии брачных отношений.

Анализ структуры ЛФП «Семья», объективирующего одноимённый концепт в славянских памятниках X – XIV вв., позволил сделать предварительные выводы о его специфике. Наличие двух основных видов родства у славян обусловило деление лексем и УСК, начиная с зоны ближней периферии ЛФП концепта «Семья», на два сектора: «Родство по крови» и «Родство по свойству». Единицы, составляющие ЛФП «Семья», рассматриваются на двух этапах развития концепта: в X – XI и в XII – XIV вв. Вербализаторы исследуемого ЛФП в текстах X – XI вв. демонстрируют процесс становления концепта у славян в период взаимодействия языческой и христианской культур. Это повлекло за собой трансформацию ЛФП репрезентантов концепта «Семья» в древнерусских памятниках XII – XIV вв. Однако структура ЛФП в целом на обоих этапах формирования концепта «Семья» у восточных славян кардинально не менялась.

2.1.2. Изменение ядерной зоны ЛФП вербализаторов концепта «Семья», отражённое в древнерусских текстах XII – XIV вв.

Ядерная зона ЛФП вербализаторов концепта «Семья» в древнерусских памятниках XII – XIV вв. по сравнению с аналогичной частью поля вербализаторов концепта в славянских текстах X – XI вв. подверглась трансформации. Прежде всего, в этих рукописях появляется лексема, давшая название исследуемому концепту, – лексема **сѣмѣиѧ**.

В «Этимологическом словаре русского языка» отмечено, что лексема **сѣмѣиѧ** в древнерусском языке имела значение ‘челядь, домочадцы, семья; муж, жена’ [Фасмер, т. 3, 1996: 600]. Историк права М.Ф. Владимирский-Буданов в работе «Обзор истории русского права» пишет, что славянские семьи строились, в основном, на договорном начале, которое преобладало над кровнородственными связями. Аргументом в пользу этого тезиса служит сам термин *семья*, имевший в древнерусском языке, с точки зрения исследователя, значение ‘товарищество, основанное на договоре, соглашении’ [Владимирский-Буданов 2005: 478]. Однако с лингвистической точки зрения такой вывод весьма сомнителен. О.Н. Трубачёв свидетельствует, что лексема **сѣмѣиѧ** в древнерусском языке использовалась в значениях ‘челядь, домочадцы, рабы’ и ‘семья, семейство’ [Трубачёв 2006: 164-165].

В «Материалах к словарю древнерусского языка» у лексемы **сѣмѣиѧ** указывается как второе значение – ‘семья, семейство’ [Срезневский, т. 3, 1912: 893], что подтверждается примером из Повести Кирила Туровского к Василию, игумену Печерскому, памятника, относящегося к XII в.: **Спонѹ имѹть кѹ спасенію сѣмью и домъ** [Кир. Тур. Посл. Вас. 126]. Следовательно, второе значение ‘семья, семейство’ у анализируемой лексемы уже было сформировано к XII в.

К такому же выводу приходит и Б.А. Ларин. Он пишет, что «в древнерусском языке широко отражалась до конца XIV в. старославянская традиция (значение ‘рабы, челядь’), но наряду с нею с XII в. засвидетельствовано и второе, собственно русское значение ‘семейство, родственники’» [Ларин 2002: 260]. При этом в состав семьи причислялись фактически все члены рода, проживающие вместе.

Появление второго значения, видимо, было связано с тем, что постепенно в славянские семьи стали принимать всё новых членов, а это размывало границы семьи в узком её значении. Со временем возникла необходимость чётко отделить тех, кто входил в состав собственно семьи. *Семьёй* стали называть лишь близких родственников, живущих совместно. Г.И. Кабакова пишет: «Семья представляет собой группу совместно проживающих людей, как правило, связанных кровным родством или свойством, объединённых общими экономическими интересами, её цель заключается в воспроизводстве рода» [Кабакова, СД, т. 4, 2009: 613].

Филолог-славист Б.М. Ляпунов подчёркивает, что в деловом языке Древней Руси к началу XV в. лексема **сѣмѣнѣ** имела значение ‘семья’ (без челяди, рабов, входивших в её состав), хотя слуги как часть семьи были известны ещё после XII в. [Ляпунов 1928: 257].

Слово **сѣмѣнѣ** представлено в «Словаре старославянского языка», созданного Чехословацкой – Чешской Академией наук, лишь в одном значении – ‘семья’ [Slovník, т. 4, 2006: 384]. С такой семантикой данное слово употреблено в памятнике XIII в. «Беседы на евангелие папы Григория Великого»: **Максимъ притече. плача и крича. сѣмѣнѣ же снѣдоша сѣ** [Там же].

В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» первым значением у слова **сѣмѣнѣ** указывается ‘челядь, домочадцы, рабы’ [СлРЯ XI – XVII, вып. 24, 2000: 59]. Употребление лексемы в этом значении отмечено в Златоструе, рукописи, датированной XII в.: **Кажѣ и дѣти, да боудѣтъ подативы, ти**

како аще приплочеть, рекъши сѣмня множество, злато и сребро, то како мощна боудоу на съблюденіе томоу, а не имѣющи моужьня застоупа [Златоустр., 12 [http](#)]; дроуги на ближьнааго помысли, дроуги дроугааго сѣмью исхыти [Там же].

Вторым значением слова сѣмня в древнерусском языке, судя по «Словарю русского языка XI – XVII вв.», было ‘семья, семейство’ [СлРЯ XI – XVII, вып. 24, 2000: 59]. Лексема с таким значением встречается в «Актах социально-экономической истории северо-восточной Руси» XIV в.: Дали с(вя)тон Б(огороди)ци дому 9 земель бортных, а 5 погостовъ: Пѣсочна, а в неи 300 сѣмин, Холохолна, а в неи полтора(с)та сѣмин, Заячины, а в неи 200 сѣмин [Там же]. В «Договорной грамоте вел. кн. тверского Михаила Александровича и дѣтей его съ вел. кн. Василиемъ Дмитріевичемъ и другими князьями до 1399 г.», касающейся юридических норм Древней Руси, слово сѣмня также используется с семантикой ‘семья, семейство’: А кто холопъ, или роба, иметъ сѧ тагати съ осподаремъ и пошлется на правдоу, а не боудетъ по нихъ пороки, ино ихъ обвинити; а пошлинъ съ сѣмь три алтына, а съ головы алтынъ [Дог. гр. Вас. Дм. д. 1399 г.: [http](#)]. В.В. Колесов указывает, что «в деловом языке Древней Руси до начала XV в. слово *семья* стало употребляться в новом значении – ‘группа близких родственников (муж, жена, родители, дети)’», не включая слуг [Колесов 1986: 40].

Итак, проведя историко-этимологический и семантический анализ слова сѣмня, репрезентирующего одноимённый древнерусский концепт, мы выделили интегральную ядерную сему вербализаторов исследуемого ЛФП в древнерусских текстах XII – XIV вв. Как и в славянских рукописях X – XI вв. это ‘группа людей, связанных родственными отношениями и проживающих совместно’.

2.2. Околоядерная зона вербализаторов ЛФП концепта «Семья», представленная в славянских рукописях X – XI вв.

Околоядерную зону ЛФП вербализаторов концепта «Семья» в славянских памятниках X – XI вв. образуют **две группы** языковых единиц, в семантической структуре которых выделены дифференциальные семы, отражающие типы родства. Эти **группы** состоят из 47 лексем и 4 УСК в 646 и 13 употреблениях соответственно.

В **первую группу** входят наименования членов двупоколенной семьи, являющейся основной формой семейной организации у восточных славян. Её образует 33 лексемы и три УСК в 554 и 10 употреблениях соответственно. В данной группе языковых единиц выделяется 4 *подгруппы*. *Первую подгруппу* формируют наименования супругов (**жена, сжпржга, мжжь, сжпржгъ, женатъин, оженивъшии сж, малъжена**). *Вторую подгруппу* составляют наименования представителей старшего поколения (**отъць, породивыи, родитель, мати / мать, родительница, родителя, роди**). Также в этой подгруппе находятся лексемы с обобщённым значением принадлежности прямым кровным родственникам (**матьрьнь / матьрьнии, отъчь, родительскъ, съродьныи**) и УСК, характеризующий отношение к родителям (**чътити отъца и мать**). В *третьей подгруппе* находятся наименования представителей младшего поколения (**сынъ, дъщи / дъчи, мизиньныи, пьрвородьць, пьрвьньць, кдиночадъ / иночадъ, кдинорожденъ, сынъ кдьночадыи / єдиночадыи / иночадыи, отрокъ кдьночадыи / єдиночадыи / иночадыи, дѣта, чадѡ**), в *четвёртой* – наименования представителей младшего поколения по отношению друг к другу (**братъ / братръ, братьць, сестра, братъсестра / братъсестрома**). Также в эту подгруппу входят лексемы связанные дифференциальной комплексной семой 'относящийся к брату / сестре' (**братънь / братрънь, сестринъ**). Большинство лексем,

формирующих околоядерную зону ЛФП «Семья» в славянских рукописях X – XI вв., являются полисемантами, и в качестве вербализаторов исследуемого поля они реализуют по одному из своих значений.

Абсолютное большинство вербализаторов околоядерной зоны ЛФП «Семья» имеет славянские или индоевропейские корни. Так, согласно традиционной точке зрения, лексема **жена** «восходит к индоевропейскому *gen-, означающему буквально – ‘рождающая потомство’. Первое значение слова **жена** – ‘взрослая женщина’. Значение ‘супруга’ является вторичным» [Рут 2003: 153]. Этимология слова отразилась на его семантике. В «Старославянском словаре (по рукописям X – XI вв.)» слово **жена** представлено в двух значениях, первым из которых является ‘женщина’, вторым – ‘жена, супруга’ [СтСл 1994: 216].

М. Фасмер приводит ещё одну этимологию слова **жена**, принадлежащую лингвисту О. Семереньи, который считает, что данная лексема происходит от и.-е. корня *g^wen- <*gu- / *g^wou- со значением ‘корова’ [Фасмер, т. 3, 1996: 76]. Семереньи, вероятно, опирался не только на звуковое сходство индоевропейских корней *gen- и *g^wen-, но и на сему вскармливания новорождённого грудным молоком, отражающую общее для всех млекопитающих свойство.

В значении ‘супруга’ лексема **жена** встречается в Изборнике Святослава 1073 г., где цитируется 26-й стих 14-й главы евангелия от Луки: **Рече бо ѿъ любви оца и матеръ нѣсть ми подобнь. и ниже ненавиди шца своѣго и матерѣ и женѣ и чадѣ. кште же и своѣа дѣша не может ми быти оученикъ** [Изб 1073, 90.2 а: 9-16].

В числе именованний лиц мужского пола, состоящих в браке, наиболее частотным оказалось слово **мѣжь** (84 употр.). П.Я. Черных отмечает, что данная лексема имеет и.-е. корень *man- со значением ‘человек’ [Черных, т. 1, 1999: 547]. В «Этимологическом словаре славянских языков» указано, что «праслав. и о.-слав. *тожь родственно др.-инд. *mānus* ‘человек,

мужчина', др.-в.-нем. mann 'мужчина, муж', далее, возможно, к *men- 'мыслить, думать'» [ЭССЯ, вып. 20, 1994: 160], что, вероятно, косвенно свидетельствует о роли супруга в семье. М.Э. Рут первым значением у слова *муж* считает 'взрослый человек'. Значение 'супруг', полагает она, у лексемы «является вторичным» [Рут 2003: 273]. Об этом свидетельствуют лексико-семантические варианты (ЛСВ) лексемы **мжжъ**, описанные в исторических словарях. В «Старославянском словаре (по рукописям X – XI вв.)» у лексемы **мжжъ** отмечены значения 'мужчина' и 'муж, супруг' [СтСл 1994: 342-343].

Лексемы **жена** и **мжжъ** встречаются в Изборниках Святослава 1073 и 1076 гг. Так, в Изборнике Святослава 1073 г. говорится, что жёны должны всецело повиноваться мужьям, быть послушными их воле: **Да ꙗкоже црѣви повинѣтъ сѧ хѣоу ꙗкоже и жены моужемъ своимъ** [Изб 1073, 168.1a: 22-26]; **аплъ рекыи жены своимъ моужемъ повинюите сѧ акы господеви. ꙗко глава ксть женѣ моужь** [Изб 1073, 168.1a: 16-22]. В Изборнике Святослава 1076 г. слова **жена** и **мжжъ** употреблены в связи с осуждением пьянства, которое может разрушить брак: **Гнѣвъ великъ моужжъ жена пыаничива** [Изб 1076, 269.2: 1-2].

Неоднократно наименования супругов упоминаются в юридических документах Киевской Руси. Так, в Церковном уставе кн. Ярослава 1051 – 1054 гг., есть статья, касающаяся ответственности за кражу, совершённую женой у своего мужа. Развод в данном случае статьёй не предусмотрен: **Аще жена оу мжжа крадетъ, а обличитъ ѿ, митрополитоу 3 гривны, а мжжъ казнитъ; про то не разлжчити** [Церк. уст. кн. Яросл. http]. Здесь же лексемы **жена** и **мжжъ** появляются в статье, где описываются наказания за грех прелюбодеяния: **Аще мжжъ отъ жены владеть, митрополитоу оу винѣ** [Там же].

Лексемы **женатъин**, **оженивъшини сѧ**, называющие мужчину, вступившего в брак, встречаем в Изборнике Святослава 1073 г.: **Чрьньци же и женатини довѣлѣтъ бо ѿженивъшему сѧ на милость неоудръжанок**

и похоть къ женѣ и съкоупленик. про кою же заповѣди въсѣмъ равно соутъ оуставлены. не безъ вѣды прѣстоупающѣмъ [Изб. 1073, 90.2 а: 23-29- 90.2б: 1-5].

Этимологию слова **малѣжена**, общего именования супружеской пары, подробно рассмотрел Ф.И. Буслаев. По его мнению, **малѣжена** (**манженѣ**) – сложное слово, со временем претерпевшее изменения в написании. Своими корнями оно уходит в глубокую древность. Лексема **малѣжена**, восходящая к санскриту, состоит из двух частей: *манж*, т.е. **мѣжъ** (скр. *мануджа* – ‘рождѣнный’ = *джа*, от героя и полубога Ману) и *жена*, означающее вместе и мужа, и жену [Буслаев 1848: 145].

Лексема **малѣжена** со значением ‘супруги’ [СтСл 1994: 322] в единичном употреблении отмечена в Рыльских глаголических листках, относящихся к XI в., где говорится об осквернении ложа одним из супругов как основании для расторжения брака: **Лютѣ бѣдетъ егда разлѣчитъ сѣ малѣженнаа иже не съхранишѣ ложа несквѣрнаго** [Рыл. глаг. лист., 3 стлб.: 10-14].

Лексемы **жена**, **сѣпрѣга**, **мѣжъ**, **сѣпрѣгѣ**, **женатѣи**, **оженивѣшии сѣ**, **малѣжена** объединены гиперо-гипонимическими отношениями. Два синонимических ряда слов **жена**, **сѣпрѣга** и **мѣжъ**, **сѣпрѣгѣ**, **женатѣи**, **оженивѣшии сѣ** по отношению друг к другу выступают согипонимами. Гиперонимом является лексема **малѣжена**, именующая обоих супругов. Лексемы, называющие замужнюю женщину (**жена**, **сѣпрѣга**), противопоставлены единицам, именующим женатого мужчину (**мѣжъ**, **сѣпрѣгѣ**, **женатѣи**, **оженивѣшии сѣ**) дифференциальной семьей ‘принадлежность к женскому / мужскому полу’. Два ряда лексем **жена**, **сѣпрѣга** и **мѣжъ**, **женатѣи**, **оженивѣшии сѣ**, **сѣпрѣгѣ** выступают по отношению друг к другу комплементарными антонимами, выражающими противопоставление двух видов одного рода. Родовым наименованием выступает слово ‘супруги’.

Степень ценности семейных отношений у средневековых славян «определялась, прежде всего, наличием кровнородственных связей» [Вендина 2002: 294], которые были намного крепче связей по свойству. Неслучайно в славянских рукописях X – XI вв. многочисленна терминология близкого кровного родства. У лексемы **отъць** в «Материалах к словарю древнерусского языка» первым выделено значение ‘отец, родитель’ [Срезневский, т. 2, 1902: 828]. В «Историко-этимологическом словаре русского языка» говорится, что данная лексема происходит от праславянского *отъсь и восходит к «и.-е. корню *at- (общеслав. *ot-), характерному для детской речи» [Черных, т. 1, 1999: 610-611].

О.Н. Трубочёв реконструирует семантическую структуру праславянского *отъсь – ‘отец’, опираясь на особенности родоплеменного строя. Кровнородственная связь между членами одного рода выражалась в том, что каждый род имел своего предка. В индоевропейской терминологии родства известны единые названия отца и матери. Совсем иначе обстоит дело с терминами восходящего кровного родства (*дед, бабушка* и т.д.). Это объясняется тем, что при родовом строе каждый старший кровный родич являлся отцом любого младшего кровного родича. Таким образом, первоначально члены рода использовали термин *отъсь как название ближайшего отца, который, в свою очередь, происходил от старшего, общего отца, предка [Трубочёв 2006: 25-26].

А.К. Шапошников выделяет у слова *отец* в качестве первоначального значения ‘относящийся, принадлежащий к родовому классу мужчин-отцов’ «для времени, когда продолжительность жизни и половой активности мужчин была короткой, а отцовство в физическом смысле было неопределимо» [Шапошников, т. 2, 2010: 87]. История слова *отец* уходит своими корнями в те времена, когда зародился родоплеменной союз. Этим термином называли того, кто относился к представителям старших мужчин.

Со времени возникновения малой семьи *отцом* славяне стали называть лишь кровного родственника, родителя.

Лексема **мати** / **матерь** зафиксирована в «Старославянском словаре (по рукописям X – XI вв.)» и в «Словаре старославянского языка» только в одном значении – ‘мать’ [СтСл 1994: 324], [Slovník, т. 2, 2006: 196]. В «Материалах к словарю древнерусского языка» у слова **мати** отмечено несколько значений, среди которых в качестве первого выступает ‘мать, родительница’ [Срезневский, т. 2, 1902: 118]. В «Историко-этимологическом словаре русского языка» указано, что слово *мать* происходит от «и.-е. основы *māter-, от детского лепета mā, удвоенного mā mā: mammā» [Черных, т. 1, 1999: 516].

О.Н. Трубачёв подчёркивает этимологическую связь и.-е. *mater, слав. *mator ‘матёрый, сильный’ и лат. matūrus ‘зрелый’, что, на наш взгляд, свидетельствует о главной роли женщины у индоевропейских народов [Трубачёв 2006: 32]. Мать во все времена была центром семьи, являлась хранительницей домашнего очага. В воспитании детей она играла не менее важную роль, чем отец, глава дома. О том, что именно матриархат, а не патриархат, как считают некоторые исследователи (Б. Дельбрюк, О. Шрадер и др.), был древнейшей формой общественного строя у индоевропейцев, писал А.В. Исаченко: «Общность индоевропейских языков восходит к периоду родового строя, но не в его позднейшей, патриархальной форме <...>, а к более древней его форме, к так называемому матриархату. Ведь только при матриархате могли существовать те общественные отношения, которые объясняют многочисленные сдвиги в древнейших пластах основного словарного фонда индоевропейских языков, в частности в родственной терминологии» [Исаченко 1953: 96]. Возможно, поэтому формирование термина *мать* у славян происходило немного быстрее, чем возникновение у слова *отец* значения ‘родитель’.

Слово **родитель** имеет несколько значений. Так, в «Словаре старославянского языка», изданном пражскими учёными, первым представлено значение ‘родитель, отец’ [Slovník, т. 3, 2006: 641-642]. И.И. Срезневский считает первым значением лексемы **родитель** ‘отец’, а общим названием для отца и матери он указывает лексему **родителя** [Срезневский, т. 3, 1912: 132]. Лексема **роди** зафиксирована в «Словаре старославянского языка» со значением ‘родители’ [Slovník, т. 3, 2006: 644].

Согласно «Этимологическому словарю современного русского языка» слово **родитель** возникло «из праславянского *ордитель, производного имени деятеля на -тель от основы глагола *ордити ‘родить’», примыкающего к лексеме **родъ** [Шапошников, т. 2, 2010: 282]. Сама лексема **родъ**, как свидетельствует автор «Историко-этимологического словаря русского языка» возникла из и.-е. корня *Hordh- – ‘расти, разрастаться, прибывать, подниматься’ [Черных, т. 2, 1999: 118-119]. О.Н. Трубачёв отмечает у данной лексемы вполне закономерное развитие значений ‘расти // растить’ > ‘рождать’. [Трубачёв 2006: 153].

Почитать родителей – значит продлевать годы своей жизни, наполнять их радостью и счастьем. Эта мысль с использованием УСК **чьти отьца своѣго и матерь своѣх** отражена в «Слове **Зенофонта** кже глагола къ сынома своима», входящем в Изборник Святослава 1076 г.: **То како рече соломонъ. чьти отьца своѣго и матерь свою. да боудеши мѣноголѣтънъ** [Там же, 124.1: 8-11]. Благодаря употреблению УСК **чьти отьца** в главе «**О чьсти родитѣлъ**» в Изборнике 1076 г. проводится мысль о том, что дети, почитающие родителей, в особенности, отца, который подарил им жизнь и вложил все свои силы в их воспитание, могут искупить свои грехи перед Господом и, духовно очищаясь и обогащаясь, воздать хвалу матери. Почитая отца земного, дочери и сыновья, тем самым, почитают и Отца Небесного, Бога, волей которого они были рождены на свет: **Чьти отьца оцѣсти грѣхы. и такоже богатыи сѧ прославить матерь своѣх** [Изб 1076, 156.2: 4-

6]. Кроме того, уважающий отца будет услышан Богом и сможет обрести счастье в своих детях, которые также будут почитать своего отца, учась на его примере: **Чѣтыи отьца. възвеселить сѧ о чадѣхъ. и въ днь мольбы своѧ послоушанъ боудеть** [Там же, 156.2: 7-10].

Два синонимических ряда лексем **отъць, породивыи, родитель** и **мати / мать, родительница** выступают согипонимами по отношению друг к другу. Гиперонимами являются синонимичные слова **родителя, роди.** Семантическая структура гипонимов включает в себя сему родовой принадлежности, однако каждое из них обладает дополнительным признаком – семой, отличающей эти наименования друг от друга. Лексемы **породивыи, родитель, отъць** имеют в своём значении дифференциальную сему ‘лицо мужского пола по отношению к своим детям’, а лексемы **мати / мать, родительница** – сему ‘лицо, женского пола по отношению к своим детям’. Ряды слов **родитель, породивыи, отъць** и **родительница, мати / мать** являются комплементарными антонимами, выражающими противопоставление двух видов (по признаку пола), принадлежащих к одному роду. Родовым понятием выступает ‘родители’.

Единицы, составляющие *третью подгруппу*, связаны синонимическими и гиперо-гипонимическими отношениями. Так, среди наименований представителей младшего поколения можно выделить три синонимических ряда: **първородѣць, първынѣць; єдиночадѣ / иночадѣ, єдинорожденѣ; сынѣ єдночадыи / єдиночадыи / иночадыи, отрокѣ єдночадыи / єдиночадыи / иночадыи**. Лексемы **чадо** (в одном из значений), **дѣта** играют роль гиперонимов, а применительно к ним слова **дѣщи / дѣщере, сынѣ** являются гипонимами. Лексема **дѣщи / дѣщере** обладает дифференциальной семой ‘лицо, женского пола по отношению к своим родителям’, что отличает её от лексемы **сынѣ**, имеющей дифференциальную сему ‘лицо мужского пола по отношению к своим

родителям'. При этом семантическая структура гипонимов включает элемент семантической структуры гиперонима.

Лексемы **дѣщи** / **дѣчи**, **сынѣ** в некотором смысле можно рассматривать как комплементарные антонимы. Они выражают противопоставление двух видов (по принадлежности к полу) одному родовому понятию (рождённые от отца и матери).

Старославянское слово **дѣщи** и древнерусская лексема **дѣчи** – варианты одного из древнейших терминов родства в индоевропейских языках, имеющего значение 'дочь' [Срезневский, т. 1, 1893: 762]. В «Этимологическом словаре славянских языков» указано, что ст.-сл. слово **дѣщи** – «древнее и.-е. обозначение родства, имеющее основу на согласный и представляющее собой производное с суф. -ter (исходная основа убедительному анализу не поддаётся)» [ЭССЯ, вып. 5, 1978: 179].

Интересную точку зрения на происхождение лексемы *дочь* приводит П.Я. Черных, который пишет, что данная лексема имеет и.-е. основу *dhug(h)eter-. Индоевропейская база *dheugh-, возможно, имела значения 'доить', 'кормить грудью', 'давать молоко'. В др.-инд. употреблялось *dógdhi* с семантикой 'доит', 'кормит грудью'. Значит, dhug(h)eter могло значить 'могущая (способная впоследствии) давать молоко' или близкое к этому [Черных, т. 1, 1999: 265].

Лексема **дѣщи** употребляется в Изборниках Святослава 1073 г. и 1076 г., где говорится о том, что глава семейства должен следить за нравственной и телесной чистотой своих дочерей: **Богъ ли ти дѣштери то вѣннман тѣлѣсьмъ ихъ. и не ѹтишани къ нимъ лица свокго** [Изб 1076, 160.2: 3-6]. Подобное наставление есть и в Изборнике 1073 г.: **Аште дѣштери имаши. блюди тѣлѣсь ихъ** [Изб 1073, 167.2: 14-16].

Первое значение лексемы **сынѣ** – 'каждый человек по отношению к своему отцу и матери' [Срезневский, т. 3, 1903: 872]. О.Н. Трубачёв отмечает, что слово **сынѣ**, слав. *synъ восходит к и.-е. форме *sūnus со

значением ‘рождённый матерью, вскормленный матерью’. Эта форма образована от корня *sū*, который определяет материнскую функцию, функцию воспроизведения потомства. Роль матери, отношение к ней запечатлены в семантической структуре наименований сына, детей в индоевропейских языках: др.-исл. *burr* ‘сын’, готск. *barn*, др.-англ. *byre* из и.-е. **bher-* ‘носить’, лат. *filius*, латыш. *dels* ‘сын’, слав. *děte* из и.-е. **dhē(i)-* ‘кормить грудью’ [Трубачёв 2006: 49-50]. На наш взгляд, это является ещё одним аргументом в пользу того, что первоначальной формой родового строя у индоевропейцев был матриархат.

В «Материалах к словарю древнерусского языка» одним из значений лексемы **дѣтъ** указывается ‘сын или дочь, без отношения к возрасту’ [Срезневский, т. 1, 1893: 799]. Этимология слова **дѣтъ** спорна. Так, в «Этимологическом словаре русского языка» отмечается, что данное слово «восходит к и.-е. **dhēi-* ‘кормить грудью, сосать’». Здесь же приведены соответствия – др.-инд. *dhātavē* ‘сосать’ и греч. *θηλή* ‘материнская грудь’ [Фасмер т. 1, 1996: 516]. Таким образом, у слова *дитя* можно выделить исходное значение ‘вскормленное грудью’.

Составитель «Этимологического словаря современного русского языка» излагает свою точку зрения на происхождение лексемы **дѣтъ**. По его мнению, данная лексема является древним субстантивированным причастием на *-ent-* от глагола **dhēt-* ‘рожать детёнышей, выводить птенцов, давать побеги’. Для сравнения исследователь приводит лтш. *dēt*, *dēju* ‘класть яйца’, *dēls* ‘сын’, лат. *fētus*, *-ūs* ‘порождение, рождение на свет’, ‘потомство, молодняк, дети или детёныши, птенцы’. На основании этимологического анализа в качестве первоначального значения слов *дети*, *дитя* приводится ‘порождение, потомок’ [Шапошников, т. 1, 2010: 220-221].

Лексему **дѣти** находим в отрывке Изборника Святослава 1076 г. «**Аѡанасієви Ѡтвѣти противѡу нанесенымъ кмоу отъвѣтомъ Ѡ нѣкыхъ правовѣрныхъ о различныхъ главизнахъ**», где отцу

Афанасию был задан вопрос, почему те, кто живёт по совести, часто не имеет детей и рано покидает этот мир, а другие, творящие зло, растят детей и проживают долгую счастливую жизнь: **Въпросъ: Нъ почѣто младеньци мъроуѣтъ. а друѣзии добри соуште без дѣтии соуѣтъ и оубози. а друѣзии нечѣстиви соуште дѣти имоуѣтъ и богатѣство и доброу жизнь. Отъвѣтъ: Да негѣли свои родителе нхъ съмыслнѣи боудоуѣтъ. да зѣраште младеньца хоташѣ оумьрѣти. имѣник раздаѣтъ оубозѣи чади. а кже то добрѣ живоуѣтъ зѣлаѣ чадѣ. и обилиѣ соуѣтъ испѣлнѣ. и добры дѣти имоуѣтъ. нѣчѣто мало добро сътворишѣ. да того дѣла мѣздоу своѣж въсприкѣмѣтъ** [Изб 1076, 125.1: 5-10 -126.1: 4-9 - 126.2: 1-7].

Слово **чадо** в памятниках X – XI вв. может выступать в значении ‘дитя, сын или дочь (по отношению к родившим)’ [Срезневский, т. 3, 1912: 1467]. Согласно «Этимологическому словарю современного русского языка» лексема **чадо** возникла «из архаичного праслав. прилагательного *чѣдо, *чѣда, *чѣдѣ, производного с суф. -до от основы глагола *чѣти ‘зачать’. Первоисточник: и.-е. *ken-: *kop- ‘прорасти, начинаться, родиться’». Буквально – ‘то, что появилось на свет, родилось’. Подобные образования отмечены и в других языках: фрак. *centhus* ‘первенец’, лат. *recens* ‘новый, молодой, свежий’, др.-в.-нем. *kind* ‘дитя, ребёнок’, галльск. *cintos* ‘первый’ [Шапошников, т. 2, 2010: 512-513].

В Изборнике Святослава 1076 г. часто встречается лексема **чадо** в значении ‘сын’. Так, в отрывке «Слово нѣкогѣо отѣца къ сыноу своѣмоу» отец советует сыну: **Чадо отъ оуности своѣѣ избери наказаниѣ и до сѣдины обрѣшѣши моудрость** [Изб 1076, 139.1: 12-13 -139.2: 1-2]. В отрывке Изборника 1076 г. «О чѣсти родитѣлѣ», содержащем наказ отцу, сжато передаётся основной принцип – принцип беспрекословного повиновения детей отцу, на который опиралась христианская система воспитания: **Боу ли ти чада то наказаниѣ и прѣклони отъ оуности выѣ нхъ** [Изб 1076, 160.1: 13-160.2: 1-2]. Именно отец обязан был вносить в

семейный уклад элементы строгости, послушания. Отец в понимании славян Средневековья – это, прежде всего, глава семейства, хозяин дома, в подчинении которого находятся все домочадцы.

Благословение отца, давшего жизнь, по мнению авторов нравоучительных статей Изборника 1076 г., обладает магической силой: оно вносит в дом детей мир и покой, укрепляет его основу: **Да наидеть ти благословленик отъ него [отъца]. благословленик бо отъче. оутвьръжакъ. дома чадомъ** [Там же, 157.1: 6-12].

В главе «Слово Ксенофонта кже глагола к сынома своима» Изборника 1076 г. на своём примере отец учит сыновей, как нужно правильно жить. За всю жизнь Ксенофонт не заглядывался на чужих женщин, был верным мужем, соблюдал телесную и духовную чистоту: **Не помыслихъ на добротоу чужю • не познахъ жены другыа • развѣ мѣре важ • и та дондеже ва родѣ и по томъ кште не познахъ кѣ • нѣ съвѣштаховѣ сѣ чистоу съвѣстью тѣлесною • и о гдѣ моудрѣ съхраниховѣ сѣ • по православынѣи всакои вѣрѣ: Тако и вы живѣта чадѣ мои • да и важ бѣ оублажить и длъголѣтна гавитъ и сътворитъ** [Изб 1076, 111.1: 4- 13 -111.2: 3-6]. Отец уверен: если вести такую жизнь, можно добиться милости Бога и обрести долголетие. В той же главе содержится наказ детям, касающийся их отношения к матери: **Матери же ваю чьсть отъдаита. и все добро сътворита кѣ. да господа оузырита радоушта сѣ. и о томъ веселита сѣ въ вѣкы** [Там же, 112.1: 8-12]. Здесь же настойчиво проводится мысль о том, что мать занимает в жизни детей не последнее место. В своём «Слове» Ксенофонт говорит своим сыновьям, чтобы они не забывали мать, выполняли её просьбы, слушались во всём: **Матере не забываита. волж кѣ творита. и послоушѣита съ страхъмъ господьнымъ** [Там же, 112.2: 12-13-113.1: 1].

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» Г.И. Кабаковой справедливо замечено, что у славян издревле «мать – один из

столпов семьи, средоточие её эмоциональных связей <...> Роль матери в духовном мире человека оценивается даже выше роли отца <...> В отличие от отца, воплощающего закон и долг, мать ассоциируется с эмоциями, прежде всего, с любовью и лаской» [Кабакова, СД, т. 3, 2004: 203]. Это подтверждают дошедшие до нас рукописи. Так, в наказе, обращённом к детям, отражена высшая степень эмоциональной ответственности сыновей и дочерей перед своими родителями: **Въсѣмъ сѣрдьцѣмъ своимъ прослави оѣца свогго: и матернѣ болѣзни не забовди. помани тако тѣмѣ рожденъ кси ни чѣто има въздалъ кси такоже та тѣбѣ** [Изб 1076, 161.1: 1-7].

В Пандектах Антиоха предусмотрено суровое наказание за непочтение, оказываемое детьми своим родителям: **Зѣлословеса оѣца и матеръ смъртью да оумьреть** [Панд. Ант., л. 239]. В этом же памятнике одобряется достойное поведение отца по отношению к своим сыновьям: **тѣмѣ чадолубивъ оѣцъ, егда оумьреть вѣщиноумьща своего сѣна, то кажетъ, егда же видить прѣнемагающа, то тѣшитъ и** [Там же, л. 263].

Суть взаимоотношений родителей и детей отражена не только в христианских заповедях, представленных в средневековых славянских памятниках, но и в юридических текстах средневековой Руси. Так, в Церковном уставе Ярослава прописано наказание за неуважительное отношение сыновей к родителям: **Аже сынъ быетъ оѣца или матеръ, да казнѣтъ кѣмъ волостельскою казнѣю, а епископоу въ винѣ** [Церк. уст. Яросл. [http](http://)].

В славянских памятниках X – XI вв. можно обнаружить лексемы, формирующие *четвёртую подгруппу* вербализаторов околоядерной зоны ЛФП «Семья». Так, в тексте Зографского евангелия встречаем лексему **братръ**, вариант лексемы **братъ**, в значении ‘родственник, находящийся в одинаковой степени родства по отношению к общему предку’ [СРЯ XI – XVII вв., вып. 1, 1975: 318]: **13. I егда бысть день пригласи оученики**

своѧ ѿ избѣравъ отъ нихъ двѧ на десѧте ѡже и апостоли нарече. 14. симона е҃гоже именова Петра ѿ андрѣѧ брѧтра е҃го ѿ иѣкова и иоана. филипа и вѧртоломѣѧ (Лк 6: 13-14) Зо҃гр 62; 28. Глѧжете оучителю мѡси нап'салъ е҃стъ намъ. аште комоу брѧтръ оумьретъ ѡмы женѧ ѿ тѣ вештадынъ вждетъ да поиметъ брѧтръ е҃го женѧ ѿ въскрѣситъ сѣма брѧтра своего (Лк 20: 28) Зо҃гр 125.

В «Свѧтааго іѡанна златооустааго словѣ о алкании і ѡ іѡсифѣ и о попѣ и о давидѣ» из Супрасльскай рукописи находим слова брѧтъ и брѧтънѣ: Азъ ксѡмъ іѡсифѣ брѧтъ вашъ. аште неволеѧ бысте сѧ покланили. лѧжа ви была мѡи сѣнъ. а ви не проста стала мѡѧ рѧкоуѧтъ. сѧ лѣпѡты бысте острили скрѣвь ненавистию брѧтъню [Супр 368: 4-8].

Одна из статей Церковного устава кн. Ярослава 1051 – 1054 гг. свидетельствует: Аще двѧ брѧта боудоуѧтъ сѧ одиѡѧѧ жѡнкоѧѧ, митрополитоу •р• гривень; а жѡнка въ домъ [Церк. уст. кн. Яросл. [http](http://)].

Интересна этимология лексемы *брат*. Единой точки зрения на её происхождение нет. О.Н. Трубачёв приводит мнение Ф. Боппа, который сопоставил санскр. *bhrátar* с *bhar-* ‘нести’, откуда ‘брат’ = ‘содержатель (матери, сестёр, младших братьев)’, ср. санскр. *bhartár* ‘содержатель’ как обозначение супруга [Трубачёв 2006: 58]. Сам О.Н. Трубачёв пишет, что большинство известных форм данной лексемы восходит к общ. и.-е. **bhrátēr*. К и.-е. **bhrátēr* восходит и слав. *bratrъ*, *bratъ*. Наличие двух вариантов слова обычно объясняют диссимиляцией *bratъ* < *bratrъ* при сохранении также старых недиссимилированных форм: чешск. *bratr*, диал. вост.-ляшск. *brater*. «И.-е. **bhrátēr* могло иметь характер более общего термина, ср. греч. *φράτηρ* ‘член фратрии’, которое, возможно, отражает древнее значение и.-е. слова ‘член мужского союза, фратрии’, ср. также данные этнографии о брачных союзах мужчин у отсталых народностей. Однако прямого отношения к славянскому этот момент истории и.-е. **bhrátēr* не имеет, поскольку

славянский сохранил вместе с балтийским только значение ‘брат’» [Там же: 58-59].

Этимология лексемы **сестра** так же, как и слова **братъ**, неоднозначна. П.Я. Черных пишет, что о.-с. *sestra восходит к и.-е. основе *s(u)esor-, представляющей собой сложное образование. Его первой частью является местоименный корень *se-: *sece- ‘свой’. Вторая часть неясна по происхождению. Возможно, *sor, утраченное почти повсюду в и.-е. языках, значило ‘женщина’ [Черных, т. 2, 1999: 159]. Таким образом, *сестра* могло значить буквально ‘своя, родная женщина’, что подчёркивает её кровное родство. Лексема **сестра** нередко употребляется в древних славянских рукописях X – XI вв. Так, в «**Мѣчени свѣтааго пион’на**», входящем в Супрасльскую рукопись, находим: **И народъ рѣгаше сѧ и заоушахъ и. и къ савинни к’то глаголаше. ти въ отъчинѣ своѣ не можааше оумрѣти. она же рече кто кстѣ отъчина моя азъ пионова сестра ксмѣ** [Супр 138: 30 – 139: 1-4].

В Церковном уставе кн. Ярослава прописаны наказания за блуд с сёстрами: **Аще кѣто съ сестроу съгрѣшитъ, митрополитоу •р• гривень, а оу въ опитемин и въ казни по законуу** [Церк. уст. кн. Яросл. [http](http://)]; **аще кѣто с двѣма сестрами падѣтъ сѧ, митрополитоу •л• гривень** [Там же].

Лексемы **братъ** и **сестра** являются комплементарными антонимами, отражающими противопоставление двух видов (по половой принадлежности) одного рода (кровные родственники). Лексема **братъсестрома**, имеющая значение ‘брат и сестра’ [Slovník, т. 1, 2006: 143], служит гиперонимом по отношению к словам **братъ** / **братръ**, **братъць**, состоящих в синонимических отношениях, и лексеме **сестра**, являющихся гипонимами.

Вторая группа лексем и УСК околядерной зоны ЛФП «Семья» обладает интегральной комплексной семой ‘близкое родство вообще’. В славянских текстах X – XI вв. данная группа вербализаторов ЛФП концепта «Семья» представлена 14 лексемами и одним УСК в 92 и 3 употреблениях

соответственно. Данные языковые единицы составляют общую, гиперонимическую группу по отношению к группам вербализаторов околоядерной зоны, зоны ближней и дальней ЛФП «Семья» в славянских рукописях X – XI вв., куда входят наименования кровных, духовных родственников и свойственников, а также обобщённые названия духовного родства, родства по крови и по свойству. Эта группа вербализаторов состоит из *двух подгрупп*. В *первую подгруппу* входят обобщённые наименования близких родственников (ближнии, ближика, въскраинни, искрьнии, подроугъ, жжика, близъкъ, ближъникъ, приключини сѧ, срьдоболѧ, сьродьникъ, сьродьница). Вторую подгруппу составляют синонимичные единицы, называющие близкое родство в целом (жжичьство, родьство, жза родьства).

Лексема **приключини сѧ** в значении ‘родственник’ [СтСл 1994: 504] и лексема **родьство** встречаются в произведении «Іѡанна златооустааго слово отъ тлъкованиа еѡаггелиа іаже отъ матѡеа о десѧти дѣвицѣхъ и о талантѣхъ глаголахо кѣтъ въ свѧтѣхъ вѣторникѣхъ» из Супрасльской рукописи: **Понеже не сѣде идѡша къ продажштинѣмъ. нѣ тамо ни богатоуоумоу. иже тольма чловѣколюбѣцъ быстъ. іакоже и за приклоучьшаа сѧ кмоу пешти. иже бо прѣдъ враты лежаштааго миноуа. ихъже ни видовалъ истръгнѣти хоштѣтъ бѣды и родьства** [Супр 374: 7-13].

Лексему **жжичьство**, имеющую значение ‘родство’ [СтСл 1994: 805], встречаем в произведениях «Фотіа патрїарха конъстантинѣа града слово на врьбеницѣхъ и о лазарѣ» и «Сѡлтааго оѣца нашего іѡана ар’хіеѣпа кѡстанѣтинѣа града златооустааго о свѧтѣмъ домѣ апостолѣхъ и на арианы», входящих в Супрасльскую рукопись: **Пророкоу вѣроуи акы жжицѣ аште нѣси и словесы отъврѣглъ жжичьства издавна бо та вѣмъ дѣлесы отъврѣгъша сѧ кго** [Супр 336: 1-4]; **никакоже сѣмѣренъ**

бѣаше видѣти образъ и жжичьство просвѣштааше сѧ и божьство
просише сѧ [Супр 511: 24-26].

В Синайском евхологии находим УСК жза родьства: Г(оспод)і
б(ож)є вседръжителю <...> изволен с(вѧ)тыѧ и славъныѧ ап(осто)лы
своѧ <...> братры быти. не жзоѧ родьства. нѣ вѣроѧ і любовиѧ [Син
евх 10b: 2-10]. Во «Фразеологическом словаре старославянского языка»
данный УСК представлен в значении ‘родственная связь’ [ФССЯ 2011: 373].
В старославянском языке лексема жза употреблялась в значении ‘оковы,
кандалы, узы’ [СтСл 1994: 805]. Употребление УСК жза родьства
свидетельствует о том, что связь между близкими родственниками
осознавалась как нерушимая, подобная крепким оковам, связывающим
людей и не позволяющим им существовать раздельно друг от друга.

Синонимичные лексемы ближнии, ближика, вѣскрании, искрнии,
подрѹгъ, жжика, близъкъ, ближникъ, приключи сѧ, срьдоболѧ,
съродьникъ, съродьница в значении ‘ближний, родственник(ца)’
демонстрируют идею связи, сопричастности, близости людей, соединённых
родственными узами.

Слово жжика в «Старославянском словаре (по рукописям X – XI вв.)»
отмечено в двух значениях: ‘родственник(ца)’ и ‘родня, родственники’
[СтСл 1994: 805]. В первом значении встречаем лексему в произведении
«Ѣвѧтааго івана златооустааго слово на благовѣштеник богородици» из
Супрасльской рукописи: И се рече елисаведъ жжика твоѧ. и та зачатъ
сынъ. и се ки кстъ мѣсѧцъ шестын. нарицаемъѧ вывѣши неплодъѧ
[Супр 245: 11-13].

Во втором значении слово жжика употреблено в Синайском
евхологии: Отъметаеши во сѧ родитель. братриѧ. жены и дѣтеи.
жжикы и в’сего рождениѣ. дроѹгъ и врѣстъ [Син евх 90a: 1]. В этом
контексте выражена идея противопоставления любви к Христу родственным
привязанностям.

Ценность родственных связей для человека Средневековья раскрывается в слове **срьдоболѣ** со значением 'родня, родственники' [СтСл 1994: 621], говорящая о том, что только семья, только близкие люди «болеют сердцем» за родного человека, переживают вместе с ним все печали и радости. Данную лексему находим в произведении «Житии іаковѣ чръноризьца» из Супрасльской рукописи: **Вълѣзъ бо въ кѣного отъ самаранъ. искони и въинѣ истины отъвраштаѣхъ сѣ. приготова юго. събрати всѣа послоушаѣхъ таа юго. другы и срьдоболѣ и рабы. на лаганіе сѣаго мѣжа** [Супр 514: 23-27].

Слово **срьдоболѣ** использовано и в Изборнике Святослава 1076 г., где отец советует сыну заботиться о больных людях так же, как о своих близких и родных: **Болѣштаго постѣти неси югоже хочеть въкоусити. самъ же послоужи о немъ акы о своѣмъ срьдоболѣ** [Изб 1076, 53.2: 5-8].

Итак, анализ вербализаторов околядерной зоны рассматриваемого концепта показал, что в славянских рукописях X – XI вв. наиболее употребительной является группа лексем, именующих членов двупоколенной семьи, которая включает в себя супругов и их детей (36 ед. в 564 употр.). Высокая частотность этих единиц, а также прослеживаемые между ними синонимические (9 рядов), гиперо-гипонимические (4 ряда) и антонимические (4 ряда) отношения свидетельствует о том, что восточными славянами выше всего ценились связи между супругами и кровнородственные связи между представителями старшего и младшего поколений, составляющих основу семьи.

2.3. Трансформация околоядерной зоны вербализаторов ЛФП «Семья», отражённая в древнерусских памятниках XII – XIV вв.

Околоядерная зона вербализаторов ЛФП «Семья» в древнерусских текстах XII – XIV вв. содержит 60 лексем и 4 УСК в 722 и 25 употреблениях соответственно. Как и в рукописях X – XI вв., данную зону вербализаторов в древнерусских памятниках XII – XIV вв. образуют **две группы** слов и УСК, отражающих типы родственных отношений. **Первая группа**, разделённая на *четыре подгруппы*, представлена 43 лексемами и 3 УСК в 599 и 15 употреблениях соответственно. Она обогатилась 10 лексемами.

Первая подгруппа пополнилась наименованиями обоих супругов (**малъженьць, малъженык**), замужней женщины (**бръчнага, бръчница**) и женатого мужчины (**женатьць**). Лексема **малъженьць**, имеющая значение ‘один из супругов’ [СДЯ XI – XIV, т. 4, 1991: 498], употреблена в Рязанской кормчей 1284 г.: **Ѡ съблжньшимъ сѧ въ сн(ѣ). іли съ своихъ женоѡ в тоѡ ношъ бывшимъ. хотѧщимъ причастити(с). і въ которыѡ дни подоваѣтъ малженцеѡ. оудалати(с) смѣшенѧ причащенѧ ради** [Ряз. крм., 34в].

В Пандектах Никона Черногорца встречаются лексемы **бръчнага, бръчница**, имеющие значение ‘жена, супруга’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 314]: **Кр(с)тыганъ поимъ жидовыню бръчноѡ ли кр(с)тыганоѡ жидовинъ. прелюбодѣиство речеть сѧ** [ПНЧ, 40г]; **И архієрѣи и дияконъ и тѣхъ бръчницѣ. не подоваѣтъ примати на исповѣданіи** [ПНЧ, 42а].

В древнерусском языке продолжают функционировать лексемы **жена, мжжъ**. В значении ‘жена, супруга’ лексема **жена** и слово **мжжъ** с семантикой ‘муж, супруг’ появляются на страницах и светских, и религиозных произведений, самых разных и по назначению, и по содержанию, и по жанрам. При этом спектр контекстов, в которых употребляются данные лексемы, гораздо шире и богаче, чем в славянских памятниках X – XI вв.

В Ефремовской кормчей, где есть даже глава, посвящённая «разделению браков, возбраненных по свойству», прописано наказание мужу за недостойное обращение с верной женой: **Аще кто вѣрноу женѣ гноушаѣтъ сѧ и оукораѣтъ, да боудеть проклѣтъ** [Ефр. крм., 87в]. О злонравной супруге и о её дурном влиянии на мужа говорится в Пчеле, памятнике XIV в.: **такъ же червь въ дровѣ, тако же мужа гоувиѣтъ жена злодѣица** [Пчела [http](http://)].

В Русской Правде, содержащей юридические нормы Древней Руси и предусматривающей ответственность за содеянные преступления, есть несколько статей, связанных с положением мужчины и женщины, состоящих в браке. Так, согласно документу за убийство без видимой причины семья виновного подвергалась наказанию и подлежала изгнанию: **7. Боудеть ли сталъ на разбои безъ всякоу свады, то за разбойника люди не платѣтъ, но выдадѣтъ и всего съ женою и с дѣтьми на потокъ и на разграбленіи** [РП [http](http://)].

В Рязанской кормчей лексема **жена** встречается в ряде положений, защищающих интересы замужней женщины. Согласно этому документу после свадьбы молодая супруга покидала родительский дом и входила в семью своего мужа, становясь полноценным её членом: **По(д)блѣтъ бо въ мужень домъ внити женѣ** [Ряз. крм., 277в]. Как свидетельствует кормчая, в том случае, если лица низшего духовного звания, занимающие должности дьякона или пресвитера, решатся изгнать по чьему-либо наговору своих жён, их лишали сана и отлучали от церкви: **Аще котѡрѣи презвитеръ или дѣяконъ женѣ своѣи женеть извѣтомъ блговѣныа кромѣ подобныа вины да ѡ(т)лучитъ сѧ. аще же и по ѡ(т)лученьи не послушаѣтъ и ни въведеть пакы к собѣ жены своѣи да извержетъ сѧ ѡ(т) сана своѣго** [Там же, 37в]. В том же своде законов сурово осуждается супружеская измена со стороны мужчины, находящегося в браке: за грех прелюбодеяния, им совершённый, он наказывался строже, чем неженатый христианин за

аналогичное поведение: Имѣа женѣ и блядѣ творѣ ѡ(т) неа двѣма на десѣтъ измѣнама да накажеть сѧ. и не имѣтъ женѣ и въ таковой же грѣхѣхъ въпадаа шести измѣнѣхъ да накажеть сѧ [Там же, 327в-г]. Рязанская кормчая предписывала жене, изменившей мужу со своим рабом, очень суровое наказание: Жена ѿ моужа съ своимъ рабомъ прелюбѣ створишю сама оубо виѣма, острижема и носа оурѣзаниѣ приѣмлетъ [Ряз. крм., 326в].

Лексемы жена и мужъ употребляются и в Устюжской кормчей, где указывается, что между супругами должны быть любовь и уважение. Более того, они, судя по тексту кормчей, должны полностью принадлежать друг другу: Добро кѣтъ члѣвоу женѣ не прикасати сѧ. нѣ блочениа дѣла кѣждо свою жену да имать. женѣ моужъ дѣлжноу любовь да ѿдаѣтъ. тако же и жена моужевн. жена тѣломъ своимъ не владѣтъ нѣ моужъ. тако же моужъ тѣломъ своимъ не владѣтъ нѣ жена [Уст. крм.: 140.1 л.: 13-20].

О том, что жёны всецело должны повиноваться мужьям и быть им послушны, в своём «Слове» пишет и Данииил Заточник: Послоушь, женѣ, слова Павла апостола, глаголюща: Кръстѣ кѣтъ глава церкви, а мужъ – женѣ своѣи. Женѣ же – оу церкви стоите, молаще сѧ Богоу и свѣтѣи Богородици; а чемоу сѧ хотите оучити, да оучите сѧ дома оу своихъ мужен [Сл. Дан. Зат. [http](http://)]. В том же памятнике находим: Глаголетъ бо в мирьскыхъ притчахъ: не мужъ в мужехъ, иже кимъ своѣа жена владѣтъ, не жена в женахъ, иже от своего мужа владѣтъ [Сл. Дан. Зат. [http](http://)]. Все юридические памятники настаивают на том, что главой семьи должен быть мужчина, женщина же должна быть верной своему мужу, чтобы не осрамить себя и свой дом.

В Пандектах Никона Черногорца XIV в. говорится, что измена одного из супругов накладывает отпечаток на другого: Ститѣ сѧ невѣренъ моужъ о женѣ. ститѣ сѧ невѣрна жена о моужѣ [ПНЧ, 40г]. В этом же

памятнике есть положение, согласно которому после смерти мужа женщина становилась свободной и могла по желанию вновь выйти замуж, поскольку светский закон предоставлял ей такую возможность: **Аще оумреть мужь ка свободна ксть по мужьнѣ смрти** [ПНЧ, 396].

В Ипатьевской летописи находим: **Въстави единому мжю едину женѣ имѣти, и женѣ за одинѣ мжѣ посагати** [Ипат. лет. [http](#)]. Н.И. Болоховский справедливо замечает, что, «с точки зрения христианской нравственности, в браке исключается всякая иная форма полигамии (многожёнства) и полиандрии (многомужества) и однополого сожителства» [Болоховский 2012: 316].

Наряду со словом **жена**, с высокой частотностью использовалась в древнерусских памятниках XII – XIV вв. и лексема **сжрѣга** (57 употр.). Лексема **сжрѣга** в значении ‘жена, супруга’ [Срезневский, т. 3, 1903: 624] используется в Устюжской кормчей, там, где речь идёт о решениях собора, касающихся брачной жизни лиц, занимающих определённые должности в церковной иерархии: **Отърекль ксть ѡтиноудѣ великыи сворѣ ни епѣоу ни попоу ни днаконоу ни всакомоу клирикоу достоинно имѣти соупроугы съвѣдѣницѣ развѣ мѣре ли сестры ли дѣтскыѣ же тѣкмо лица зазирають вѣша же си же лица и симѣ ближнѣѣ оубѣгають съблжнениѣ** [Уст. крм.: 27.1 л.: 1-8].

В древнерусском языке продолжает использоваться слово **малъжена** в значении ‘супруги’ [СДЯ XI – XIV, т. 4, 1991: 498]. Данная лексема употреблена в Устюжской кормчей: **Неразлѡучьнок ѿ бѣ малъженомѣ житик творацю спѣоу нашемоу бѡу гоу премоудрости оучить насѣ** [Уст. крм.: 60.1 л.: 25-27]. Здесь подтверждается одно из важнейших положений христианской церкви, касающихся института семьи: «Брак направлен на создание семьи. Исходя из этого, он заключается не на какой-либо срок <...> а, как правило, на всю жизнь» [Болоховский 2012: 316].

О том, что супруги, составляющие одно целое, должны вместе делить беды и радости, помогать друг другу, указано в Новгородской кормчей 1280 г.: **Достоитъ ли женѣ мжжюу своѣмоу помочи. терпѣти ѡпитемъи. и мжжюу женѣ. Достоитъ рѣ(ч) велми. волеѣ ꙗко и друѣтъ къ друѣгоу. и бра(т) братоу. добро ксть тако и малъженома** [Новг. крм. 532г].

Слова **жена, сжпржга, брачьнаѧ, брачьница, мжжъ, женатьць, малъжена, малъженьць, малъженыѣ** состоят в гиперо-гипонимических отношениях. Гипонимами являются лексемы **жена, сжпржга, брачьнаѧ, брачьница, мжжъ, женатьць**, гиперонимами по отношению к ним выступают лексемы **малъжена, малъженьць, малъженыѣ**. Кроме того, лексемы **жена, сжпржга, брачьнаѧ, брачьница** и **мжжъ, женатьць** образуют два синонимических ряда единиц. При этом по отношению друг к другу эти ряды лексем выступают комплементарными антонимами, противопоставленными по признаку пола.

Вторая подгруппа обогатилась одной лексемой – **бѧтѧ**. В значении ‘отец’ она встретилась в древних памятниках только один раз [Срезневский, т. 1, 1893: 45]. Так, в Ипатьевской летописи читаем: **Романъ Ростиславичъ посылаеть изъ Смоленска поѧ своѣго къ Изяславоу, река тако: отъдаваеть ти бѧтѧ Черниговъ, а съ мною въ любви поживи** [Ипат. лет., 6669]. О.Н. Трубачёв пишет, что этимология слова **бѧтѧ** является недостаточно выясненной. Лингвисты высказывают разные точки зрения на его происхождение. Э. Бернекер и П. Лавровский, на чьё мнение ссылается Трубачёв, говорят об исконности у слав. *batę* значения ‘старший брат’. Для сравнения приведены соответствия: русск. диал. *бѧтя*, чешск. *bát’a*, болг. диал. *бѧта* с семантикой ‘старший брат’, сербск. диал. *бѧто* (ласк.) ‘брат’, ‘отец’. Итак, основные значения слав. *batę* – ‘отец’ и ‘старший брат’. Как обычно считают, ‘отец’ < ‘старший брат’ [Трубачёв 2006: 21].

В древнерусских памятниках XII – XIV вв. продолжают употребляться наименования родителей, отмеченные в старославянских текстах X – XI вв.

Так, лексема **матерь** встречается в Ефремовской кормчей: **ѡко мѣре женьна не поиметь нѣ дѣчере женьна. имже ни свокѡ мѣре. ни свокѡ дѣчере** [Ефр. крм., 203б]. В ней же утверждается, что дочерям и сыновьям следует **Чѣсти родителѣма подавати** [Там же, 16 а].

В Пчеле даётся совет детям: тот, кто думает заботиться об отце и матери, пусть взглянет на аистов, которые не бросают своего родителя, когда он ослабевает от старости, а во всём помогают ему: **Иже хотѣть промыслити своими отци, да позрѣть на стерки. Они же, оузрѣвъше свокго отца и старостью без крылѣ соуща, окрестѣ кго стоѡще, навѣдати своими крылы и корьмлю без зависти подають, и, кгда летѣти хочеть, помагають кмоу, по малоу облегчающе своими крылы** [Пчела [http](http://)].

В Устюжской кормчей говорится, что за неоказание должного почтения матери и отцу дети будут преданы анафеме: **Аще котораѡ чада родителѣ своихъ паче же вѣренѣ соущѣ ѿидоуть. виною богочѣстѣѡ. и достоиныхъ чѣсти родителемѣ не въздають чѣстѣныхъ. сирѣчь паче богочѣстѣѡ. анафема да боудеть** [Уст. крм., 30.1 л.: 4-9]. Но в то же время, судя по памятнику, и родители наказывались за пренебрежительное отношение к своим детям: **Иже ѡставляють своѡ чада а не кѣрмитѣ ихъ и кѣ бѣчѣстью подобьномоу възводитѣ нѣ виною пощениѡ не брежеть анафема да боудеть** [Там же, 29.2 л.: 26-27- 30.1 л.: 1-3].

Третья подгруппа вербализаторов околядерной зоны ЛФП «Семья» в древнерусских рукописях XII – XIV вв., именующих представителей младшего поколения, аналогична той же группе единиц ЛФП «Семья» в славянских текстах X – XI вв. В древнерусском языке этого периода продолжают функционировать лексемы **дѣчи** и **сынѣ**. Новгородская кормчая 1280 г. запрещала девушкам из православных семей вступать в брак с иноверцами, если те отказывались принимать христианскую веру: **Иже дѣчерь блговѣрнаго княза дѡдати за моужѣ. въ иноу страну. иде**

слоужать опрѣсноки и сквърногадѣннимъ ѡ(т)мѣтають сѧ недостойно и зѣло неподобно правовѣрнемъ се створити [Новг. крм., 512г]. Похожая мысль, отражена и в Ефремовской кормчей: **ѡко не подобакъ къ всѣмъ еретикомъ брака творити или даати ѣны или дѣщери. нѣ паче примати аще извѣстоують хръстияни быти** [Ефр. крм., 98а].

В Псковской судной грамоте конца XIV в., содержащей судебные положения г. Пскова, есть закон, касающийся отношения детей к родителям. В частности, данный юридический документ узаконивает случай исключения из наследства: сын, отделившийся при жизни от отца, не кормивший родителей до их смерти, лишался отцовского наследства: **Аже сынъ отьца или мать не скормитъ до смерти, а поидетъ из домѹ, части емѹ не взять** [Пск. суд. гр., 4 отд.].

Старославянское слово **дѣщи** и его восточнославянский вариант **дѣчи** встречаются в Пчеле: **Мѣри боле любать ѣны, а ѡѣи дѣщери; дѣчи ѡцю чюже стажанькѣ ксть** [Пчела [http](#)]. В последнем контексте речь идёт о том, что дочери, воспитанием которых, в основном, занимался отец, после своего замужества уходили в дом мужа и находились уже в его подчинении. Лексема **дѣтя** также употребляется в Пчеле, где присутствует наставление, обращённое к родителям, которые обязаны направлять характер детей с детства: **ѡкоже оудеса тѣлесная нашихъ дѣтти от рожьства повиваються, да быша крѣпка и права, и была дебели, такоже исперва подобакъ намъ нравъ дѣтиный исправливати** [Пчела [http](#)]. Здесь же дано наставление сыновьям и дочерям, которые должны быть такими, какими хотели бы видеть родители: **Такъ боуди родителемъ своимъ, акъ бы молилъ быти дѣтемъ своимъ** [Пчела [http](#)].

Четвёртая подгруппа единиц пополнилась к этому периоду четырьмя лексемами: **братеньць, братеникъ, братеничь** ('брат'), **сестреница** ('сестра'). Единицы **братъ / братръ, братеньць, братеникъ, братеничь**, а

также лексемы **сестра** и **сестреница** в одном из своих значений состоят друг с другом в синонимических отношениях.

В Рязанской кормчей 1284 г. говорится о недопустимости брачных отношений между свойственниками. В ней встречаются лексема **сестреница**, обладающая значением ‘сестра’ [Срезневский, т. 3, 1903: 341], и слово **сестра**, активно употреблявшееся ранее в славянских текстах X – XI вв.: **Аще кѣто поиметь двѣ сестреници. рекъше оумреть первамъ, онъ же поиметь сестроу еє, ꙗко лѣтъ запрѣщениѣ да приметъ** [Ряз. крм., 78в].

В Ипатьевской летописи находим лексему **братеникъ**: **Заложиста црьковъ каманюу кѣснатинъ и дѣмитръ. братеника. на лоубанѣи оулицѣ** [Ипат. лет., 6704].

В Русской Правде встречаем продолжающие употребляться лексемы **братъ**, **братнъ**, **отъць**: **1. Аще оубикъ мжъ мжа, то мьстити братоу брата, либо отъцю, ли сыноу, либо браточадоу, ли братнѣ сынови; аще ли не боудеть кѣто ꙗко мьста, то положити за голову •ѡ• гривень, аще боудеть княжъ мжъ или тиоуна княжа; аще ли боудеть роусинъ, или гридь, либо коупъць, либо тивоунъ богарескъ, либо мечьникъ, либо изгон, ли словѣнинъ, то •ѡ• гривень положити за нь** [РП [http](http://www.pravda.ru)]. В данном отрывке охарактеризовано древнейшее право кровной мести за убийство родственника или же, при отсутствии родных, возможность денежного выкупа за преступление в зависимости от географического происхождения и социального положения убитого.

О существовании в Древней Руси института опеки свидетельствует Рязанская кормчая 1284 г., в которой используется лексема **сестра**: **ѡако же се дѣдъ мои по ѡ(т)ѣи имѣѡа ѣна моѡго ѡ(т)ѣа и пригѡтъ ѡ(т)роковицю нѣкоу ю і створи ю въ дщере мѣсто. моі оубо ѡ(т)ѣъ зовашеть ю сестроу** [Ряз. крм., 283б].

В этом же памятнике встречаем отмеченную ранее в древних славянских рукописях X – XI вв. лексему **братъсестра**, имеющую значение

‘брат и сестра’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 313]: **Радинъ ми(х)лъ. братъсестра. анна. Възбраненъ бракъ съ. въ который бо имѣта степень другъ къ другоу. миханлъ же и анна** [Ряз. крм., 339а].

Вторая группа лексем и УСК, связанных интегральной комплексной семьей ‘близкое родство вообще’, в древнерусских текстах XII – XIV вв. сформирована 17 лексемами и одним УСК в 123 и 10 употреблениях соответственно. По сравнению с аналогичной группой единиц в славянских рукописях X – XI вв. она обогатилась тремя лексемами. Это синонимичные лексемы, называющие близкое родство (**съродѣство, сѣродикѣ**) и единица, характеризующая отношения между близкими родственниками (**братосѣмѣшеникѣ**).

Лексема **съродѣство**, наряду с многочисленными наименованиями свойственников и кровных родственников, встречается в тексте Устюжской кормчей: **Възбранена же кѣтъ клико же нхъ ѿ сѣго крещениа межю собою въѣдиниша сѧ. сирѣчь въсприимы ѿ своѧ дѣщере и тоѧ мѣре. тако же и сѣтъ кѣ ѿ таковыа дѣщере и ѿ таковыа мѣре. клико нхъ ѿ крѣве. сродѣства межю собою знаютъ сѧ. сирѣчь родитель къ чадомъ. братиа къ сестрамъ и тѣхъ чада. глѣмни братоучади и ѿ тѣхъ ражающесѧ дѣти. тѣкмо и ѿ женитвы. сказакми и ближици. оѣ въноукъ. тѣсть къ сносѣ. правноукъ къ мачесѣ. братъ къ сносѣ. рекъши же къ женѣ братнѣ. тако же и оѣ и сѣтъ къ мѣре и къ дѣщери. два брата къ двѣма сестрома. къ темъ всѣмъ лицемъ не оброученью бывати** [Уст. крм., 77.1 л.: 24-27 – 77.2 л.: 1-15]. Кормчая устанавливает ограничения, препятствующие вступлению в брак свойственников (**тѣсть, сѣноха, мачеха, жена братниа**), близких (**дѣщи, мать, сынъ, родителя, чадо, братъ, сестра, братоучадо, дѣти, оѣ**) и дальних (**въноукъ, правноукъ**) кровных родственников различных степеней родства. При этом более подробно в статье документа представлена категория тех близких кровных родственников, между которыми в принципе невозможно

заключение брачного союза. На наш взгляд, это было связано с тем, что Церковь осуждала кровосмесительные браки более строго, чем браки между свойственниками. Семья держалась, в основном, на кровнородственных связях, которые необходимо было бережно хранить и ценить.

Слово **съродикъ** в «Материалах к словарю древнерусского языка» представлено в двух значениях, первым из которых является ‘родство’, вторым – ‘степень родства’ [Срезневский, т. 3, 1903: 815]. Во втором значении данная лексема отмечена в Ефремовской кормчей: **Отъ коѣго сѣродина рожьшыгася наричють братью ихъ другъ друга** [Ефр. крм., 204a]. В том же памятнике находим лексему **братосѣмѣшеникъ** в значении ‘кровосмешение’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 310]: **Братосѣмѣшеникъ оубица лѣто исповѣсть сѧ** [Ефр. крм., 195a].

Помимо языковых единиц, которые обогатили ЛФП «Семья», в древнерусских памятниках XII – XIV вв. продолжают использоваться лексемы, отмеченные в древних славянских рукописях X – XI вв. Несколько статей Ефремовской кормчей посвящено правилам поведения церковнослужителей в монастыре. В частности, среди священнослужителей не допускалось продвижение родственников в высшие церковные чины: **ѧко не достойтъ еп(с)поу братоу или ѣнови ли иномоу ближицѣ даюшту санъ епископиѣ поставити коже хоштеть** [Ефр. крм., 196].

В древнерусском языке продолжает функционировать лексема **сѣрдоболѧ** в значении ‘родственник, родственница’ [Срезневский, т. 3, 1903: 808]. Так, в Златоструе читаем, что всем христианам следует **примати сѣ терпѣнїемъ чадъ нашихъ и сѣрдоболь ѡмретиѣ** [Златостр., сл. 11 [http](http://)].

В Рязанской кормчей 1284 г. и в Пчеле употреблено слово **сѣродьникъ** в значении ‘родственник’ [Срезневский, т. 3, 1903: 815]: **Не подобакъ еѣпмъ <...> въ завѣтѣ что по смѣрти кретиномъ ѣмъ сѣтъ оставлати, а і сродници** [Ряз. крм., 31a]; **егда раскоторають сѧ или сѣ своими**

сродъники или съ чюжими, преже даже не заидеть слѣще, подавають десницу другъ къ другъ [Пчела <http>].

Итак, околоядерную зону вербализаторов ЛФП концепта «Семья» в древнерусских текстах XII – XIV вв. обогатили 13 лексем. В первой группе среди языковых единиц, представляющих собой наименования членов нуклеарной семьи, появилось 5 наименований супругов, 4 наименования представителей младшего поколения, связанных друг с другом кровными узами, и лексема, именующая отца. Вторая группа языковых единиц обогатилась тремя лексемами, дифференциальные семы которых характеризуют разные виды родственных связей внутри семьи. Между лексемами, входящими в околоядерную зону ЛФП «Семья» в древнерусских рукописях XII – XIV вв., прослеживаются гиперо-гипонимические (1 ряд ед.), синонимические (3 ряда ед.) и антонимические (1 ряд ед.) отношения. Обогащение околоядерной зоны ЛФП концепта «Семья» в древнерусских памятниках XII – XIV вв. происходило, в основном, за счёт наименований членов индивидуальной семьи (10 ед.), закрепившейся в качестве основной формы семейной организации у восточных славян.

Выводы по II главе

Ядерной единицей ЛФП древнерусского концепта «Семья» по материалам этимологических и исторических словарей, а также косвенным данным славянских текстов, дошедших в списках более позднего периода, является лексема **сѣмѣа**, одно из ранних употреблений которой отмечено в древнерусских памятниках XII в. Эти источники свидетельствуют о том, что в X – XI вв., на этапе взаимовлияния языческих и христианских традиций, в состав восточнославянской семьи, помимо представителей старшего и младшего поколений, являющихся её основой, входила челядь. В XII – XIV вв., на втором этапе развития концепта «Семья», у древних русичей в качестве основной формы семейной организации утверждается малая нуклеарная семья, уже не включавшая в себя челядь.

Славянские памятники X – XIV вв. свидетельствуют о том, что наиболее надёжными у восточных славян были отношения, построенные на родственных связях. Это обусловило выделение в качестве ядерной интегральной комплексной сему ‘группа людей, связанных родственными отношениями и проживающих совместно’.

Ядерное значение ЛФП является ведущим в структуре вербализаторов околоядерной зоны, которую образуют наименования членов малой семьи и группа единиц, связанных комплексной семой ‘близкое родство вообще’.

Большинство единиц, составляющих ядерную и околоядерную зоны поля, являются полисемантами. Одни из них могут выступать репрезентантами концепта «Семья» лишь в одном своём значении (**жена**, **мужь**, **мати** – 3 ед.), другие включаются в разные зоны ЛФП, реализуя при этом каждый раз очередное своё значение (**отць**, **сынъ**, **братъ**, **сестра** и др. – 15 ед.), третьи способны актуализировать свои значения в одной зоне ЛФП (обычно полисеманты, обладающие двумя ЛСВ, напр., **сѣмѣа**).

Этимология языковых единиц, образующих ядерную и окооядерную зоны ЛФП концепта «Семья», свидетельствует об их принадлежности к общеславянскому языковому фонду.

Среди отношений, возникших между единицами окооядерной зоны поля над антонимическими (5 рядов) и гиперо-гипонимическими (5 рядов) отношениями преобладают синонимические связи (12 ряда). Они доказывают тесную, нерушимую связь как между супругами, составляющими одно целое, так и между прямыми кровными родственниками, входящими в двупоколенную семью.

Значительное количество и высокая частотность употребления в славянских текстах X – XI вв. и древнерусских памятниках XII – XIV вв. языковых единиц, называющих прямых кровных родственников (22 и 32 ед. в 386 и 573 употр. соответственно), доказывает, что в основе семейных отношений у средневековых славян лежала, как правило, кровнородственная связь, прочно соединяющая людей друг с другом. При этом у средневековых славян наиболее значимой являлась связь между родителями и детьми, поскольку одной из основных функций семьи у восточных славян было продолжение рода.

Славянские рукописи X – XIV вв. подтверждают, что взаимные обязанности родителей и детей, существовавшие у древних славян в дохристианский период, были законодательно закреплены Церковью, в ведении которой после принятия христианства находился институт семьи.

ГЛАВА III. РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗОНЫ БЛИЖНЕЙ ПЕРИФЕРИИ ЛФП ВЕРБАЛИЗАТОРОВ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ»

3.1. Трансформация ближней периферии сектора «Родство по крови» и группы вербализаторов с семой 'духовное родство', представленная в славянских рукописях X – XIV вв.

3.1.1. Состояние зоны ближней периферии сектора «Родство по крови» и группы вербализаторов с семой 'духовное родство' по данным славянских рукописей X – XI вв.

В зону ближней периферии вербализаторов сектора «Родство по крови» в проанализированных славянских текстах X – XI вв. входит 14 лексем и 4 УСК в 96 и 10 употреблениях соответственно. Эту зону образуют единицы, связанные интегральной комплексной семой 'близкое кровное родство'. В ней можно выделить две группы.

К **первой группе** относятся 9 наименований кровных родственников по боковой линии в 66 употреблениях (братоучадъ / братоучадо, братанъ, братичичъ, нетии, братаньна, братана, братичьна, сестричьна, дъщерьша).

В «Свѣтааго іуанна златоуустааго словѣ о алкании і ѿ іуѡсифѣ и о попѣ и о давидѣ» из Супрасльской рукописи используется лексема братоучадъ в значении 'племянник, сын брата': Жена нѣкто кападокиса родомъ василина же именемъ. дѣякониса сжшти приде въ нероусалимъ имжшти съ собою братоучада самьчѣнѣ санъ прѣдръжашта [Супр 297: 27-30].

Входящие в первую группу единицы братичичъ, братанъ, братоучадъ / братоучадо, нетии в значении 'племянник, сын брата', а также лексемы братоучада, братаньна, братана, братичьна, дъщерьша в

значении ‘племянница, дочь брата’ находятся друг с другом в синонимических отношениях.

Лексема **дъщерьша** – производное от слова **дъщи** (‘дочь’). В «Этимологическом словаре славянских языков» отмечено, что общеслав. *dъkt’i представляет собой древнее и.-е. обозначение родства с основой на согласный, производное с суф. -ter- (исходная основа убедительному анализу не поддаётся) [ЭССЯ, вып. 5, 1978: 178-179]. Данную лексему в значении ‘племянница со стороны брата’ [Slovník, т. 1, 2006: 536] находим в Синайском патерике: **Бѣ старица идоуши издавающи. и пришьдъши дасть ми съ вѣмъ млъчаниѣмъ. дасть же и моки дъщерьши** [Син Пат, 216].

В Изборнике Святослава 1073 г. встречается лексема **нѣтии** в значении ‘племянник, сын брата или сестры’ [Срезневский, т. 2, 1895: 433]: **нѣ кесар’ епископъ драчьскыи нѣ маркъ нѣтии варънавль епископа аполонинскаго** [Изб 1073, 260.16: 11-15].

Во второй группе находятся 5 лексем и 4 УСК в 30 и 10 употреблениях соответственно с обобщённым значением отсутствия прямых кровных родственников. Это наименования лиц, потерявших родителей (**сирота, сирѣ, сирин**); лексемы и УСК, характеризующие состояние этих лиц (**сиротство, безматьрьнь, отъ родитель оставькнь**); УСК, в семантической структуре которых выделена дифференциальная комплексная сема ‘отсутствие семьи’ (**оставити родъ, рода нѣ имѣти, рода нѣ помънити**).

Происхождение синонимичных лексем **сирота, сирѣ, сирин**, представляющих собой наименования лиц, лишённых близких родственников, остаётся неясным. Однако, как отмечает О.Н. Трубачёв, лингвисты неоднократно предполагали, что они близки с греч. χήρα ‘вдова’, χήρος ‘лишённый’. Единственным несомненным является родство слав. *siġь* с лит. *seirỹs* ‘вдовец’ [Трубачёв 2006: 189]. Данные слова употребляются в

Супрасльской рукописи. Так, в произведении «Слово св. Іоанна златоуста на благовѣщеніе» читаем: **Тѣгда чистаѣ дѣвица мариѣ плачѣшти сѧ рече. аште отѣца семоу иштеши. не имашѣ никде обрѣсти. и аште сиротѣ мѣниши то и того отѣпаде** [Супр 241: 7-10]. Здесь же встречаем лексему сиротство: **Женѣ ти мѣнѣ нѣ отѣць нѣси. отѣца на земли не ишти. ни на небеси матери. всего бо сиротства кѣтѣство избы** [Супр 242: 23-25]. В том же памятнике в произведении «Житіе и дѣяніе прѣподобнаго анны» встречаются лексема сирота и УСК отъ родитель оставѣнѣ в значении 'ребѣнок, у которого умерли родители, сирота': **И бывѣ є лѣтъ сиротоѣ отъ родитель оставѣнѣ быстѣ. то же полоучивѣ. оуки вѣшти многодѣтѣльнѣ кмоу сѣдаланѣ и двѣрьмѣ отворѣзѣшамѣ сѧ кмѣ на дѣло доуховноѣ** [Супр 546: 20-24].

К сиротам, как и к вдовам, потерявшим близкого человека, на Руси относились с сочувствием. Окружающие всегда старались поддерживать их, помогать во всѣм. Так, в Изборнике Святослава 1076 г. отец наказывает сыну: **Знаѣмыѣ твори домѣ свои ништимѣ. вѣдовицамѣ. сиротамѣ не имоуштимѣ кде главы подѣклонити** [Изб 1076, 16.2: 5-9]. В этом же памятнике употреблена и лексема сирин: **Не имѣть прѣзрѣти молитвы сирѣаго. ни вѣдовица кгда извѣщаѣтъ бесѣдоу не слѣзы ли вѣдовици по ланитѣмѣ текоуѣ** [Там же, 145.1: 8-13].

Лексема родѣ со значением 'род, семья, родня' [Slovník, т. 3, 2006: 644] входит в состав УСК оставити родѣ, рода не имѣти, рода не помѣнитѣ. Так, УСК **рода не имѣти** с семантикой 'не иметь семью, родственников' находим в «Словѣ сѣлааго епифанія архіепискоупа кѣпрска о погрѣбѣнии тѣлесѣ їи нашего їсоу хѣа» из Супрасльской рукописи: **Дажѣ ми сего стран'нааго бѣжавѣшааго от' самѣхѣ пеленѣ вѣ єгѣпѣ иже ни града ни вѣси ни храма ни обитѣли ни рода имѣтъ** [Супр 455: 2-5].

УСК **оставити родѣ** с семантикой 'оставить, покинуть семью, родственников' обнаружен в Синайском евхологии: **їи бѣже нашѣ,**

възаконен достоинъ себѣ сѣща, ꙗ оставляша всѣ житниискаа ꙗ родѣ и приѣтеле ꙗ въ слѣдѣ тебе граджѣща, прими раба твоего [Синевх 80b: 4-8]. Речь идёт о человеке, отрѣкшемся от всего мирского, от семьи и посвятившем себя Богу после ухода в монастырь.

Принятие восточными славянами христианства обусловило появление группы единиц, связанных интегральной комплексной семой 'духовное родство'. Она представлена 8 лексемами и одним УСК в 15 и трёх употреблениях соответственно. Эта группа включает наименования родственников, возникших в результате совершения обряда крещения (коумъ, коума, креститель, крестительница, крестьнын отьць, крестьникъ, крестьница), а также лексемы, в семантической структуре которых содержится дифференциальная комплексная сема 'действия, совершаемые для обретения родных через процедуру крещения' (крещати / крестити, крещеникъ).

Наличие в текстах X – XI вв. таких единиц, как коумъ, коума, креститель, крестительница, крестьнын отьць, крестьникъ, крестьница, крещати / крестити, доказывает, что, помимо кровного родства, одним из значимых видов родства у славян считалось духовное крестильное родство, кумовство. С.М. Толстая пишет: «У славян главным и наиболее почитаемым видом ритуального родства считается духовное родство (крестильное родство, кумовство), налагающее на восприемника ответственность за судьбу и нравственный облик своего крестника, который, в свою очередь, всю жизнь воспринимает своих крестных родителей как самых главных и авторитетных родственников (нередко ставит их выше родителей). Этот вид родства исключает брачные связи между любыми членами обеих семей» [Толстая 2009: 14]. Действительно, в Церковном уставе кн. Ярослава 1051 – 1054 гг. предусмотрена кара за грех прелюбодеяния, совершённый с духовным родственником: Аще коумъ съ коумоужъ вѣдѣтъ сътворити, митрополитоу гривна золота и въ опитѣмъ [Церк. уст. кн. Яросл. [http](http://)].

В рукописях религиозного содержания, созданных на общелитературном языке славян Средневековья, употребление единиц, обладающих интегральной комплексной семой 'духовное родство', чаще всего связано с принятием древними славянами нового христианского вероучения. Так, в памятнике XIII слов Григория Богослова находим слова **кръщеникъ, крѣститѣль: Грамъ во кѣтъ рещи: кѣде ми кѣтъ приносимок на крѣщеникъ? кѣде же просвѣщениѣ риза, кѣ же просвѣщюся? Кѣде ли, кѣ же на подѣлтиѣ момѣ крѣститѣлкѣмъ, да понѣ сими вѣзѣ вѣгождѣ?** [Сл Гр, 121α-β]. В Пандектах Антиоха встречаем лексему **крѣщати: Не подобаѣтъ оубо безъ епискоупа ни крѣщати, ни любѣве творити** [Панд. Ант., л. 281]. В обоих памятниках подчёркивается ведущая роль Церкви в жизни средневековых славян.

Итак, зона ближней периферии вербализаторов сектора «Родство по крови» в проанализированных славянских текстах X – XI вв. представлена двумя группами единиц, в каждой из которых вербализаторы вступают в синонимические отношения (3 ряда). Репрезентанты первой группы являются наименованиями родственников по боковой линии (9 лексем в 66 употр.), что свидетельствует о постепенном становлении системы разветвлённых семейных отношений у средневековых славян, регулируемой Церковью. Среди языковых единиц данной группы отмечено два полисеманта, реализующих оба своих значения в этой части ЛФП.

Небольшое число единиц с обобщённым значением отсутствия прямых кровных родственников (9 ед. в 30 употр.) доказывает, что явление сиротства на Руси не было распространённым. Это связано с тем, что о ребёнке, потерявшем родителей, заботились, в основном, кровные родственники.

Незначительное количество употреблений в славянских рукописях X – XI вв. выделенных в отдельную группу единиц, связанных с духовным родством (9 ед. в 18 употр.), свидетельствуют о том, что церемония крещения и обретения духовных родственников только начала постепенно внедряться в жизнь принявших христианство средневековых славян.

3.1.2. Изменение зоны ближней периферии сектора «Родство по крови» и группы вербализаторов с семей 'духовное родство', отражённое в древнерусских памятниках XII – XIV вв.

Зону вербализаторов ближней периферии сектора «Родство по крови», как свидетельствуют древнерусские тексты XII – XIV вв., составляют 27 лексем и 16 УСК в 370 и 68 употреблениях соответственно. Вербализаторы данного сектора, как и в аналогичной части, представленной в славянских рукописях X – XI вв., делятся на **две группы. Первая группа** единиц, связанных интегральной комплексной семей 'близкое кровное родство', представлена 22 лексемами и 10 УСК в 250 и 60 употреблениях соответственно. Она пополнилась двумя лексемами с обобщённым значением принадлежности к боковым кровным родственникам (**дадинъ**, **строковъ**); УСК, отражающим принадлежность роду, семье (**принти къ родоу**); 11 словами и 9 УСК, называющими родственников по боковой линии, которые можно разделить на *две подгруппы*. К *I подгруппе* относятся наименования представителей старшего поколения:

1) лиц мужского пола (**вон** / **оуи** 'дядя по матери', **стрын** 'дядя по отцу', **дада** 'дядя по отцу или матери');

2) лиц женского пола (**тетъка** 'сестра отца или матери').

Ко *II подгруппе* принадлежат названия представителей младшего поколения:

1) именованя лиц мужского пола:

- не прямых родственников первой степени (**браточинъ** 'сын брата или сестры', **братаничъ** 'сын брата', **братоучадо** / **браточадо** / **братоучадъ** 'сын брата', 'двоюродный брат'; **първыи братоучадъ** 'двоюродный брат', **нѣтин** 'племянник', **дадьковичъ** 'сын дядьки');

- не прямых родственников второй степени (**въторыи братоучадъ** 'троюродный брат');

2) именованія лиц женскаго пола:

- неродных родственниц первой степени (**братоучадъ** 1. ‘двоюродная сестра’, **братоучада** ‘дочь брата’, ‘двоюродная сестра’; **дъщерьша** ‘дочь брата, племянница’; **нестера** ‘дочь сестры, племянница’, **сестрична** ‘дочь сестры, племянница по сестре’);

- непрямых родственников второй степени (**третини братоучади** ‘четвероюродные сёстры’);

3) наименованія непрямых родственников мужскаго и женскаго пола:

- непрямых родственников первой степени (**братоучадъ** 2. ‘двоюродные братья и сёстры’, **първага братоучада** / **първыѣ братоучади** ‘двоюродные брат и сестра’);

- кровных родственников по боковой линии второй степени (**въторага братоучада** / **въторыѣ братоучади** ‘троюродные брат и сестра’);

- неродных кровных родственников третьей степени (**третѣга братоучада** ‘четвероюродные брат и сестра’).

Слово **братоучадык**, имеющее значеніе ‘сын брата, племянник’ [СРЯ XI – XVII, вып. 1, 1975: 326], употребляется в Ипатьевской летописи: **Крамолѣ же бывши во безбожныхъ божарехъ галичкихъ, съвѣтъ створше со братоучадыкъмъ кю [Даниила] Александромъ на оубиикнык и преднее землѣ кю** [Ипат. лет., 6738 [http](http://)].

У слова **братоучадъ**, помимо значенія ‘сын брата, племянник’, с которым оно употреблялось в славянских рукописях X – XI вв., в древнерусском языке XII – XIV вв. развилось и второе значеніе – ‘двоюродный брат’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 310]. В «Этимологическом словаре славянских языков» указано, что первоначальным вариантом происхожденія слова **братоучадо** является «морфолого-синтаксическая конструкция *bratu čęda, где *bratu – род. п. дв. ч. от *bratъ, а *čęda – мн. ч. от *čędo, т. е. ‘дети [двух] братьев’, откуда развились затем значенія ‘племянник’, ‘двоюродный брат’» [ЭССЯ, вып. 3, 1976: 8]. С семантикой

‘двоюродный брат’ лексема **братоучадъ** встречается в Новгородской кормчей 1280 г.: **Двою братоучадома не достоинно поати двою сестроу** [Новг. крм., 477г].

Лексема **братоучадъ** в значении ‘двоюродные братья и сёстры’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 311] встречается в Рязанской кормчей 1284 г.: **Бочетающася братоучади иже ѿ(т) нихъ ражающеся дѣти да разлоучать сѧ** [Ряз. крм., 328г].

В первом своём значении ‘дочь брата, племянница’ [СРЯ XI – XVII, вып. 1, 1975: 326] лексема **братоучада** употреблена в Ипатьевской летописи: **[Болеслав] вдасть Мазовешь братоу свокоу Гомовитови, послоушавъ князя Данила, бѣ бо братоучада юго за нимъ, дочи Александрова, именемъ Настасыа** [Ипат. лет., 6759 [http](http://)]. Во втором своём значении ‘двоюродная сестра’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 310] лексема **братоучада** используется в Рязанской кормчей 1284 г.: **не простиши братоучадоу братоучады поати** [Ряз. крм., 154г]; **двѣ братоучади приѣмше два брата. кдиноу оудицею оуловлена быста. и на поуть ведоущи въ погыбель** [Там же, 334б]. Во всех приведённых выше примерах речь идёт о невозможности и неестественности заключения брака между кровными родственниками по боковой линии, что неоднократно прописывалось в статьях многочисленных юридических документов Древней Руси – кормчих книгах.

Слово **братоучадо** в значении ‘сын брата, племянник’ вступает в синонимические отношения с лексемами **браточинъ**, **братаничъ**, **нѣтин**, а в значении ‘двоюродный брат’ – с УСК **първыи братоучадъ**. Лексема **братоучадъ** с семантикой ‘двоюродная сестра’ – синоним слова **братоучада**; в значении ‘дочь брата’ лексема **братоучада** образует синонимический ряд со словами **дъщерьша**, **нѣстера**, **сестричъна**. Единицы **братоучадъ** и **първаа братоучада** в значении ‘двоюродные брат и сестра’ выступают синонимами по отношению друг к другу и одновременно

гиперонимами по отношению к единицам-гипонимам **братоучадо**, **първыи братоучадъ** ‘двоюродный брат’ и **братоучадъ**, **братоучада** ‘двоюродная сестра’.

УСК **първыи братоучадъ** в значении ‘двоюродный брат’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 310] использован в Новгородской кормчей 1280 г.: **Аще кѣто въпрашаѣтъ тобѣ. първыи братоучадъ котораго кѣтъ степени. рци ѿ. го** [Новг. крм., 478в]. Здесь же отмечен также УСК **въторага братоучада** с семантикой ‘троюродные брат и сестра’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 311]: **Неподовно и аще приложитъ сѧ ѡ(т) обою съжитѣствоу быти дѣтемъ по ѡцѣихъ оубо боудутъ въторага братоучада** [Новг. крм., 481б].

УСК **въторыи братоучадъ** в значении ‘троюродный брат’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 311], **въторыѣ братоучади** с семантикой ‘троюродные брат и сестра’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 311], **третѣя братоучада** в значении ‘четвероюродные брат и сестра’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 311] находим в Рязанской кормчей 1284 г.: **Въсхотѣ нѣкто закономъ брака съжитицию поати дщерь вътораго братоучада своего. аже есть тако седмаго степене соущю емоу** [Ряз. крм., 335а]; **ни ѿнѣ мои стрѣя моего или тетѣкы внѣкы не можетъ поати. си бо глѣются вторини братоучади** [Там же, 283б]; **радинѣ. ми(х)лѣ братѣсестра анна іѡ .ѡ. братоучада. марна. паве(л) .ѡ. братоуча(д) варвара. петръ. .ѡ. братоуча(д) ѡриѧ** [Там же, 340б-в].

Обогадившее зону ближней периферии сектора «Родство по крови» в древнерусских памятниках XII – XIV вв. слово **нестера**, имеющее значение ‘дочь сестры, племянница’ [Срезневский, т. 2, 1895: 426], а также продолжающую использоваться в древнерусском языке лексему **дѣщерьша** в значении ‘дочь брата, племянница’ [Срезневский, т. 1, 1893: 763] находим в Устюжской кормчей: **Аще кѣто поиметь сестреницѣ ли дѣщерьшу ли нестероу да не боудеть ѿщникъ** [Уст. крм., 25.2 л.: 6-7].

Эта же мысль прослеживается и в Ефремовской кормчей, согласно которой **водѣи дѣвѣ сестреницѣ ли сестричьноу не можетъ быти причѣтъникѣ** [Ефр. крм., 19в]. Употреблённая здесь лексема **сестричьна** известна по славянским рукописям X – XI вв. в значении ‘дочь сестры, племянница по сестре’ [Срезневский, т. 3, 1903: 342].

К.А. Максимович возводит слав. *nestera к праслав. *nept-tera; ср. и.-е. *neptī(s) > др.-лит. neptė; др.-инд. naptís ‘внучка’, лат. neptis ‘внучка’. Кроме того, греч. формант -ter- мог обозначать принадлежность к определённой группе, классу. Следовательно, слав. *nestera можно охарактеризовать как ‘лицо женского пола, относящееся к типу “внучка”, как бы внучка’ [Максимович 2005: 127-129]. Таким образом, слав. термин *nestera демонстрирует своеобразное развитие семантики слова **нестера** от ‘внучка’ к ‘племянница’ в древнейших и.-е. языках.

В Новгородской кормчей 1280 г. находим появившиеся в древнерусских памятниках лексемы **братоучадѣ** в значении ‘сын брата’; **тетѣка**, имеющую значение ‘сестра отца или матери’ [Срезневский, т. 3, 1903: 342]; **нѣтии** ‘племянник’ [Срезневский, т. 2, 1895: 955] и продолжающую функционировать в древнерусских рукописях XII – XIV вв. лексему **сестричьна**: **Ни насѣ рожьшеи ни ѡ(т) насѣ рожениа. того же рода ис корене намѣ приѡбщиша сѧ братѣ сестры тетѣка. нѣтии сестричьноу. братоучадѣ. брат(н)ѧ дчи и ѡ(т) сихѣ сходящии** [Новг. крм., 476г].

Этимологию слова **нѣтии** убедительно выстроил О.Н. Трубачёв. По его мнению, слав. *netī восходит к и.-е. *neptī, *nepōt-, которое образовано из отрицания ne- ‘не’ и и.-е. *pot, обозначающего, вероятно, старшего в роде, на стадии патриархата – отца. Таким образом, форма и.-е. *nepōt- ясно свидетельствует, что оно могло значить ‘принадлежащий не-отцу, не-старейшине’. Такое толкование вполне соответствует толкованию термина побочного родства [Трубачёв 2006: 77-78].

«Лексика и терминология родства в славянских языках относятся к древнейшему общеславянскому фонду и демонстрируют не только сложность и разветвлённость славянской системы родственных отношений, но и характерные для славян способы их осмысления» [Толстая, т. 4, 2009: 442]. Так, в терминологии родства у славян отражены особые названия для дяди по отцу – **стрын** и по матери – **вон** / **оуи**, что подчёркивает разную трактовку и разную оценку родства по мужской и женской линии. Тётки по отцу и матери не имеют специальных наименований в славянских языках, а обозначаются производными от названий дядьёв. Как пишет О.Н. Трубачёв, слав. *stryjъ ‘дядя по отцу, брат отца’ сохранилось во многих славянских языках [Трубачёв 2006: 79]. По замечанию Ф.П. Филина, вплоть до XIV в. слово **стрын** активно употреблялось в древнерусском языке, однако после этого периода оно становится архаизмом и постепенно вытесняется [Филин 1949: 201].

О.Н. Трубачёв приводит предложенную исследователем И. Микколой этимологию слав. *stryjъ, считая её наиболее правдоподобной. И. Миккола сближает слав. *stryjъ с лат. patruus ‘брат отца’, особенно с др.-иранск. tīrya- в том же значении [Трубачёв 2006: 80]. Точку зрения Микколы подтверждают данные А.В. Исаченко, который видит «остатки общинно-родовых отношений с кросскузенным [кросскузены – букв. ‘перекрёстные кузены’, между которыми в древнем родовом обществе были возможны брачные отношения] браком в факте распространения названия ‘отец’ на братьев отца, отцовских дядьёв» [Исаченко 1953: 66-67]. Лексему **стрын** находим в Рязанской кормчей 1284 г.: **Нѣ могоу поати жены. тако же ни дщери стрыа мого или тетъкы. рекше братоучади моки** [Ряз. корм., 283б].

О.Н. Трубачёв замечает, что «для русского языка характерно полное забвение слова **оуи** со значением ‘дядя по матери’» [Трубачёв 2006: 82]. В древнерусском же языке данная лексема употреблялась часто. Лексема **оуи**

употреблена в Повести временных лет и в Ипатьевской летописи: **Володимеръ во бѣ ѿ Малѹши, ключницѣ Вльзины, сестра же бѣ Добрына, штьць же бѣ има Малъкъ Любечанинъ, бѣ Добрына о҃҃и Володимерѹ** [ПВЛ, 6478 [http](#)]; **Романъ же вѣше пришеѣ съ Ляхи на брата съ Межкомъ, о҃҃емъ своимъ** [Ипат. лет., 6696 [http](#)].

Лексемы **вои / о҃҃и, стрын, дѣдѣ** находятся в гиперо-гипонимических отношениях. Гипонимами являются слова **вои / о҃҃и, стрын**, гиперонимом – лексема **дѣдѣ**.

Современные языки, составляющие восточнославянскую ветвь, не используют древние специальные наименования отцовского (**стрын**) и материнского (**вои / о҃҃и**) дядьёв, а употребляют в обоих значениях общее название: **дядя**. Ф.П. Филин пишет: «В ранних древнерусских и церковнославянских памятниках слово **дядя** не встречается вовсе. Первоначальное значение этого термина, существовавшего издревле в восточнославянских диалектах, было не только ‘дядя’, но и ‘отец’, ‘старик’» [Филин 1948: 338].

В древнерусских текстах начинают встречаться и производные лексемы **дѣдѣ**, имеющей значение ‘дядя, брат отца или матери’ [СДЯ XI – XIV, т.3, 1990: 174]. Так, в Ипатьевской летописи находим слово **дѣдѣковичъ** ‘сын дядьки’ [Срезневский, т. 1, 1893: 804]: **Се же о҃҃слышавъ Левъ князь посла Семена своего дѣдѣковича ко сынови своему** [Ипат. лет., 6797 [http](#)].

Во вторую группу вербализаторов ближней периферии сектора «Родство по крови» в древнерусских текстах XII – XIV вв. с обобщённым значением отсутствия прямых кровных родственников входит 5 лексем и 6 УСК в 120 и 8 употреблениях соответственно. В ней появляются УСК, в семантической структуре которых содержится дифференциальная комплексная сема ‘отсутствие семьи’ (**отити отъ рода, вѣгати отъ рода**).

На уровне элементарных смыслов они выступают антонимами по отношению к УСК **принти къ родоу**.

Синонимичные УСК **отити отъ рода** и **бѣгати отъ рода** с семантикой ‘уйти, отдалиться от семьи’, а также УСК **принти къ родоу** в значении ‘приблизиться, приобщиться к семье’, встречаются в Устюжской кормчей: **Аще калоу҃геръ постригъсѧ ти не ѿидеть ѿ рода сво҃го не вѣнчають сѧ** [Уст. крм., 125.2 л.: 21-22]; **калоу҃геръ бѣга рода сво҃го къ боу прибѣгають** [Уст. крм., 125.2 л.: 23-24]; **калоу҃геръ прихода къ родоу сво҃моу бѣ вѣгають ѿ него** [Уст. крм., 125.2 л.: 25-26]. Речь идёт о том, что в случае избрания пути служения Богу монаху следовало отказаться от мирской жизни, отречься от родных. Если же он выбирал семью, то стать церковнослужителем и посвятить себя Господу не мог.

В древнерусском языке этого периода продолжают употребляться лексемы с обобщённым значением отсутствия прямых кровных родственников. Так, лексема **сирота** со значением ‘лишившийся отца и матери, безродный’ [Срезневский, т. 3, 1903: 358] встречается в Устюжской кормчей: **Странна и нища. сироты и вдовицѣ не презри и да не сиду҃тъ съ двора тво҃го** [Уст. крм., 113.1 л.: 26-27 – 113.2 л.: 1]; **десатиноу же ѿ всего имѣннѧ сво҃го лоу҃чшеѥ ѿѣмъ дажь бѣи съкоупи же ю държи оу себе да ѿ того дакиши сиротѣ и вдовици и странноу и попомъ и чернцемъ и оубогымъ** [Уст. крм., 113.2 л.: 23-27].

В древнерусском языке XII – XIV вв. некоторым изменениям подверглась и группа лексем и УСК, объединённых комплексной семой ‘духовное родство’. Она состоит из 9 лексем и 3 УСК в 25 и 12 употреблениях соответственно. По сравнению с той же группой единиц, вербализующих данный сектор в рукописях X – XI вв., она пополнилась двумя наименованиями духовных родственников, появлявшихся после обряда крещения (**сынъ крѣстьныи, крѣстьныи братъ**), и лексемой, отражающей отношения между близкими духовными родственниками

(**коумовство**). С установлением христианства у славян продолжает укрепляться духовное родство. В древнерусских памятниках XII – XIV вв. появляются единицы **сынъ кръстьныи** ('крестник'), **кръстьныи братъ** ('брат по крещению'). Особенности обряда крещения детей отражены в Новгородской кормчей 1280 г.: **А дѣтѣ кр(с)тѣче дати причастыѣ** [Новг. крм., 522г].

В древнерусских текстах XII – XIV вв. продолжают функционировать лексемы **коума** 'кума, крёстная мать по отношению к родителям крещёного ребёнка и к его крёстному отцу' [СДЯ XI – XIV, т. 4, 1991: 327] и **коумъ** 'кум, крёстный отец по отношению к родителям крещёного ребёнка и к его крёстной матери' [СДЯ XI – XIV, т. 4, 1991: 329]. М. Строганова пишет, что обычай иметь нескольких восприемников утвердился в Католической Церкви, из которой проник в Православную Церковь. В Русской Церкви традиция иметь двух восприемников окончательно устанавливается с XIII в. <...> Обычай иметь крёстных родителей обоего пола объясняется взглядом на восприемников как духовных родителей [Строганова 2011: 26].

В Рязанской кормчей 1284 г. вопрос о браке духовных родственников решается однозначно: **Иже свою коумоу именемъ брака да поиметь обѣма носа да оуѣрѣжють** [Ряз. крм., 327г].

Итак, по сравнению с аналогичной частью ЛФП «Семья» в славянских рукописях X – XI вв. зона ближней периферии сектора «Родство по крови» в древнерусских текстах XII – XIV вв. обогатилась 23 вербализаторами. В основном, это наименования непрямых близких родственников по боковой линии (19 ед.), что доказывает осознание восточными славянами ценности и прочности разветвлённых родственных связей. Среди единиц данной группы есть три полисеманта, реализующих все свои значения в пределах ближней периферии сектора «Родство по крови» в древнерусском языке XII – XIV вв. Семьеобразующим началом в Древней Руси являлись кровнородственные отношения, что проявлялось в многочисленности семей, включавших в себя

несколько ветвей родственников. При этом имеются основания полагать, что отношения между боковыми (непрямыми) родственниками строились на основании физического старшинства: младший брат находился в подчинении у старшего, дядя имел превосходство над племянником.

Анализ первой группы вербализаторов сектора «Родство по крови» по данным древнерусских текстов XII – XIV вв. показал, что взаимоотношения родственников по боковой линии регулировались установленными в кормчих правовыми нормами, запрещавшими, в частности, браки между людьми, соединёнными кровными узами. В древнерусских памятниках XII – XIV вв. продолжали употребляться языковые единицы, выделенные ранее из славянских памятников X – XI вв., – наименования боковых родственников (9 ед. в 95 употр.), а также лиц, потерявших родных (9 ед. в 33 употр.).

Между репрезентантами ближней периферии исследуемого сектора в древнерусских рукописях XII – XIV вв. прослеживаются синонимические (5 рядов), гиперо-гипонимические (2 ряда) и антонимические (1 ряд) отношения. Менее значительной в XII – XIV вв. по количеству единиц, так же, как и в древнейших славянских памятниках, является вторая группа зоны ближней периферии сектора «Родство по крови» с обобщённым значением отсутствия прямых кровных родственников (11 ед. в 44 употр.). В случае потери родителей ребёнок воспитывался в семье его близких родственников, что свидетельствует о наличии института опеки в Древней Руси.

Анализ выделенной из древнерусских памятников XII – XIV вв. группы единиц, связанных интегральной комплексной семой ‘духовное родство’, подтверждает, что у древних русичей окончательно укрепляется кумовство, духовное родство, являвшееся для восточных славян не менее важным, чем родство по крови. При этом, как и отношения между кровными родственниками и свойственниками, отношения между духовными родственниками у восточных славян находили своё отражение в нормативно-правовых актах Древней Руси и регулировались церковными и светскими властями.

3.2. Ближняя периферия сектора «Родство по свойству», реконструированная по данным славянских текстов X – XI вв.

В зону вербализаторов ближней периферии сектора «Родство по свойству», восстанавливаемой по славянским рукописям X – XI вв., входит 78 лексем и 30 УСК в 336 и 92 употреблениях соответственно. Она представлена **двумя группами** языковых единиц, характеризующих особенности заключения брака и пребывания в супружестве. **Первая группа** зоны ближней периферии данного сектора включает 40 лексем и 23 УСК, объединённых комплексной семой 'вступление в брак', в 164 и 73 употреблениях соответственно. В ней можно выделить *четыре подгруппы*.

Первую подгруппу формируют лексемы, обобщённо называющие брачную церемонию: **бракъ / браки, браченьк, женитва, невѣстьство, сватьба, посагъ**, а также лексемы с дифференциальной комплексной семой 'относящийся к браку': **брачьныи, малъженьныи**.

Вторая подгруппа состоит из вербализаторов, отражающих процедуру заключения брака, её атрибуты и специфические черты: **сватьвьнок, вѣно, браचनाа коупла, обржчаник, вѣньчаник, чьстьныи бракъ**.

Третью подгруппу составляют лексемы и УСК, связанные интегральной комплексной семой 'участие в брачной церемонии': слова, именующие лиц мужского пола, вступающих в брак (**затъ, женихъ, жени сл, невѣстьникъ, поржчъникъ**); лексемы с дифференциальной комплексной семой 'относящийся к жениху' (**жениховъ, женишь, затъныи**); слова и УСК, называющие лиц женского пола, вступающих в брак (**поржченаа, невѣста, обржченаа мжжюу**); слова, в структуре значения которых присутствует дифференциальная комплексная сема 'свойственный невесте' (**невѣстинъ, невѣстьныи, невѣстьскыи, невѣстьскы**); лексемы и УСК, называющие организаторов и гостей брачной церемонии (**невѣстителъ, невѣстоводецъ, невѣстородительница, сынове брачьныи**).

В *четвёртую подгруппу* входят слова и УСК, обладающие интегральной комплексной семой 'действия при заключении брака': лексемы и УСК, называющие действия мужчины, вступающего в брак (**приводити женѣ, водити женѣ, поѣти женѣ, поимати, приѣти женѣ, женити сѧ, брачити сѧ, прилѣпити сѧ женѣ, съ женоѣ съпрагнѣти сѧ / съпращи сѧ, съкоуплати сѧ съ женоѣ**); лексемы и УСК, называющие действия женщины, вступающей в брак (**за мѣжѣ ити, причастити сѧ къ мѣжоу, посагати / посагнѣти, прилѣпити сѧ мѣжоу, прикоуплати сѧ мѣжѣ мѣжоу, мѣжа познати**); лексемы и УСК, называющие совместные действия лиц, вступающих в брак (**съпращи сѧ / съпрагнѣти сѧ, оженити сѧ, причетати сѧ брацѣ, съкоупити сѧ бракъмѣ**); лексемы и УСК, называющие действия третьих лиц при оформлении брака (**обрѣтити, порѣтити, невѣстити, женити / оженити, брачити, дати за мѣжѣ, вѣдати за мѣжѣ**); УСК, в структуре значения которых присутствует дифференциальная комплексная сема 'устроение брака' (**сватѣбѣ дѣлати, сватѣбѣ творити / сътворити, бракъ творити / сътворити**).

Одно из первых определений брачного союза дано римским юристом Модестиной в III в.: «Брак – это союз мужчины и женщины, общение жизни, соучастие в божеском и человеческом праве» [ПЭ, т. 6, 2003: 146]. Это определение брака было переосмыслено в соответствии с христианской традицией. Так, в «Полном православном богословском энциклопедическом словаре» даётся следующее определение брака: «Бракъ есть таинство, въ которомъ женихъ и невѣста предъ священникомъ и Церковью даютъ свободное обѣщаніе во взаимной ихъ супружеской вѣрности, и союзъ ихъ благословляется, во образъ союза Христа с Церковію...» [ППБЭС, т. 1, 1992: 396].

Само слово **бракъ / браки**, как и лексема **браченъѣ**, заимствованы русским языком из старославянского, где они «представляют собой суффиксальные производные от глагола *брати* > 'брать в жёны'» [Черных,

т. 1, 1994: 107]. В «Этимологическом словаре славянских языков» представлены слвц. *brat'sa* 'сочетаться браком', ст.-укр. *брати* 'братъ (в жёны)' и указано, что общеслав. * *byrati* давно поставлено в связь с и.-е. * *bher-* 'нести' [ЭССЯ, вып. 3, 1976: 162-163]. Этимология слова **бракъ**, на наш взгляд, свидетельствует об активной роли мужчины при заключении брака.

Лексема **бракъ** встречается в славянских памятниках X – XI вв. Так, она употреблена в Мариинском евангелии: **1. Зъванъ бѣ Ісѣ и оученици юго на бракъ** (Ин 2: 1) Мар 319. Евангелие повествует, как Иисус присутствовал на брачном торжестве в галилейском селении Кана. Если рассматривать данное повествование как аллегорию, то можно сказать, что, посетив свадебный пир, Спаситель тем самым освятил брачный союз [ПЭ, т. 6, 2003: 182]. В Ветхом Завете представлен взгляд на брак как на союз мужчины и женщины, благословляемый Богом: многие Учители и Отцы Церкви отмечают обязательное присутствие в брачном союзе самого Бога. Мысль о том, что именно Господь является создателем, творцом брачных отношений, прослеживается в тексте Изборника Святослава 1073 г.: **Бракъ ꙗко Богъ сътворилъ** [Изб 1073, 95.26: 1-2]; **законъмъ брачнымимъ не помыслимъ того Ёжиги дѣланиа ꙗже испрѣва моужа и женоу сътворилъ** [Изб 1073, 95.2 б: 7-12].

О том, что блуд, оскверняющий и разрушающий брак, осуждается Отцами Церкви, свидетельствует Изборник Святослава 1076 г.: **Горе блудьникоу осквърнаѣтъ бо ризоу невѣстъникоу. да и цръства брака състоудъмъ изгънанъ боудеть** [Изб 1076, 80.2: 9-13].

В «Старославянском словаре (по рукописям X – XI вв.)» лексема **бракъ** / **браки** представлена в значении 'свадьба, брак' [СтСл 1994: 100]. Именно в данном значении использована лексема **бракъ** в приведённых выше контекстах.

Лексему **бракъ** находим и в Синайском патерике: **Сътвори бракъ крещению** [Син Пат, 148]. Речь идёт о торжестве, устраиваемом по случаю приобщения к лону Православной церкви, проводимом священником. В данном контексте слово **бракъ** использовано в значении ‘пир’ [Срезневский, т. 1, 1893: 165].

Итак, у средневековых славян в X – XI вв. лексема **бракъ** обладала двумя значениями, одно из которых не было связано с брачной церемонией. Браком также назывался любой праздник, любое торжество, не обязательно свадебное.

Слова **невѣстьство**, **женитва** означают буквально ‘взятие невесты, жены’. Ф.И. Буслаев пишет, что от глагола *братъ*, скр. *б’ри* – ‘поддерживать, питать’ образуется скр. *б’арья* – жена, собственно ‘поддерживаемая, взятая’. Такая этимология связана с древним славянским обычаем умыкания, похищения невесты женихом, что согласуется с римским символом перенесения умыкаемых невест через порог жилища жениха [Буслаев 1848: 135]. Это подтверждает ведущую роль мужчины при заключении брака.

В памятнике XI в. XIII слов Григория Богослова находим слова **бракъ**, **женитва**, **невѣстьство**: **Чистъ есть и по женитвѣ. Моя бѣда да бѣдетъ; азъ сему съставъникъ, азъ ѹтварьникъ невѣстьству <...> Подражаю Ѥа, чистаго наставъника женитвѣ, и невѣстьника, съ во и чюдо съдѣла на брацѣ, и нечистотѣ отъ васъ прогъна пришьствикъмъ. Тъчию да вѣдетъ женитва свѣтъла и не примѣсна лювъви сквърнавѣ** [Сл Гр, 112 β]. Подобно Христу, благословившему брак, Григорий Богослов выступает устроителем брачного союза, подчёркивая его чистоту и святость.

А.В. Терещенко отмечает, что этимология слова **сватѣба** является спорной. Не ссылаясь на конкретных исследователей, автор приводит несколько точек зрения на происхождение этой лексемы. Он пишет, что, по мнению одних учёных, **сватѣба** сходна с латинским словом *svada* – ‘богиня веселья’, впоследствии обратившимся в привычное для нас слово *свадьба*.

Другие считают, что слово **сватѣба** является производным от глагола *сводитъ*, поскольку брак – это соединение двух лиц. Третьи полагают, что **сватѣба** – производное от слова *святость*, так как древние славяне свято чтили брак. Четвёртая точка зрения традиционна и фиксируется большинством этимологических словарей русского языка, где слово **сватѣба** возводится к слову, называющему свидетеля свадебного сговора – свата [Терещенко 2001: 144]. В «Этимологическом словаре» М.Э. Рут отмечает, что «родители тех, кто вступает в брак, становятся членами общей семьи, становятся своими» [Рут 2003:354]. Первоначально «слово *свадьба* означало всю процедуру вступления в брак – от сватовства до свадьбы» [Там же]. Таким образом, лексемой **сватѣба** подчёркивается близость, свойство родителей, чьи дети вступают в брак, а также родство обоих супругов, создающих новую семью. После оформления брачных отношений они становятся своими, близкими людьми.

Лексема **бракъ / браки** в одном из своих значений (‘свадьба, брак’) вступает в синонимические отношения с лексемами **браченък, женитва, невѣстѣство, сватѣба, посагѣ**. Слова, образующие данный синонимический ряд, сопоставлены на уровне элементарного значения: они связаны интегральной семой ‘обряд бракосочетания’.

В славянских текстах XI в. используется слово **малѣженьныи**. В частности, в рукописи XIII слов Григория Богослова читаем: **Поустыньному оубо и малѣженьному житиѣ, пѣрѣщема сѣ междю собою и расхѣдащема, и ни кдїному же оубо или добро или зѣла не смѣшьно имѣщема** [Сл. Гр., 76 β]. Григорий замечает, что уединённая, отшельническая жизнь часто противостоит семейной, супружеской, но человек всегда вправе выбрать то, что ему ближе. В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» лексема **малѣженьныи**, сопровождаясь контекстом из данного старославянского памятника, представлена с семантикой ‘относящийся к браку, брачному состоянию’ [СРЯ XI – XVII вв., вып. 9, 1982: 14].

В славянских рукописях X – XI вв. употребляются языковые единицы, характеризующие особенности оформления брака, воспринимаемого древними славянами как некое христианское таинство, некий обряд. М.Ф. Владимирский-Буданов замечает, что брак у славян «уже в эпоху раннего Средневековья стал приобретать цивилизованные очертания» [Владимирский-Буданов 2005: 154]. Лексема **сватѣбьнокъ** в значении ‘пошлина со свадьбы’ [Срезневский, т. 3, 1912: 269] встречается в Церковном уставе кн. Ярослава 1051–1054 гг.: **Свадебное и городное <...> платятъ виноу кнѣзь со вѣкою на полы** [Церк. уст. кн. Яросл.]. Согласно Уставу желающие вступить в брак платили князю и епископу налог со свадьбы.

УСК **брачънаѧ коупла**, включённый в «Материалы к словарю древнерусского языка» в значении ‘брачное условие, договор’ [Срезневский, т. 1, 1893: 1371] и подкреплённый примером из славянского памятника XI в., свидетельствует о том, что вступительным этапом заключения брака у средневековых славян был брачный договор (сговор). Оформлением брачного договора, как правило, занимались родители жениха и невесты.

В «Историко-этимологическом словаре русского языка» отмечается, что «старшее значение лексемы **бракъ** – ‘брак, освящённый церковью’» [Черных т. 1, 1994: 107]. Это, в сущности, подтверждается и значением УСК **чѣстьнынъ бракъ**. Так, в тексте «**Свѣтааго Іоанна златоустааго слово на благовѣштеникѣ Богородици**», входящем в Супрасльскую рукопись говорится, что Иосиф с разрешения божьего женился на девице Марии. Обряд проходил в церкви: **Съ бо ѿиосифъ братиѧ чѣстьномъ бракомъ женивъ сѧ прѣжде и родивъ сыны страда подроужниѧ** [Супр 246: 14-16]. Впоследствии этот иудейский обычай был воспринят и христианской церковью. Христиане объявляли греховным брак, который был заключён вне лона церкви. Таким образом, УСК **чѣстьнынъ бракъ** свидетельствует об отношениях, закреплённых и одобренных церковью.

Главные роли в брачной церемонии, играли, безусловно, жених и невеста. Слово **женихъ**, как пишет О.Н. Трубачёв, «происходит от общеславянского *ženīxъ, которое образовано прибавлением славянского суффикса *xъ* к глагольной основе *ženiti*, то есть *ženīxъ* – отглагольное имя деятеля. Буквально: ‘тот, кто женится (берёт в жёны)’» [Трубачёв 2006: 95].

В «Старославянском словаре (по рукописям X – XI вв.)» лексема **зѣть** представлена с семантикой ‘жених’ [СтСл 1994: 242]. В «Этимологическом словаре русского языка» А. Преображенский выделяет в слове *зять* и.-е. корень * *gen-* ‘рождать’. Следовательно, основным значением слова является ‘родственник’. Однако скр. *jarás* ‘жених’, *jamatar* ‘зять’, *jāmā* ‘невестка’ соединяют с греч. *γαμέω* ‘женюсь’ и возводят к и.-е. корню **gem-* ‘соединять, спаривать’ [Преображенский, т. 1, 1910: 260].

Лексемы **зѣть**, **женихъ**, **женѣи сѧ**, **невѣстьникъ**, **поржчѣникъ** в славянских памятниках X – XI вв. выступают как синонимы. В структуре их значения выделяется интегральная сема ‘лицо мужского пола, вступающее в брак’. Лексемы **невѣста**, **поржчѣнаѧ** в одном из своих значений (‘невеста’) вступают в отношения синонимии с УСК **обржчѣнаѧ мжжюѣ**. Л.А. Новиков обоснованно пишет, что «синонимами могут также быть слово и словосочетание» [Новиков 2002: 447]. Данные языковые единицы, являясь синонимами, связаны интегральной семой ‘лицо женского пола, вступающее в брак’.

Слова **жениховъ**, **женишь**, **зѣтѣнии** и лексемы **невѣстинъ**, **невѣстьнии**, **невѣстьскыи** также образуют два синонимических ряда. В их семантической структуре присутствуют интегральные семы ‘относящийся к жениху’ и ‘свойственный невесте’.

Создание новой семьи у средневековых славян было одной из главных задач в жизни человека, что поддерживалось с помощью текстов христианского содержания. Так, в Зографском евангелии читаем: **Оставиѣтъ чловѣкъ отца своего и мать и прилѣпитъ сѧ женѣ своѣи. ѿ быдѣте**

ОБА ВЪ ПЛЪТЬ ЕДИНЪ. ТѢМЪ ЖЕ ОУЖЕ НѢСТЕ ДѢВА НЪ ПЛЪТЬ ЕДИНА. ЕЖЕ ОУБО БОГЪ СЪЧЕТА ЧЛОВѢКЪ ДА НЕ РАЗЛЖАЕТЪ (Мф 19: 5-6) Зогр 27. В браке обязательно должен присутствовать Бог, «поскольку высшей целью бытия человека является достижение единства с Богом, богоподобия. В браке супруги возвышаются Богом на уровень вышечеличного, надындивидуального бытия» [ПЭ, т. 6, 2003: 148].

Текст Изборника Святослава 1073 г. свидетельствует о том, что брачный союз заключается между мужчиной и женщиной волею Господа: **И глѣтъ нѣкто моудрыи тако отъ ѿа прікоупакъ сѧ жена моужю сѣ менитъ** [Изб 1073, 95.2а: 25-29]. В этом же памятнике проводится мысль о том, что желание мужчины и женщины вступить в брак и создать семью является вполне естественным: **Не комоуждо съкоупаѣштюоумоу сѧ съ женоу бѣ и съвѣкоупакъ видимъ бо многы злѣ съходѣшта сѧ** [Там же, 95.2б: 2-7].

В обряде бракосочетания инициатива обычно исходила от мужчины. Так, УСК **поѣти женѣ** с семантикой ‘жениться’ [СтСл 1994: 495] употреблён в тексте Зографского евангелия: **28. Глѣште оучителю меси нап’салъ естъ намъ. аште комоу братръ оумьретъ имы женѣ і тѣ бештадынъ вѣдетъ да полметъ братръ его женѣ і въскрѣситъ сѣма брата своего** (Лк 20: 28) Зогр 125. Саддукеи были сторонниками учения о левиратном браке, которое заповедал им пророк Моисей. Христиане же признавали единобрачие. В произведении «**Мѣсѧца марта въ девѧты на десѧте житикъ прѣподовѣнааго отьца нашего Павѣла прѣпростааго**», входящем в Супрасльскую рукопись, встречаем УСК **съ женоѣ съпраши сѧ** в значении ‘жениться’: **Паулъ нѣк’то польскыи рѧтан издрадѣ безълобенъ и простъ житикмъ. съ красноѣ женоѣ съпраже сѧ. зълонравънѣ разоума** [Супр 169: 6-7]. В отрывке говорится о том, как некий пахарь Павел женился на красивой, но со злым нравом девушке.

В произведении «Свѣтааго оца нашего и ї ар'хиппа быв'ша константиѣ града їванна златоустааго слово на трид'невнок въскрѣшеньк ѣи нашего въ понѣделникѣ», попавшем в Супрасльскую рукопись, встречается УСК познати мѣжа: Дѣва и дрѣво и смръть. нашего повѣжденья быша образи дѣвоѣ бо бѣ еѣа. не оубо бѣ мѣжа познала кгда прѣльсть приѣтъ [Супр 489: 7-10].

УСК причастити сѣ къ мѣжоу употреблѣн в «Слове на благовѣштеник Богородици» Иоанна Златоуста из Супрасльской рукописи: **А кже дѣвици родити не причащѣши сѣ къ мѣжоу выше того кѣтъ закона тѣлеснааго** [Супр 250: 5-7]. Синонимичные УСК познати мѣжа и причастити сѣ къ мѣжоу в «Старославянском словаре (по рукописям X – XI вв.)» представлены в значении ‘быть в интимных отношениях с женщиной’ [СтСл 1994: 466; 515].

Решение о вступлении в брак могла принять и женщина. Так, славянские рукописи X – XI вв. свидетельствуют о том, что женщины могли вторично вступать в брак, хотя Церковь это осуждала: **Аще поидѣтъ жена отъ своего мѣжа за инѣи мѣжѣ, тоѣѣженѣ поѣти въ домѣ церковнѣи, а новоженѣ митрополитоу оу продажи** [Церк. уст. кн. Яросл. http].

Представляет особый интерес пример из Зографского евангелия, свидетельствующий о том, что после воскресения жизнь в будущем мире будет безбрачная. Воскресшие будут иметь тела, но с определённым ограничением: невозможностью и бесцельностью вступления в брак. Люди будут жить, словно ангелы на небесах: **Въ въскрѣшение бо ни женѣтъ сѣ ни посагаѣтъ нѣ ѣко ангели на небесехъ сѣтъ** (Мф 22: 30) Зогр 32. Однако в земной жизни оформление брачных отношений считается вполне закономерным. Это указано также в Зографском евангелии: **34. ѣ отъвѣштавъ ѣѣ рече ѣмѣ. сѣнове вѣѣка сего женѣтъ сѣ ѣ посагаѣтъ** (Лк 20: 34) Зогр 125. Лексема женити сѣ в «Словаре старославянского языка»

отмечена в значении 'жениться' [Slovník, т. 1, 2006: 599], а слово **посагати** представлено в значении 'выходить замуж' [Slovník, т. 3, 2006: 181].

В Изборнике Святослава 1073 г. находим УСК **съкоупити сѧ бракъмь: И иѡанъ бо и ѡковъ сынове зеведени прѣбывъшеи въ дѣвѣствѣ. и ни отъ члѣкъ творени. ни съкоупивъше сѧ бракъмь. нъ плѣть подвижавъше сѧ чждѣнѣ славоу каженичества сего и вѣнъць приѡша** [Изб 1073, 203.2а: 19-29]. Решившие принять постриг, могут сохранять целомудрие, не вступая в брак.

Активную роль в оформлении брачных отношений могли играть и третьи лица, чаще всего – родители жениха и невесты. Так, в произведении «**Мѣсѧца марта въ дѣнь чоудотворениѧ свѧтаѡго Конона иже въ исавриі**» из Супрасльской рукописи говорится о том, как Конона, достигшего совершеннолетия, родители собрались женить, не зная, что он решил проповедовать учение Бога под влиянием речей апостола Павла: **И нарекоша иѡа кмоу кононѣ. семоу же въздрастомѣ съврѣшеноу бивъшоу. родителѣ кмоу съвѣштаста сѧ женити ї дѣвицеѣ именемъ ан'на** [Супр 24: 26-29]; **родителѣ же кмоу сего не вѣдѣшта съвѣтъ о брацѣ твораства и приведъша ожениста** [Супр 25: 17-19].

В древних славянских памятниках находим УСК **дати / вѣдати за мѡжъ: Аще дѣвка възхоцетъ замѡжъ, а отьць и мати не дадоутъ, а что сътворить, митрополитоу оу винѣ отьць и мати; такожъ и отрок** [Церк. уст. кн. Яросл.]; **вѣдан дѣштерь и боудеши съврѣшилѣ дѣло велико и моужевн разоумивоу вѣдан ѡж** [Изб 1076, 160.2: 7-10]. Судьбу дочерей и сыновей решали родители. Отец как глава семьи был ответствен за судьбы своих детей. Для дочери он выбирал достойного жениха, тем самым совершая благое дело.

Вторую группу ближней периферии сектора «Родство по свойству» в славянских памятниках X – XI вв. образует 36 лексем и 7 УСК в 172 и 19

употреблениях соответственно, объединённых семантическим компонентом 'супружество'. В ней можно выделить *три подгруппы*. В *первой подгруппе* находятся языковые единицы, в семантической структуре которых присутствует дифференциальная комплексная сема 'пребывание в браке':

– единицы предметного характера, отражающие положение супругов (**мальженьство, подроужик** (одно из значений), **приовьщеник, сжпржженик, сжпржжик, брачество, мъногобрачик**);

– процессуальные единицы, характеризующие состояние лиц, вступивших в брак (**имѣти / имати женж, имѣти / имати подроужик, имѣти / имати мжжа**).

Вторую подгруппу составляют лексемы и УСК, именующие лиц, состоящих в браке: слова и УСК, называющие лиц женского пола, находящихся в браке (**мжжатага, мжжатица, вѣдовица, подроужик, приовьщница, мъньшица, мжжелюбница, зѣла(га) жена, добра(га) жена, лоукава(га)жена**); лексемы, именующие наложниц (**веденица, женима(га)**); слова и УСК, называющие лиц мужского пола, вступивших в супружество (**подроужик** (одно из значений), **новожена, безмжжнѣ мжжѣ**).

Третью подгруппу формируют наименования родственников по свойству: **дѣверь, зѣлы, невѣста, зѣть, татры, снѣха, свекры, свекрѣ, тѣсть, тѣща, шѣринѣ, сватѣ, матерьша, мачеѣ, иночимѣ, близока, близокѣ**. В эту же подгруппу входят синонимичные лексемы, характеризующие отношения между родственниками после заключения брака: **сватовѣство, сватѣство, свонѣство**.

Языковые единицы, в семантической структуре которых выделена сема 'супружество', широко представлены в славянских рукописях X – XI вв. Связанные синонимическими отношениями лексемы с компонентом 'пребывание в браке' употребляются в памятниках религиозного содержания. Так, слово **мальженьство** в значении 'брак, супружество' [СРЯ XI – XVII вв., вып. 9, 1982: 14] встречается в тексте XIII слов Григория Богослова:

**Законъ оуставляа рабомъ и владыкамъ, княземъ и повиннымъ,
мжземъ и женамъ, родителямъ ї чадомъ малъженьствоу ї хлачбѣ <...>
ѡсови и мироу** [Сл. Гр., 196 β].

Одним из значений слова **подрѡужикъ** в старославянском языке было ‘супружество’ [Slovník, т. 3, 2006: 102]. А. Преображенский возводит слово *друг* к и.-е. кореню *dhruǵh- ‘быть готовым, крепким’ [Преображенский, т. 1, 1910: 198]. Н.М. Шанский отмечает, что лексема *друг* – «общеславянского происхождения, того же корня, что и литовское drauge – ‘вместе, сообща’. Буквально ‘спутник’» [Шанский 2005: 78]. Таким образом, брак, супружество – это союз двух людей, единение, когда один супруг сопровождает другого по жизни. В сущности, об этом же свидетельствуют и слова **сжпржженикъ, сжпржжикъ** (буквально ‘в одной упряжке’).

Одно из ранних употреблений лексемы **подрѡужикъ** в значении ‘супружество’ относится к XI в. Так, в главе «**Страсть свѣтааго чистителѣ и мчченика артемиа**» из Супрасльской рукописи встречаем: **И мнѣ вѣдетъ страдати подрѡужика и вола свока** [Супр 236: 30-237: 1-2]. Духовные лица, избираемые на высочайшие церковные должности, обязаны были полностью посвятить себя Богу, отказавшись от семейной жизни. В частности, это касалось епископов и архиереев.

Лексемы **малъженьство, подрѡужикъ, приобъщеникъ, сжпржженикъ, сжпржжикъ, брачество**, связанные интегральной семой ‘супружество’, вступают друг с другом в отношения синонимии.

Интерес представляют также лексемы, именующие супругов в браке. Слово **подрѡужикъ** – яркий пример того, что жена – это, прежде всего, подруга, спутница жизни, поддерживающая мужа во всём. Так, в произведении «**Свѣтааго Івана златооустааго слово на благовѣштеникъ Богородици**» из Супрасльской рукописи находим лексему **подрѡужикъ** в значении ‘жена, супруга’ [Slovník, т. 3, 2006: 102]: **Родивъ сынъ страда подрѡужикъ** [Супр 246: 14-16]. Слово **подрѡужикъ** встречаем также в

Изборнике Святослава 1073 г.: **Блышахъ нѣкыа мирскыа лѣниво живоушта гл҃авъша къ мнѣ. како можемъ съ подроужькѣмъ живоуште и въ печальхъ соуште чрьньчьскы жити** [Изб 1073, 91.1 а: 13-20].

В Изборнике 1076 г. строго осуждается связь с замужней женщиной: **Съ моужатицею отиноудь не посѣди и не повесѣдоуи съ нею въ винѣ: еда како оуклонить сѧ дѣша твоѧ на ню и дѣхъмъ своимъ поплѣзнеши сѧ въ пагоубоу зѣлѣ** [Изб 1076, 176.2: 3-9].

Слова **мжжатага, мжжатица, вѣдовица, подроужик, приовѣщница**, называющие замужнюю женщину, выступают синонимами по отношению друг к другу.

К числу наименований женщины, состоящей в браке, в славянских памятниках X–XI вв. также относятся коннотативно окрашенные языковые единицы: **мжжелюбица, зѣла(га) жена, добра(га) жена, лоукава(га) жена**. УСК **зѣла жена** находим в Изборнике Святослава 1073 г.: **Дажь водѣ исхода ни женѣ зѣлѣ дръзновениа на сѧ. аште ходить подѣ роукоу твоюжъ отѣ плѣти своѧ отѣсѣци юж** [Изб 1073, 167.2а: 23-29]. Согласно Изборнику муж должен уметь держать злонравную жену в подчинении и быть хозяином дома. УСК **добра жена**, являющийся антонимом УСК **зѣла жена**, встречаем в Изборнике Святослава 1076 г.: **Жены добры вѣжнѣ ксть мѣжь кѧ и число дѣни кѧ соугоубо** [Изб 1076, 182.1: 8-10]. В отличие от лукавой жены благонравная несёт радость, счастье, спокойствие дому, семье.

УСК **безмжжнѣ мжжѣ**, который имеет значение ‘муж только по названию’ [СтСл 1994: 80], употребляется в произведении «**Слово свѣтааго Епифаниа архієпискоупа кѣпрьска**» из Супрасльской рукописи, где говорится об Иосифе, по существу не являвшимся мужем девицы Марии, которой была уготована роль матери Спасителя. Иосиф в большей степени проявлял отеческую заботу о ней: **Іосифъ безмжжнѣ мжжѣ маріинѣ** [Супр 451: 27-28].

Наличие в древнейших славянских текстах лексем, называющих младшую (**мьньшица**), старшую (**вѣдовица**) жену и наложниц (**веденица**, **женима(а)**), свидетельствует о том, что, несмотря на принятие христианства, многожёнство, являвшееся нормой в языческие времена, было вытеснено единобрачием не сразу. В Церковном уставе кн. Ярослава 1051–1054 гг. есть статья, касающаяся наказания за многожёнство: **Аще дъве женѣ кѣто водить, митрополитоу •м• гривень; а котораа подѣлегла, тоу по ната въ домъ церковныи, а первоу дръжати по закону; а иметь лихъ водити, казнию казнити кго** [Церк. уст. кн. Яросл. [http](http://)].

Наименования родственников по свойству начали формироваться ещё в праславянский период. Это подтверждается их этимологией. Лексемы **свекры**, **свекръ** А.К. Шапошников возводит к индоевропейскому *swekuros, которое являет собой «сложение *swe – ‘свой’ и *kru– ‘кровь’» [Шапошников, т. 2, 2010: 302]. Буквально ‘своя кровь, свои, близкие люди’, ставшие членами семьи после вступления молодых в брак. Слова **свекры** и **невѣста**, одним из значений которого является ‘сноха’ [СтСл 1994: 361], употреблены в Зографском евангелии: **53. Раздѣлатъ сѧ оцѣ на сѧа і сѧѣ на оцѣа мати на дѣштерѣ і дѣшти на матерѣ і свекръвѣ на невѣстѣхъ своѣхъ і невѣстѣхъ на свекръвѣ своѣхъ** (Лк 12: 53) Зогр 111.

Интересно происхождение лексемы **тѣсть**. О.Н. Трубочёв пишет, что «этимология славянского **тѣсть** не может считаться выясненной окончательно. Однако заслуживает внимания предположение П.А. Лавровского, который возводит слово *тесть* к греческим *τίχτω*, *τέχω* ‘рождать’, т. е. **тѣсть** = ‘родитель [жены]’» [Трубочёв 2006: 125]. Слово **тѣсть** встречается в Зографском евангелии: **13. І ведоша і <Христа> кѣ аннѣ пръвѣе вѣ во тѣсть калафѣ іже бѣ архiereи лѣтоу томоу** (Ин 18: 13) Зогр 169. В этом же памятнике находим и лексему **тѣща**: **30. Тѣшта же симонова лежааше огнемъ жегома і авне глѣша емоу о неі** (Мк 1: 30) Зогр 48.

Согласно «Историко-этимологическому словарю русского языка» лексема **дѣверь** в значении ‘мужнин брат’ [Срезневский, т. 1, 1893: 650] восходит к «и.-е. *dāiuēr, м.б., из языка сабинян или под влиянием laevus ‘левый’, с одной стороны, и vir ‘муж, супруг’ – с другой» [Черных, т. 1, 1999: 332]. На наш взгляд, подобная этимология подчёркивает некровное родство деверя в семье, связанное с установлением брачных отношений. Лексемы **снѣха** с семантикой ‘невестка, жена сына’ и **патры** в значении ‘невѣстка, жена брата’ отмечены И.И. Срезневским в «Материалах к словарю древнерусского языка» [Срезневский, т. 3, 1903: 454; 1673].

Происхождение слова **снѣха** спорно. Так, некоторые исследователи полагают, что «корень здесь тот же, что в слове **сынѣ**». В этом случае буквальное значение лексемы – ‘сыновняя жена’. Подобная этимология слова отражена в его семантике. По другой версии слово **снѣха** восходит к и.-е. корню *sneu- ‘вязать’. Тогда буквальным значением лексемы является либо ‘та, которая ткёт (вяжет)’ (что можно объяснить: в Древней Руси главным занятием замужней женщины было ткачество и вязание), либо ‘та, которая связывает (два рода)’ [Рут 2003: 370-371]. Действительно, посредством брачного союза молодая женщина входила в семью мужа, производила на свет детей, тем самым соединяя свой род и род супруга.

Лексемы **дѣверь**, **патры**, **снѣха**, **свекръ** употреблены в Церковном уставе кн. Ярослава 1051–1054 гг.: **Аще без вины свекръ вникъ сѣнохоу или дѣверь патровъ, то платати еи по закону, а митрополитоу •ѡ• гривень** [Церк. уст. кн. Яросл. [http](http://www.pravoslavie.ru)]. За ссоры, возникавшие между собственниками, согласно этому юридическому документу следовало соответствующее наказание. За греховную связь между собственниками устав предусматривал денежную выплату в пользу Церкви и суровую кару: **Аще дѣверь съ патровыѣ съблждитъ, еѣпоу •ѡ• гривень; Аще свекръ с сѣнохоу съблждитъ, митрополитоу •р• гривень, а опитемыа по закону** [Церк. уст. кн. Яросл. [http](http://www.pravoslavie.ru)]. О том, что вторые браки на Руси не были

редкостью, несмотря на церковные каноны, свидетельствуют лексемы **мачеха** (‘мачеха’), **иночимъ** (‘отчим’). Так, в Церковном уставе кн. Ярослава встречаем: **Аще и с мачехоужъ кѣто съблждитъ, митрополитоу •ѿ• гривень** [Там же].

Слово **зять** в значении ‘муж дочери или сестры’ [Срезневский, т. 1, 1893: 1016] встречается в Изборнике Святослава 1073 г.: **Ѡтавракинъ сынъ его мѣа ѿ днии ї Михаилъ зять лѣтъ ѣ мѣъ ѿ изгънанъ бы ѿ арменни мчѣа** [Изб 1073, 263.1а: 4-8].

Лексемы **дѣверь**, **свекръ**, **тѣсть**, **зять**, **сватъ** и слово **близокъ**, а также лексемы **зѣлы**, **невѣста**, **патры**, **снѣха**, **свекры**, **тѣща** и слово **близка** находятся в гиперо-гипонимических отношениях. Гипонимы – лексемы **дѣверь**, **свекръ**, **тѣсть** и **зѣлы**, **невѣста**, **патры**, **снѣха**, **свекры**, **тѣща**. Гиперонимами по отношению к ним выступают слова **близокъ** в значении ‘родственник, свойственник’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 231] и **близка** со значением ‘родственница, свойственница’ [Там же] соответственно.

Итак, ближнюю периферию вербализаторов сектора «Родство по свойству» в славянских рукописях X – XI вв. формируют две группы языковых единиц, связанных синонимическими (14 рядов ед.), гиперо-гипонимическими (1 ряд ед.) и антонимическими (1 ряд ед.) отношениями. Среди репрезентантов данной части ЛФП было отмечено 2 полисеманта, один из которых реализует оба своих значения в пределах ближней периферии сектора (**подрѣжикъ**), другой входит в число вербализаторов ЛФП лишь в одном из своих значений (**бракъ**).

Существование группы лексем и УСК, объединённых семой ‘супружество’ доказывает, что с принятием христианства в средневековой Руси постепенно укрепляется моногамный брак, осознаётся его святость и нерушимость.

Наличие в славянских текстах X – XI вв. наименований родственников по свойству (20 слов в 98 употреблении) подтверждает установление основанных вследствие заключения брачного союза родственных связей между людьми. Брачно-семейные отношения нашли отражение в юридических нормах, которые начинают складываться с распространением христианства. Этимология и семантика многих единиц (10 ед.), а также количество слов и УСК (10 ед.) первой группы вербализаторов сектора «Родство по свойству» подтверждают активное участие мужчины в свадебной церемонии.

Семантическая структура лексем **веденица**, **мжжатица**, **подрѹжикъ**, **приовьщница**; **подрѹжикъ**, **новожена** и др. подчёркивает положение супругов в браке и их роль в семейной жизни. Одной из отличительных черт взаимоотношений супругов в Древней Руси являлась зависимость женщины от мужчины, обусловленная его физическим превосходством, игравшим решающую роль в распределении статусов в средневековом славянском обществе.

3.3. Трансформация зоны ближней периферии сектора «Родство по свойству» в древнерусских памятниках XII – XIV вв.

Зону вербализаторов ближней периферии сектора «Родство по свойству» в древнерусских текстах XII – XIV вв. организуют 126 лексем и 84 УСК в 1308 и 515 употреблениях соответственно. Как и в древнейших славянских рукописях, этот сектор в древнерусских памятниках XII – XIV вв. образуют **две группы** слов и УСК, отражающих процедуру оформления брачных отношений и особенности пребывания в браке.

Первая группа включает 58 лексем и 72 УСК в 643 и 459 употреблениях соответственно. Она обогатилась 17 лексемами и 49 УСК. В данной группе единиц, объединённых комплексной семой ‘вступление в брак’, как и в славянских рукописях X – XI вв., можно выделить *четыре подгруппы*.

Первую подгруппу вербализаторов, характеризующих брачную церемонию, обогатили четыре лексемы и один УСК: **жененикъ, женитвики, бракосъвътъкоупленьк, бракъ овыщениа, посаганик**. Появившаяся в древнерусских рукописях лексема **бракосъвътъкоупленьк** с семантикой ‘вступление в брачные отношения’ [СДЯ XI – XIV вв., т.1, 1988: 303] используется в Пандектах Никона Черногорца XIV в.: **Бракосовокоупленье чѣсноє чѣстмѣ и Бѣатьство съ правдою и бѣготвореньемъ же к нищимъ не оуничижаемъ** [ПНЧ, 101г].

УСК **бракъ овыщениа** в значении ‘брак, свадьба’ представлен в Рязанской кормчей 1284 г.: **Иномоу оброученоу женоу. еще оброучивъшюуемоу живоу соущю. на бракъ овыщениа приведын любодѣинымъ да запрѣщенъ боудеть прѣгрѣшеникмъ** [Ряз. крм., 239 в]. Если жених был обручён ранее и уже имел невесту, то, согласно кормчей, он не мог вступить в новый брак.

В памятниках древнерусской письменности XII – XIV вв. также активно функционировали входящие в *первую подгруппу* языковые единицы, отмеченные ранее в славянских текстах X – XI вв. В древнерусских текстах часто употребляется лексема **бракъ**. Так, в Ефремовской кормчей читаем: **Аще кага жена оставляеть мужа. гнющающиса брака. да боудеть проклѣта** [Ефр. крм., 88 б]. Как свидетельствуют древнерусские источники XII – XIV вв., для женщины вступление в брак было обязательным. Только в супружеской жизни она могла реализовать себя как жена и как мать. Избегая брака, женщина подвергалась суровому церковному наказанию. В том же памятнике отмечено: **Именоуютъ же таковок. не бракъ мѣногыа женитвы. паче кже боудѣтъ** [Ефр. крм., 181 а]. Церковь не одобряла заключения нескольких браков одним человеком. Эта мысль прослеживается и в Устюжской кормчей: **Бывающе беспрѣдържащии брати любовдѣланиа соутъ** [Уст. крм.: 41.2 л.: 8-9]. Неоднократное вступление в брак считалось прелюбодеянием и осуждалось Церковью. О том, что вторые браки не приветствовались, указано и в Пчеле: **Вторыи бракъ начало бываеть рати и крамолѣ** [Пчела [http](http://)].

Я.Н. Щапов пишет: «Согласно существовавшим на Руси после принятия христианства правовым нормам, можно было заключать не более двух браков. Даже смерть одного из супругов во втором браке не давала права оставшемуся в живых вступить в третий брак. Церковнослужителю, благословившему такой союз даже по неведению, грозило лишение сана» [Щапов 1970: [http](http://)]. Тем не менее, светский закон, в отличие от церковного, допускал возможность вступления в брак несколько раз. Это указано в Рязанской кормчей 1284 г.: **Градъскыи оубо законъ третии бракъ прикметъ** [Ряз. крм., 184 в]. О том, что брак у восточных славян предполагал, прежде всего, духовный союз супругов, основанный на взаимопонимании и поддержке, свидетельствуют материалы этого же

памятника: **Бракъ не тѣмъ съставляеться. еже спати мужевн съ женою. но брачьнымъ съвѣщаньемъ ихъ** [Ряз. крм., 278 а].

В древнерусских текстах XII – XIV вв. лексема **бракъ** употребляется и в значении ‘пир (первоначально брачный)’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 303]. Так, в Ефремовской кормчей есть положение, касающееся правил поведения служителей церкви на праздничном пиру: **При бракѣ: ꙗгда оубо на прѣльсть вѣнидетъ играник да вѣстанеть (клирикъ) абиѣ да ѿидеть** [Ефр. крм., 24 а].

К XIII в. лексема **бракъ** приобретает ещё одно новое значение – ‘половая связь’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 303]. В Рязанской кормчей говорится о том, что женщина, вступившая в интимные отношения с двумя братьями, живёт в браке кровосмесительном, за что должна быть отлучена от церкви: **Иже съ двѣма братома брак(о)мъ смѣсивъшисѧ все врѣмѧ живота своѧго ізриновена бѹдетъ изъ црѣве** [Ряз. крм., 66 в].

Таким образом, лексема **бракъ** в древнерусских текстах XII – XIV вв. встречается и в тех значениях, которые сложились у неё к XI в. (‘брак, брачные отношения мужа и жены’, ‘пир’), и в новом значении, развившемся к XIII в. (‘половая связь’). В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмер отмечает, что «лингвист Гуйер пытается реконструировать у слова *брак* древнее значение ‘умыкание’, связывая слово *брак* с латинским *fero* и с греческим *φέρω*» [Фасмер, т. 1, 1996: 206]. Речь идёт о старинном обряде умыкания, похищения невесты женихом. Это находит своё подтверждение в тексте Ипатьевской летописи: **А дєревляни живѡхѡу звѣрьскимъ образомъ, живѡуще скотъскы: и оубивахѡу дроугъ дроуга, ꙗдоуще все нечѣсто, и браченѡа в нихъ не быша, но оумыкахѡу оу воды дѣца** [Ипат. лет., 6974 [http](http://)]. Летописец здесь противопоставляет христианский брак языческому обряду похищения невесты женихом. Однако, как отмечает Ф.И. Буслаев, языческий обычай водить невест к воде сохранялся и после принятия на Руси христианства [Буслаев 1848: 135-136].

Продолжающую употребляться в древнерусских текстах лексему **свадьба** находим в Устюжской кормчей: **Приложинисѧ двѣи дѣюу а не въ волю родившимъ ю. послѣди же си ма очющѣма аще възлюбить поатию. и възсхощѣта родителя ки. да бывакъть свадьба** [Уст. крм., 52.2 л.: 10-14]. Судя по тексту, устроителями церемонии бракосочетания в Древней Руси являлись, как правило, родители.

Лексема **посагъ**, как отмечает О.Н. Трубочёв, «обычно сравнивается с греческим ἡγεῖσθαι (*sāg- – ‘вести, предводительствовать’)» [Трубочёв 2006: 144]. А.В. Гура справедливо замечает: «Жених олицетворяет активную, доминирующую сторону обряда, от которой исходит инициатива брака» [Гура 2012: 105].

В значении ‘брак, свадьба’ единицы **бракъ**, **овъщення**, **посаганик**, **бракъ**, **сватъба**, **посагъ** вступают друг с другом в синонимические отношения.

У древних русичей брачный сговор также включал в себя церемонию обручения. Исследователь А.В. Гура пишет: «Обручение, или помолвка, – завершающая церемония свадебного сговора в доме невесты. Она <...> выполняет роль предварительного бракосочетания и кладёт начало новым семейно-родственным отношениям жениха и невесты» [Гура 2012: 406].

Вторая подгруппа единиц, отражающих особенности заключения брака, пополнилась одной лексемой и 20 УСК: УСК, характеризующими саму процедуру вступления в брак (**брачноу**, **вънъчаник**, **законнага женитва**, **чъстънага женитва**, **законнын бракъ**, **безаконнага женитва**, **безаконнын бракъ**, **законопрѣстѣпнын бракъ**, **тайнын бракъ**); предметными УСК, характеризующими процедуру брачного сговора (**брачнага вѣсѣда**, **вънѣшьнеу вѣно**, **брачныи даръ**, **прѣжебрачныи даръ**, **брачныи залогъ**, **залогъ овржченъа**); процессуальными УСК, отражающими действия лиц при оформлении свадебного сговора (**въновати**, **вънити вѣнъмъ**). В Рязанской кормчей 1284 г. используются УСК

вѣнѣшьнѣк вѣно и **прѣжебрачныи даръ** в значении ‘брачная плата, приданое’ [СДЯ XI – XIV, т. 2, 1989: 294]: **Жена браку съставляшисѧ въ нищѣтѣ сущу мѹжеви. лежащаго оу неѧ имѣныѧ мѹжна за прѣжебрачныи даръ и за вѣно и за вѣнѣшнѣе вѣно вземши и держащи не можетъ сего продати** [Ряз. крм., 279в]. Женщина, вышедшая замуж за бедного человека, не имела права с юридической точки зрения продать ни ту часть имущества, которую муж отдал за неё в залог, ни то приданое, которое за неё отдали родители в процессе свадебного стовора. Кроме того, она не могла выставить на продажу дары, преподнесённые родственниками на свадьбе.

В древнерусских памятниках XII – XIV вв. также появляется УСК **вѣнити вѣнѣмь** в значении ‘взять в жёны, заплатив **вѣно**’ [СДЯ XI – XIV, т. 2, 1989: 294]. Он встречается в Рязанской кормчей 1284 г.: **Аще прѣльститъ кто дѣцю нешвѣрѹченоу. и спитъ с нею. вѣномь да вѣнить ю собѣ жену** [Ряз. крм., 260в]. Кормчая предусматривала: в случае, если мужчина соблазнит молодую незамужнюю девушку, он обязан был жениться на ней, заплатив за невесту выкуп.

УСК **залогъ обрѣченѧ**, имеющий значение ‘подарок при обручении’ [СДЯ XI – XIV, т. 3, 1990: 322-323], представлен в тексте Рязанской кормчей 1284 г. В данном документе особо выделено положение, касающееся брачного залога при совершении обручения: **Грань ѿ залоуѣ(х) швѣрѹчѣнѧ. залози швѣроу(ч)ныѧ естъство им(ѣ)ють. таково да аще оубо примыи залогъ. ш(т)речѣтсѧ бракъ творити еже взѧтъ соугоубъ да отдасть** [Ряз. крм., 275в]. Если жених или невеста отказывались вступать в брак, то, согласно закону, их предбрачные дары в двойном размере возвращались пострадавшей стороне. Пострадавшая же сторона ничего не должна была виновной.

УСК **брачныи даръ** со значением ‘брачная плата, приданое’ [СДЯ XI – XIV, т. 2, 1989: 432] используется в Устюжской кормчей: **Обѣма же**

мнишьскоѣ житиѣ избравъшема. повелѣваѣмъ праздынымъ даровнымъ свѣщаникмъ моужевн предържати брачныа дары. а женѣ своѣ вѣсприяти дары [Уст. крм.; 82.2 л.: 9-15]. Если принять монашеский постриг решали оба супруга, то каждый из них обязан был забрать брачные дары, преподнесённые ими друг другу в процессе обручения.

УСК брачнаа бесѣда в значении ‘соглашение о браке, сговор’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 156] представлен в Пандектах Никона Черногорца: **Ѧ третъемъ брацѣ реченоѣ. и иже оубо преже реченыхъ оуставъ преовидѣвъ. на брачною бесѣдоу первок и дружокъ приидеть** [ПНЧ, 2076]. При неоднократном оформлении брачных отношений у восточных славян обязательно соблюдались все свадебные обряды, включая и помолвку.

Древнерусские памятники свидетельствуют о том, что религиозные обряды сопровождали древнего русича с момента рождения и до самой смерти. Это касалось и вступления в брак. М.Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что «православная церковь признавала брак не договором, а таинством и единственной формой совершения его – церковное венчание» [Владимирский-Буданов 2005: 500]. В Новгородской кормчей 1280 г. находим слово **вѣнчаник** с семантикой ‘венчание, свадебный церковный обряд’ [СДЯ XI – XIV, т. 2, 1989: 296]: **Не вывають на простыхъ людѣ(х) блг(с)вленик вѣнчаниа. но боярѣ токмо и князи вѣнчаютъ сѧ** [Новг. крм., 517а-б]. Изначально на Руси, согласно церковному канону, венчаться могли лишь те, кто принадлежал к высшим слоям общества. В книге «Социология брака и семьи» сообщается, что постепенно «христианская Церковь усвоила взгляд на брак как на таинство, к чинопоследованию которого сначала допускались только свободные граждане. Лишь в XIII – XIV вв. таинство брака стало доступным также и для лиц, которые находились в рабском состоянии. Таким образом, оно приобрело общецерковное распространение» [Бурова 2010: 396-397].

В Устюжской кормчей встречается УСК законнаго женитва, под которым понимается ‘брак, освящённый церковью’: **Видѣсте ли кретици ст҃го д҃ха рѣчь сию г҃ща. ꙗко законнаго женитва чѣа кѣтъ и бѣмъ възаконена и пища и питие въ мѣроу не ѡсоудитъ члвѣка** [Уст. крм. 142.2 л.: 3-6]. В том же памятнике находим УСК брачнокъ извѣщеник – ‘название особого документа, который выдавался в церкви при венчании’: **Щю во живющии вѣдцѣ не безъ вины соутъ съвѣкоупляющисѧ кгда състроитъ г҃ѣокъ соужитиѣ тѣгда приѣмлетъ брачнокъ извѣщеник** [Уст. крм. 41.2 л.: 10-14].

Н.И. Болоховский замечает: «Союз мужчины и женщины имеет своё основание в Божественном плане миротворения – в создании первой человеческой пары, от которой произошла вся человеческая семья» [Болоховский 2012: 316]. В Устюжской кормчей раскрываются понятия УСК безаконныи бракъ и законопрѣстѣпныи бракъ. Брак считался незаконным, не освящённым церковью, если жених и невеста являлись родственниками. В этом случае, чтобы не брать на себя грех, священник не венчал новобрачных: **Вѣпросъ: Аще кто зоветъ попа на вѣнчаникъ брачнокъ. оуслышитъ же бракъ законѣпрестоупнѣ блѣудомѣшеникъ сирѣчь сестроу оумьрша. а жены хотѣтъ поати. кѣтъ ли лѣпо. попови ити или несть ли приношеникъ створити. Ѡвѣтъ: Аще оуслышитъ попъ безаконенъ бракъ и рѣтъ ꙗвѣ предъ всѣми. безаконнѣ кѣтъ бракъ. не подобакъ ꙗмоу причащатисѧ чюжемъ грѣсѣ** [Уст. крм. 118.2 л.: 27 – 119.1 л.: 1-9].

УСК законнаго женитва, чѣстьнаго женитва, законныи бракъ, именующие союз, одобренный Церковью, вступают в отношения синонимии. УСК безаконнаго женитва, безаконныи бракъ, законопрѣстѣпныи бракъ, характеризующие брак, не освящённый Церковью, также образуют синонимический ряд. Между собой оба этих синонимических ряда находятся в антонимических отношениях.

В памятниках XII – XIV вв. также часто встречаются выделенные ранее в славянских рукописях X – XI вв. единицы, характеризующие процедуру заключения брака у славян. Это касается и лексемы **обрѣченик** ‘брачное соглашение, помолвка, обручение’ [СРЯ XI – XVII, вып. 12, 1987: 162]. Так, в Устюжской кормчей читаем: **Оброуѣнению же межю нѣкыхъ по закону бывшю или оброуѣеникъ въ манастирь вънидетъ. да въсприниметь таже о оброуѣчении. оброуѣенага именемъ подага. или оброуѣеница мнишьское избереть житиѣ тако же та творить. ѿданию кожиждо части пода кмоу** [Уст. крм. л. 82.1: 10-17].

«Историко-этимологический словарь русского языка» отмечает, что слово **обрѣченик** считается производным от лексемы **обрѣчь**, имевшей в старославянском языке значение ‘кольцо’ [Черных, т. 1, 1999: 588-589]. Действительно, при совершении обручения, жених и невеста обменивались кольцами, скрепляя свой союз, что подтверждается материалами Рязанской кормчей 1284 г., в которых описан сам обряд обручения: **Тогда шброуѣеникъ первокъ съ соущныхъ мѣтвъ твореникъ свершати. съ шбычными кмоу строкини. рекше съ залогомъ. кже ксть мѣна перьстене. и съ любьзнымъ шброуѣеникома лобзаникъмъ** [Ряз. крм., 243 г].

Как свидетельствуют юридические документы Древней Руси, особое место в процедуре брачного сговора занимали имущественные отношения между будущими супругами и их родителями. Прежде всего, речь шла о приданом и предсвадебных подарках, которые делали молодые друг другу. Более того, сама процедура обручения считалась действительной, если и со стороны жениха, и со стороны невесты преподносились дары: **Шброуѣении дары дати хотащимъ(ъ) и раздрѣшити оброуѣеникъ** [Ряз. крм., 244 г]. В этом фрагменте текста слово **обрѣченик** представлено в новом значении ‘залог, даваемый при обручении’ [СДЯ XI – XIV, т. 5, 2002: 537].

Таким образом, лексема **обрѣченик** к XII в. приобрела новое значение (‘залог, даваемый при обручении’), но в то же время она продолжает

использоваться в древнерусских памятниках в значении ‘брачное соглашение, помолвка’.

Обряд обручения завершался договорённостью со стороны родителей молодых о выкупе за невесту, о размере приданого. Лексема **вѣно** в значении ‘плата, выкуп за невесту; подарок жениха невесте’ [СДЯ XI – XIV, т. 2, 1989: 294] продолжает употребляться в древнерусских текстах. Так, в Рязанской кормчей 1284 г. встречаем: **Аще мѹ(ж) приѣмъ вѣно въсхоще(т) кже по обычаю вѣно створити своен обрѹчнице хотѹщи за нь поити аще оубо даѣтъ еи іменькѹ всобно і потомъ приѣмѣтъ к ѡ(т) неѣ въ вѣнѣ і даръ свершенъ ксть** [Ряз. крм., 276г].

В значении ‘приданое (родителей невесте)’ [СДЯ XI – XIV, т. 2, 1989: 294] слово **вѣно** также употреблено в Рязанской кормчей 1284 г.: **Да поноудѣ(т) родителѹ ѡ(т)дати ѣ за мѹ(ж) і вѣно дати за нь по силѣ имѣнья ихъ** [Ряз. крм., 278в-г].

Слово **вѣно** восходит к «общеслав. *vĕno, возникшему из и.-е. основы *uēd(h)-по-т, и означает ‘приданое’ [Черных, т. 1, 1999: 146]. Этимология слова находит подтверждение в его семантике.

Третья подгруппа единиц, представленных наименованиями участников брачной церемонии, обогатилась в XII – XIV вв. 9 лексемами и тремя УСК, именующими жениха (**обрѣчѣникъ / обрѣченикъ**), невесту (**порѣчѣница, за мѣжъ наречѣнаѣ, обрѣчѣнаѣ, обрѣчѣница / обрѣченица, наречѣнаѣ жена, посагающѣѣ**), обоих лиц, вступающих в брак (**сѣвѣкоуплющие сѣ, сѣчетаваѹщие сѣ на бракъ, малѣжена**), а также участников брачной церемонии (**вѣнчатель**).

Так, УСК **за мѣжъ наречѣнаѣ** в значении ‘будущая жена, невеста’ употребляется в Устюжской кормчей: **Приложисѣ въздѣваѹщисѣ преже времеѣ кѣ лѣтъ. да продактѣсѣ сѣ всѣмъ имѣнникѣмъ своимъ. и ѡдактѣсѣ двѣи по црѣвѣномуѹ же законоѹ ноужю створивѣи наречѣнѣи замоужъ вси соѹтъ повиньнии постоѹ 3 лѣтъ** [Уст. крм., л. 58.1: 1-7];

приложисѧ двѣи нарѣченѣи замоужь аще и въ волю двѣи залѣзлѣ
боудеть носѣ да оуѣжетсѧ кмоу [Там же, л. 58.1: 9-11].

Слово сѣвѣкоупляюще сѧ, называющее жениха и невесту, обнаружено в Рязанской кормчей 1284 г.: Аще не мѣтвы сѣвѣкоупляющихсѧ рекше жениха и невѣстоу въ любовь свѣжють зло да боудеть [Ряз. крм., 240а]. Одним из значений лексемы невѣста составители «Словаря древнерусского языка (XI – XIV вв.)» считают ‘будущая жена’ [СДЯ XI – XIV, т. 5, 2002: 246]. Слово женихъ в этом словаре имеет лишь одно значение ‘жених’ [СДЯ XI – XIV, т. 3, 1990: 247].

В Новгородской кормчей 1280 г. встречается лексема малѣжена, приобретшая в древнерусском языке этого периода новое значение ‘жених и невеста’ [СДЯ XI – XIV, т. 4, 1991: 498]: А по законуу понмающасѧ малѣжена да сѧ годить и прѣчащавшисѧ има. имѣти има сѣвѣкоупление тои ноци нѣ(с) взбраньно [Новг. крм., 528г].

Вместе с тем, в древнерусских памятниках XII – XIV вв. продолжают употребляться отмеченные ещё в славянских текстах X – XI вв. единицы, называющие участников брачной церемонии. Центральными персонажами на свадьбе, безусловно, являлись жених и невеста, которые создавали новую супружескую пару. Заслуживающая внимания этимология лексемы женихъ представлена в книге Ф.И. Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык». Он полагает, что слово женихъ родственно слову жена, в свою очередь происходящего от скр. *джан* – ‘рождать’. Лексеме женихъ соответствует скр. *джанака* – ‘родитель’ [Буслаев 1848: 132]. Таким образом, по Буслаеву, женихъ буквально означает ‘рождающий потомство’.

Лексемой порѣченѧ в древнерусских текстах называли невесту. Порѣченѧ – ‘порученная, отданная в руки жениху’. О том, что невесту ‘отдавали жениху (в руки), поручали ему’, свидетельствует и лексема порѣчникъ, называющая жениха: «Слово *поручить* возникло на базе выражения *дати на руку* – ‘отдать, поручить’» [Шанский 2005: 248].

Вызывает особый интерес этимология слова **невѣста**. О.Н. Трубачёв отмечает: «Наиболее убедительной кажется точка зрения, согласно которой *nevěsta* = ‘неизвестная’ (префиксальное образование от **věsta* = ‘известная’). Это связано с древним обрядом молчания по отношению к невесте в первые дни после вступления её в дом жениха, мужа, обычай обращаться с ней, как с незнакомым человеком» [Трубачёв 2006: 93-94]. При этом совершенно неважно, знали её домочадцы мужа или нет. В доме жениха невесту не называли по имени, что связано «со стремлением скрыть от злых духов переход девушки в другой дом, чтобы они не смогли помешать удачному началу супружеской жизни» [Там же].

Лексемы **женихъ** и **невѣста** продолжают активно функционировать в древнерусских памятниках, и чаще в своих прямых значениях. Так, данные лексемы встречаются в Ефремовской кормчей: **Болѣ же оубо нѣкъде лютѣк неѣстѣ прѣлюбодѣици быти и къ съмѣшению жениха беществовавѣшу сластьмъ нечистымъ себѣ прѣдати** [Ефр. крм., 187а]. Судя по материалам памятника, считалось большим прегрешением, если невеста уличена в прелюбодеянии или если она готова пойти под венец с женихом, отличающимся развратным поведением.

Лексему **затъ**, именующую жениха, и слово **невѣста** находим в тексте Повести временных лет: **Полане <...> брачныи обычаи имаху: не хожаше затъ по неѣстѣ, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по неи что вѣдѣче** [ПВЛ [http](http://)]. Здесь речь идёт об одной из форм заключения брака, сосуществовавшей в раннефеодальной Руси наряду с умыканием невесты, – “брак-приведение” с элементами договора.

Образующие два синонимических ряда лексемы и УСК (**женихъ**, **затъ**, **поржъникъ**, **обржъникъ** / **обрженикъ** и **невѣста**, **поржъница**, **поржчѣнаѣ**, **за мжжъ нарѣчѣнаѣ**, **обржчѣнаѣ**, **обржъница** / **обржчѣница**, **нарѣчѣнаѣ жена**, **посагающѣѣ**) находятся в гиперо-гипонимических отношениях с единицами **съѣѣкоупляюще сѣ**, **съѣѣтаѣѣюще сѣ** на

бракъ, малъжена, называющими обоих лиц, вступающих в супружеские отношения.

Н.Л. Пушкарёва пишет, что подобная форма оформления брачного союза «свидетельствует уже о частичной утрате женщинами права на проявление свободной воли при выборе супруга и преимущественной роли в этом деле родственников или родителей невесты» [Пушкарёва 1989: 71]. Эту мысль подтверждают и выявленные в древнерусских памятниках XII – XIV вв. лексемы и УСК из *четвёртой подгруппы* вербализаторов, называющие действия третьих лиц, чаще всего родителей, при оформлении брака. Данная подгруппа обогатилась 9 УСК, называющими действия мужчины при вступлении в брак (**поимѣти женѣ, водити женѣ, сжпржгж водити, поимати подроужик, пояти обржченоую, съчетати женѣ, пояти на бракъ, поимати на бракъ, привести на бракъ**); четырьмя УСК, называющими действия женщины при заключении брака (**съчетати сѧ съ мжжемъ, съвъкоупити сѧ съ мжжемъ, мжжа ввести / привести, приовщити сѧ мжжоу**); двумя лексемами и четырьмя УСК, называющими действия обоих лиц при вступлении в брак (**вѣнчати сѧ, поженити сѧ, оженити сѧ въ законъ, сочетати сѧ бракомъ / бракоу, брачьным законъ приняти, брачьнымъ закономъ причетати сѧ**); одной лексемой и 7 УСК, называющими действия третьих лиц при оформлении брака (**отъдати за мжжъ, дати за мжжъ, отъдати мжжоу, за мжжъ нареши, сочетати бракомъ, съвъкоуплати на бракъ, вѣнчати, отъдати въ жены**); одним УСК, в структуре значения которого присутствует комплексная сема ‘устройство брака’ (**бракъ съводити**).

В тексте Пчелы встречаем УСК **водити женѣ** в значении ‘иметь жену, жениться’ [СДЯ XI – XIV, т. 3, 1990: 245]: **Иже водитьъ женѣ лоукавѣ да вѣсть, яко плодъ безаконіи своихъ пожалъ кѣтъ** [Пчела [http](http://...)].

В Рязанской кормчей 1284 г. находим продолжающую встречаться в древнерусских текстах лексему **обржчити** в значении ‘обручить, обещать

отдать в жёны' [СДЯ XI – XIV, т. 5, 2002: 538]. При этом, как свидетельствует кормчая, если родители решат отдать дочь замуж за человека, её растлившего, то они должны понести заслуженное наказание: **Аще вѣхнѣнаѧ дѣца възсхощеть. аще же и родителя ꙗко хотя възсхитившему ю овручити на бракъ. но аще съвѣщаются родители ꙗко. таковыѧ створити. изгнани боуд(д)тъ в заточениѧ** [Ряз. крм., 62 б].

В древнерусских памятниках XII – XIV вв. также продолжают функционировать выделенные ранее из славянских текстов X – XI вв. языковые единицы, называющие действия мужчины при вступлении в брак. В Устюжской кормчей находим УСК **поати / поимати на бракъ** в значении 'жениться'. Согласно этому документу брак между людьми, имеющими кровнородственные связи, незаконен. Брачный союз допустим лишь в случае, если жених и невеста являются дальними родственниками или же родственниками в четвёртом поколении: **И межю же ѿ страны лицъ. кство нѣкоѧ. възбранениѧ брата мого. или сестры могоѧ дѣщеръ поати на бракъ незаконно. Нъ ни тѣхъ вноучатє. аще ли и четвъртаго боудеть степене. ѿ него же степене могоуть поимати на бракъ. тако же и дѣщеръ стрѣѧ или тѣтѣкы. сирѣчь брата свого. нъ ни сѣтъ мои вноукъ ихъ. иже глѣтъ ѿ овою братоу** [Уст. крм. 75.1 л.: 25-30 – 75.2 л.: 1-9]. В этом же тексте употребляется лексема **посагнѣти** в значении 'выйти замуж': **Аще же примѣши сщѣник и лѣто пребывѣши ꙗдино въ слоужьбѣ. и посагнѣтъ за моужь. ѿвѣргѣши ѧ блѣди бѣѧ да боудеть проклѣта съ моужемъ ꙗко** [Уст. крм. 25.1 л.: 5-9]. Если принявшая постриг монахиня решалась выйти замуж, согласно церковному канону, она вместе с супругом предавалась анафеме.

В одном из положений Рязанской кормчей 1284 г. определён возраст – 13 лет, когда девушкам позволялось выходить замуж: **Женѣскомоу же полоу •ѣи• лѣтъ посагноути за мжжъ** [Ряз. крм., 241г]. Историк Я.Н. Щапов

отмечает, что у славян «брачным возрастом для мужчин считались 15 лет, для женщин меньше: 13-14 лет» [Щапов 1970: [http](#)].

В Устюжской кормчей используется УСК **за мжжъ ити**. Согласно кормчей, когда женщина, у которой без вести пропал муж, выходила замуж за другого, не удостоверившись в смерти первого супруга, то она, тем самым, совершала грех прелюбодеяния: **Аще шьдѣшю моужни без вѣсти бывѣшю прежде оуслышати ѡ смрѣти єго за иного <мжжа> шьдѣшиа прелюбы створи** [Уст. крм. 120.2 л.: 19-21].

Вторая группа вербализаторов зоны ближней периферии сектора «Родство по свойству» в древнерусских текстах XII – XIV вв. образована 70 лексемами и 12 УСК в 665 и 56 употреблениях соответственно. В данной группе единиц, объединённых семьей ‘супружество’, как и в славянских памятниках X – XI вв., в древнерусских рукописях XII – XIV вв. можно выделить *три подгруппы*. По сравнению с вербализаторами аналогичной части ЛФП «Семья» в славянских текстах X – XI вв. они обогатились 32 лексемами и 5 УСК. Так, *первая подгруппа* (комплексная сема ‘пребывание в браке’), пополнилась 6 единицами предметного характера, отражающими положение супругов (**сжжитиѣ, мѣногоженитвиѣ, мѣногожененыѣ, мѣногогѣ жены, трѣженитвиѣ, трѣбрачиѣ**) и одним процессуальным УСК, характеризующим состояние женщины, вступившей в брак (**быти за мжжѣмъ**). Появление в восточнославянских памятниках этих единиц не было случайным. Супружество накладывало на древних русичей определённые ограничения в плане имущественных отношений. Так, в Русской Правде есть статья, которая предписывает распределение наследства от отца между дочерьми в зависимости от их семейного положения: **Аже боудутъ дѣчери оу него <отца> дома то дати часть на нѣ. аже боудутъ за мжжѣмъ то не дати имъ части** [РП [http](#)].

УСК **мѣногогѣ жены** в значении ‘многожёнство’ [СДЯ XI – XIV, т. 3, 1990: 245] и лексема **дѣвобрачныи** с семантикой ‘человек, состоящий в

двух браках' [СДЯ XI – XIV, т. 3, 1990: 112] свидетельствуют о сохранении на Руси вплоть до XII в. остатков язычества, для которого многожёнство являлось нормой. Однако и церковные, и светские власти старались бороться с многожёнством. В Ефремовской кормчей ему дана жёсткая оценка: Мъногыя жены оѣи наша отъвъргоша тако скотьскыя и отиноудь чюже рода челоувѣчскааго [Ефр. крм., 197а].

Активное употребление в памятниках XII – XIV вв. синонимичных лексем тръженитвик, тръбрачик и мъногоженитвик, мъногожененьк, мъногобрачик указывает на то, что в Древней Руси ещё практиковалось вступление в брак по несколько раз, несмотря на запреты Церкви. Хотя светские традиции в исключительных случаях допускали возможность вступления мужчины даже в третий брак, всё же в большинстве случаев перечисленные выше вербализаторы чаще всего погружены в контексты “запретительного”, осуждающего характера: Тръбрачию закона нѣсть тѣмъ же закономъ бракъ третии не съводитъ сѧ. таковаа оубо wskврнення сѣхъ црѣвъ видимъ. людскимъ же соудомъ не предакмъ тако не въстаженаго любодѣяния не раднѣк соуще [Уст. крм.: 42.1 л.: 6-13]; многобрачина премѣлчаша тако скотьско не достойно бо ксть члѣкомъ кръстѣяномъ [Уст. крм.: 42.1 л.: 14-16]; многожененья же ѿци оумолъчаша ꙗ(к) скотиньско отиноудь родоу члѣч(с)коу. намъ (ж) предѣстонтъ боле блоченья быти грѣ(х). и по правдѣ та(к)вы(х) вложити канонъ [ПНЧ XIV,207а].

Вторая подгруппа языковых единиц, именующих находящихся в браке лиц, пополнилась 15 лексемами и тремя УСК, называющими супругов (дѣвоженъ, дѣвоженикъ, дѣвоженитвынъ, дѣвожененьнъ, дѣвоженецъ, дѣвожженьць, тръженитвынъ, мъногоженитвынъ, мъногоженящии сѧ, мъногоженецъ, водимаа, женъка / жонъка, ѣдинемжжица, мжжеложьнаа, подроужикъ законноу, подроуга, законнаа жена, законъ(о)мъ съчетанаа жена).

В древнерусских памятниках XII – XIV вв. можно также найти ряд синонимичных лексем, имеющих значение ‘тот, кто дважды женат; женившийся во второй раз’ [СДЯ XI – XIV, т. 3, 1990: 112] или ‘тот, кто женился трижды или более раз’: **дѣвоженъ**, **дѣвоженикъ**, **дѣвожениत्वънъ**, **дѣвоженънъ**, **дѣвоженъць**, **дѣвожениць**, **трѣжениत्वънъ**, **многожениत्वънъ**, **многоженищии сѧ**, **многоженъць**. Данные обозначения подтверждают тот факт, что большинство мужчин в Древней Руси после развода не оставались одинокими. Часто они вступали в брак несколько раз, создавали новые семьи. Церковь же не могла с этим мириться: **О трѣженитв(н)ыихъ и многоженитвъныихъ. тыи же заповѣдаша канонъ иже и на дѣвоженъца по кдиномуу словоу. лѣто оубо дѣвоженъца. друзѣи же и дѣвѣ лѣтѣ. трѣженъца же трѣми и чѣтырми лѣты многашѣды отълоучають** [Ефр. крм., 181а].

Обогатившие данную подгруппу единицы **водимага**, **женъка** / **жонъка**, **подрѣжикъ** **законьнокъ**, **подрѣга**, **законьнага жена**, **законъ(о)мь съчетанага жена** в значении ‘жена, супруга’ вступают друг с другом в синонимические отношения.

Слово **водимага** в значении ‘жена, супруга’ [Срезневский, т. 1, 1893: 277] встречается в Повести временных лет: **Бѣ же Володимеръ повѣженъ похотью женскою и быша ему водимыя Рогънѣды юже посади на Лыведи** [ПВЛ [http](http://...)]. УСК **подрѣжикъ законьнокъ** употребляется в Устюжской кормчей: **Аще кѣи попъ ли дѣаконъ ли всѧкъ причѣтъникъ ѿцнниа подрѣжѣиа законьнаго <...> гноушають сѧ не вѣдѣи ꙗко все добро зѣло <...> ли да исправить сѧ ли да извержеть сѧ црѣве и да ѿлоучить сѧ такоже и простѣлюдинъ** [Уст. крм.: 27.2 л.: 18-27]. По церковным канонам, брак был установлен Богом, когда Он сотворил первого человека и дал ему в помощь жену, благословив их союз. Поэтому тех мужчин, кто избегал брачных отношений, оскопляя себя, Церковь осуждала, как осуждала и насильственные оскопления мальчиков, которые

предназначались для услужения при жёнах правителей. Неслучайно в Пандектах Никона Черногорца, относящихся к XIV в., находим слово **мѣжеложныѣ** в значении ‘живущие с мужьями’ [СДЯ XI – XIV, т. 5, 2002: 37], которое соседствует со словом **скопци**: **И соуть скопци оубо ѿ члвкъ <...> хотѣще бо нѣци поганы(х) ц(с)рь ли кнѣзь ревности ради къ своимъ женамъ і еѣ не възрастѣша младѣи ѿтрокы скапляютъ к мужеложнымъ вѣровати женамъ. и тако в мироу бы(с) о семъ вина** [ПНЧ,153г].

Наряду с вновь появившимися в подгруппе лексемами и УСК, в древнерусских памятниках продолжают широко употребляться единицы, выделенные в той же подгруппе вербализаторов сектора «Родство по свойству» в славянских рукописях X – XI вв. В «Словаре древнерусского языка (XI – XIV вв.)» слово **подрѹжикъ** отмечено в нескольких значениях, среди которых первым представлено ‘супруг, один из супругов’ [СДЯ XI – XIV, т. 6, 2009: 665]. В древнерусских текстах данная лексема могла именовать как мужчину, так и женщину, находящихся в браке. Так, в Новгородской кормчей 1280 г. лексема **подрѹжикъ** употреблена в значении ‘жена’: **Моужа ѿлоучивъшасѧ ѿ своего подрѹжика мнишьскаго ради житиѧ аѣе ѿтѣлоученаѧ ѿ него жена съ инѣмъ съчтаніемъ съчтактѣсѧ. не възбранѣтѣсѧ кмоу на крѣство прѣти** [Новг. крм., 512в]. Согласно церковному канону мужчина, решившийся принять монашеский постриг и оставивший свою супругу, желающую вступить в брак с другим, может получить духовное звание.

В значении ‘муж’ слово **подрѹжикъ** встречается в Ипатьевской летописи: **Не мало зѣло подѣшаша безвиннии хр(с)тяни ѿлоучакми ѿѣъ ѿ роженни своихъ, братѣ ѿ брата, дроугъ ѿ дроуга своего и жены ѿ подрѹжии своихъ** [Ипат. лет., 6693 http].

Лексема **мѣжатаѧ** использована в Устюжской кормчей: **Иже свою дѣщеръ поиметь ѿ сѣго крещениѧ ни же с моужатою обрѣтактъ сѧ по**

законоу людьскому носъ има обѣма оуѣзаять и разлоучити ꙗ а по црѣвному разлоучити ꙗ и въ постъ ѿ лѣтъ да дактасѧ [Уст. крм.: 40.2 л.: 10-15]. Кормчая предусматривала суровое светское и церковное наказание за грех прелюбодеяния, совершённый с замужней женщиной.

К числу наименований женщины, состоящей в супружестве, можно отнести также УСК **зѣла(ѧ) жена**, обладающий дополнительной отрицательной оценкой, и УСК **добра(ѧ) жена**, имеющий положительную коннотацию. Данные УСК нередко употребляются в древнерусских текстах поучительного характера. Так, в Слове Даниила Заточника злым и лукавым жёнам посвящён целый раздел: **Тоу лѣпше ми волъ воуѣзати в дом свои, нѣже зѣла жена понати. Волъ бо ни молвити, ни зѣла мыслити, а зѣла жена выѣма вѣсѣтъ сѧ, а кротима вѣсити сѧ. Въ богатствѣ гордость приѣмлетъ, а въ оубожествѣ инѣхъ осужаетъ** [Сл. Дан. Зат. [http](http://)]. Здесь же встречаем УСК **добра жена**: **А вы, мжжи, по законоу водите жены свои, понеже не борзо обрѣсти добры жены** [Сл. Дан. Зат. [http](http://)].

В древнерусских текстах XII – XIV вв. продолжают использоваться слова **вѣденица, вѣдовица, мньшица, женима(ѧ)**, называющие наложниц, младших и старших жён, хотя христианство вытесняло языческие традиции. Лексему **женимаѧ** в значении ‘наложница’ [СДЯ XI – XIV, т. 3, 1990: 245-246] находим в Ефремовской кормчей: **Прилѣплисѧ дѣвою женитвоу по крещении ли женимоу имѣвъ не можетъ быти еп(с)пъ** [Ефр. крм., 146]. В этом же памятнике встречается слово **мньшица** в значении ‘младшая жена, наложница’ [СДЯ XI – XIV, т. 5, 2002: 93]: **Не подобаетъ клирикоу мньшицю имѣти** [Ефр. крм., 87а]. Н.Л. Пушкарёва пишет о том, что «в церковных поучениях и летописных свидетельствах особенно часто упоминается такое двоежёнство, когда *меньшицей* была женщина более низкого социального статуса, в том числе раба» [Пушкарёва 1989: 80].

Третья подгруппа пополнилась 12 лексемами: наименованиями родственников по свойству (невѣстька, свѣсть, шѣриа, шѣричъ, падъчерица / падъщерица, пасынѣкъ, отъчимъ, мачешиничъ, мачешиничъ); лексемами, характеризующими отношения между свойственниками (близочество, свонство, братопониманиѣ). Слово свѣсть со значением ‘свояченица, сестра жены’ [Срезневский, т. 3, 1903: 288] употреблено в Ипатьевской летописи: **Всеволодъ приа великоу любовь съ Гѣславомъ и сватася съ нимъ и да за сѣа его меншаго свестъ свою** [Ипат. лет., 6688 http].

Лексема **падъчерица / падъщерица** представлена в «Словаре древнерусского языка (XI – XIV вв.)» в значении ‘падчерица, дочь одного из супругов’ [СДЯ XI – XIV, т. 6, 2009: 416], слово **пасынѣкъ** – в значении ‘пасынок, сын одного из супругов от прежнего брака’ [СДЯ XI – XIV, т. 6, 2009: 439]. Слово **падъщерица** употреблено в Рязанской кормчей 1284 г., в которой прописано наказание за прелюбодеяние со свойственником или с некровным родственником: **Аще оѣъ съ женою сѣа свокго или сѣнъ съ женою вѣа свокго или втчимъ съ падъщерицею вѣдѣнїемъ смѣшающеся такыи бикмъ и носа оуѣзанїе да приметъ** [Ряз. крм., 3286-в].

В Русской Правде встречаем лексему **отъчимъ** имеющую значение ‘второй муж матери по отношению к её детям от первого брака’ [Срезневский, т. 2, 1895: 830]: **99. Аже боудутъ въ домоу дѣти мали, а не джи сѣа боудутъ сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужъ, то кто имъ ближни боудеть, томоу же дати на рѣцѣ и с добыткомъ и с домоу, донелѣ же возмогутъ; а товаръ дати перед людьми; а что сѣзъитъ товаромъ тѣмъ ли пригоститъ, то то емѣ совѣ, а истын товаръ воротитъ имъ, а прикупъ емѣ совѣ, зане кормилъ и печаловалъ сѣа ими; аже отъ челади плодъ или от скота, то то все поимати лицемъ; что ли боудеть ростералъ, то то все емѣ платити**

дѣтемъ тѣмъ; аче же и отчимъ приметъ дѣти съ задницею, то тако же есть радъ [РП <http>].

Лексему мачеха / мощеха в значении ‘мачеха, неродная мать, вторая жена отца’ [СДЯ XI – XIV, т. 4, 1991: 514-515], начинающую активно употребляться в древнерусском языке в связи с возможностью повторного вступления в брак, находим в Ефремовской и в Рязанской кормчих: Оскверняющки же своя мачехы томоу же повинни соутъ канону. тако же съ своими сестрами оскверняющесѧ [Ефр. крм., 196-197а]; ни теща же моя или мощехы не могу помти. понеже матері ми чинъ имѣта. аще и женѣ има не быта. ова же мощехы. ова же снѣхы моя чинъ имать [Ряз. крм., 341г].

В Рязанской кормчей 1284 г. дано объяснение явлению близочьство: Близочьство же оубо. рекъше сватьство. велми мене ксть сродьства. тамо бо ѡ(т) крѣве присвоикни. здѣ же по слоучаю рекъше ѡ(т) брака [Ряз. крм., 335б]. Родственные связи, возникшие благодаря заключению брака, менее прочны, чем кровные узы. Тем не менее, отношения по свойству занимали важное место в структуре славянской семьи, укрепляя её устои.

Слово своиство, наряду со словом снѣха, встречаем в Устюжской кормчей: Соутъ нѣции не закона ради сродьство. своиства же не проходяще. приближени кстьство лицъ. ѿ брака намъ съставлено. сродьства кромѣ тако же се не могу помти своѧ правноуки. или снохы. и правноука оубо ксть. ѿ инога дѣщере и внука и правноука. подроужити можго. сноха же сѧ и внука и правноука подроужити можго [Уст. крм.: 75.2 л.: 23-27 – 76.1 л.: 1-5]. Речь идёт о невозможности оформления брачных отношений между кровными родственниками, а также между свойственниками. Об этом также читаем в Ефремовской кормчей, в которой находим лексему братопиманик в значении ‘брак со свояченицей’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 310]: Бракъ безаконнъ. или братопиманик. рекъше сестроу оумьршии женѣ [Ефр. крм., 211б].

В древнерусских текстах XII – XIV вв. продолжают функционировать наименования родственников по свойству, употреблявшиеся ещё в славянских рукописях X – XI вв. Так, слово **зѣть** в значении ‘зять, муж дочери или сестры’ [СДЯ XI – XIV, т. 3, 1990: 436] находим в Новгородской кормчей 1280 г.: **Кѡстантинъ ѿнъ львовъ зѣть романовъ. цр(с)твѡва лѣ(т)•ѣ•** [Новг. крм., 573г].

Лексема **сватъ** зафиксирована в «Материалах к словарю древнерусского языка» в нескольких значениях, среди которых лишь одно связано с отношениями по свойству у славян: ‘отец или родственник одного из вступивших в супружество в отношении к отцу или родственнику другого’ [Срезневский, т. 3, 1903: 267]. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» указано, что «наиболее чётко у восточных славян, в отличие от южных и западных, выделяются сваты в значении ‘родители, а нередко и другие старшие женатые родственники одного из молодых по отношению к родителям и родственникам другого, обычно после достижения сторонами договорённости о браке’» [Гура, Узенёва, СД, т. 4, 2009: 556].

В древнерусском языке продолжают функционировать наименования некровных родственников, употреблявшиеся в общелитературном языке славян Средневековья (**иночимъ, мачеха**): 105. **Бѡдѣть ли потерѣлъ своѣго иночима чѣто, а онѣхъ отца, а оумрѣть, то възворотитъ брѣтоу, на не же и людѣк вылѣзѡуть, чѣто бѡдѣть оѣць кѡ истерѣлъ иночимѣ; а чѣто кмоу своѣго отца, то держитъ** [РП [http](http://)].

Итак, зона ближней периферии сектора «Родство по свойству» в древнерусских памятниках XII – XIV вв. по сравнению с аналогичной частью ЛФП «Семья» в славянских рукописях X – XI вв. обогатилась 50 лексемами и 54 УСК. Прежде всего, пополнились подгруппа единиц, представляющих собой наименования лиц, состоящих в браке (21 ед.), и подгруппа лексем и УСК, обладающих комплексной семой ‘действия при заключении брака’ (28 ед.). Значительному обогащению также подверглась

подгруппа единиц, отражающих специфику заключения брака (16 ед.), и подгруппа наименований родственников по свойству (12 ед.). Пополнившие подгруппу наименований супругов лексемы **дѣвоженикъ**, **дѣвоженитъвѣнь**, **дѣвоженьць**, **дѣвоженьць**, **трѣженитъвѣньи**, **мѣногоженитъвѣньи**, **мѣногоженьць** и др. показывают, что, несмотря на пропагандируемое Церковью единобрачие, в Древней Руси активно практиковалось неоднократное вступление в брак. Об этом же свидетельствует и наличие в древнерусских памятниках новых языковых единиц **падѣчерица** / **падѣщерица**, **пасынѣкъ**, **отѣчимѣ**, **мачешиничѣ**, **мачешичѣ**, а также отмеченных ранее в славянских текстах X – XI вв. лексем **матѣрьша**, **мачѣха**, **иночимѣ**. Анализ вербализаторов, связанных семантическим компонентом ‘супружество’, свидетельствует о том, что центром моногамной семьи в Древней Руси являлась супружеская пара, в которой, несмотря на признание за мужчиной ведущей роли в браке, права женщины были защищены церковными и светскими законами.

Между вербализаторами сектора «Родство по свойству» прослеживаются синонимические (15 рядов), гиперо-гипонимические (1 ряд) и антонимические (1 ряд) отношения. В этой части ЛФП обнаружены два полисеманта, реализующих оба своих значения в пределах ближней периферии поля.

Появившиеся и продолжающие употребляться в древнерусском языке XII – XIV вв. наименования лиц, заключивших брачный союз (39 ед.), и родственников, появившихся в результате оформления брачных отношений (35 ед.), свидетельствуют о постепенном укреплении института семьи и о его большой значимости для древнерусского этноса. Появившиеся в древнерусских памятниках языковые единицы, связанные с особенностями заключения брачного союза, доказывают, что лишь в XII – XIV вв. у восточных славян окончательно сформировалась процедура помолвки и обручения. Языковые единицы **вѣнѣшьнѣ**, **вѣно**, **брачньи дарѣ**,

брачныи залогъ, залогъ обрѣченъа свидетельствуют о том, что формализация обряда обручения на Руси началась с установления свадебного залога. Это позволяет говорить о закреплении особой формы союза мужчины и женщины – выкупного брака. **УСК чьстьнага женитва, законьныи бракъ, безаконнага женитва, безаконьныи бракъ, законопрѣстѣпныи бракъ** и др. подтверждают огромную роль Церкви в создании семьи. Браки обязательно заключались с разрешения Церкви.

Наиболее значительной по количеству языковых единиц, как и в старославянских текстах X – XI вв. (31 ед.), так и в древнерусских памятниках XII – XIV вв. (59 ед.), является подгруппа лексем и УСК с комплексной семой ‘действия при заключении брака’. При этом много единиц (19 ед.) подчёркивает ведущую роль мужчины при установлении брачных отношений. С распространением христианства у славян постепенно закреплялся моногамный брак, который стал освящаться в церкви, однако поначалу эта традиция касалась лишь лиц высшего сословия. В то же время продолжающие функционировать в древнерусском языке лексемы, которые называют наложниц, младших и старших жён (4 ед.), отражают следы языческого обычая многожёнства, вытесняемого моногамным браком, характерным для христиан. Таким образом, можно говорить о взаимовлиянии языческих и христианских обычаев бракосочетания на Руси вплоть до XII в.

Выводы по III главе

Зона ближней периферии ЛФП «Семья» в славянских текстах X – XIV вв., представлена двумя секторами, отражающими основные виды родственных отношений у восточных славян: «Родство по крови», «Родство по свойству». Ближняя периферия ЛФП вербализаторов концепта «Семья», отражённая в памятниках X – XI вв., представлена 100 лексемами и 35 УСК в 447 и 105 употреблениях соответственно, в древнерусских памятниках XII – XIV вв. – 162 лексемами и 112 УСК в 1703 и 595 употреблениях соответственно. Таким образом, зона ближней периферии двух секторов исследуемого ЛФП обогатилась к концу древнерусского периода 62 лексемами и 77 УСК.

Между единицами, формирующими ближнюю периферию поля, установились синонимические (37 рядов), гиперо-гипонимические (4 ряда) и антонимические (3 ряда) отношения. В число репрезентантов этой зоны ЛФП входит 9 полисемантов, при этом 8 из них реализуют свои значения в пределах данной части сектора, а один – только одно из своих значений. Среди вербализаторов ближней периферии ЛФП концепта «Семья» как в общелитературном языке славян, так и в древнерусском языке на втором этапе его развития, отсутствуют заимствованные элементы, что доказывает формирование терминологии родства на общеславянской почве.

Ближняя периферия сектора «Родство по крови» в древнейших славянских рукописях представлена группой из 14 лексем и 4 УСК в 96 и 10 употреблениях соответственно, в древнерусских текстах XII – XIV вв. – 25 лексемами и 16 УСК в 370 и 68 употреблениях соответственно. Анализ вербализаторов зоны ближней периферии сектора «Родство по крови», составляющего часть ЛФП «Семья», исследуемого в диахронии с привлечением письменных памятников старославянского и древнерусского языков, даёт представление о формировании и развитии кровнородственных отношений у славян.

Широкая наполняемость ЛФП концепта «Семья» свидетельствует о том, что с началом распространения христианской идеологии у славян постепенно укрепляется форма семейной организации, в основе которой лежит кровнородственная связь.

Древнерусский язык XII – XIV вв. пополнили, в основном, лексемы и УСК, представляющие собой наименования родственников по боковой линии (21 ед.), что, на наш взгляд, подтверждает наличие в Древней Руси, помимо малой семьи, также большесемейных коллективов, куда входило несколько ветвей и поколений родственников. Судя по материалам древнерусских памятников XII – XIV вв., отношения между боковыми (непрямыми) родственниками строились на основе физического старшинства.

Самой малочисленной группой вербализаторов ближней периферии сектора «Родство по крови», как в славянских текстах X – XI вв., так и в древнерусских памятниках XII – XIV вв. (9 ед.), является группа лексем и УСК с обобщённым значением отсутствия прямых кровных родственников, что подтверждает существование в восточнославянском обществе института опеки. Он возникал по отношению к малолетним детям, если они оставались без обоих родителей или если после смерти отца их мать вступала в повторный брак.

Зона ближней периферии сектора «Родство по свойству» в славянских текстах X – XI вв. формируется двумя группами вербализаторов, состоящих из 78 лексем и 30 УСК в 336 и 92 употреблениях соответственно, в древнерусских – из 128 лексем и 84 УСК в 1308 и 515 употреблениях соответственно. Анализ встречаемости входящих в эти группы единиц показал, что в ранний период распространения христианства в общелитературном языке славян начало формироваться представление о браке как об обряде, имеющем свои характерные особенности. Древнерусский язык XII – XIV вв. обогатили, в основном, лексемы и УСК, отражающие процедуру вступления в брак (16 ед.); наименования лиц, находящихся в браке (21 ед.); и родственников по свойству (12 ед.); единицы,

характеризующие действия при оформлении брачных отношений (28 ед.). Это свидетельствует о том, что у восточных славян процедура заключения брачного союза уже полностью сложилась.

Однако, наряду с укрепляющимися христианскими традициями заключения брака, дают о себе знать следы языческого обряда бракосочетания, о чём свидетельствует употребление на обоих временных этапах наименований старших, младших жён и наложниц (4 ед.).

Кроме того, анализ лексем, характеризующих процедуру оформления брачных отношений, демонстрирует, что даже заключение венчального брака с согласия духовенства сопровождалось языческими обрядами, получившими новое христианское содержание: сватовством, обручением, состоявшим, в свою очередь, из помолвки и сговора, и свадебным пиром. Пополнившие древнерусский язык наименования супругов, вторично вступающих в брак (10 ед.), показывают, что в Древней Руси было широко распространено неоднократное вступление в брак, несмотря на проповедуемое христианской Церковью единократие.

В группу единиц, связанных комплексной семьей 'духовное родство' в славянских текстах X – XI вв., входило 8 лексем и один УСК в 15 и трёх употреблениях соответственно. Материалы древнерусских рукописей XII – XIV вв. позволили обнаружить в этой зоне 9 лексем и три УСК в 25 и 12 употреблениях соответственно. Функционировавшие в общеславянском литературном языке (9 ед.) и в древнерусском языке (12 ед.) термины близкого некровного родства свидетельствуют об окончательном установлении у восточных славян крестильного, духовного родства.

ГЛАВА IV. РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗОНЫ ДАЛЬНОЙ ПЕРИФЕРИИ ЛФП ВЕРБАЛИЗАТОРОВ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ»

4.1. Дальняя периферия вербализаторов сектора «Родство по крови», отражённая в славянских рукописях X – XI вв.

Дальнюю периферию сектора «Родство по крови» в славянских текстах X – XI вв. формируют две группы вербализаторов, состоящих из 37 лексем и 32 УСК в 231 и 45 употреблениях соответственно. В первую группу входит 27 лексем и 32 УСК в 144 и 45 употреблениях соответственно, связанных комплексной семой 'дальнее родство'. Это наименования предков (дѣдъ, прадѣдъ / прѣдѣдъ, отьць (одно из значений), праотьць / прѣотьць, прародитель, старьць); потомков (сынъ (одно из значений), вѣноукъ, вѣноука, правѣноукъ, правѣноука, правѣноуча, ищадиѣ, чада (одно из значений), чада ꙗже потомъ, сѣма (одно из значений)); единицы, обладающие дифференциальной комплексной семой 'относящийся к дальним родственникам' (родителѣвъ, дѣднь, дѣдныи, прародительскъ, прадѣдныи, рождьствѣнь); лексема и УСК, имеющие в своём составе дифференциальную комплексную сему 'относящийся к происхождению, роду' (благокореньнь, добра рода, славна рода, блага рода, великъ родомъ); УСК, представляющий собой наименование родословной (кѣнигы родьства); УСК, обладающий дифференциальной комплексной семой 'передача из поколения в поколение' (въ родъ и родъ); языковые единицы, характеризующие принадлежность роду, семье (родьство (одно из значений), быти родомъ, быти отъ рода, родомъ оукрашенъ); названия родовых гнёзд (рождениѣ (одно из значений), родъ (одно из значений), домъ (одно из значений), плѣма (одно из значений), колѣно (одно из значений), отьчьствик (одно из значений), отьчьство (одно из значений)).

Большая семья, строящаяся на кровном родстве по модели «предки – потомки», являлась той основой, благодаря которой у средневековых славян складывался феномен «семья». Неслучайно в древнейших славянских рукописях часто можно встретить наименования дальних родственников – предков и потомков. Так, единица **отъци** в значении ‘предки’ обнаружена нами в Синайской псалтыри: **Бже оушма наши оуслышахомъ: Оѣи наши повѣдѣшиа намъ** [Син пс, 43: 2]; лексема **отъць** в значении ‘предок’ [СтСл 1994: 436] – в Изборнике Святослава 1076 г.: **Наводать ли сѧ оубо и доселѣ грѣси оѣъ на чада на третии и четвъртыи родъ** [Изб 1076, 190.1: 4-6]; **наидоуть грѣси оѣъ вашихъ на вы отъ крѣве авела правьдынаго до крѣве захариа сѧ варахина** [Изб 1076, 190.2: 4-7]. Слово **старьць**, обладающее значением ‘предок’ [СтСл 1994: 623], употреблено в Мариинском евангелии, где речь идёт о нарушении одной из заповедей предков: **2. Почтъо оученици твои прѣстѣпаѣтъ прѣдааниѣ старецъ не омываѣтъ во рѣкъ своихъ егда хлѣбъ ѣдатъ** (Мт 15: 2) Мар 51.

Лексема **праотъць** со значением ‘праотец, предок’ [СтСл 1994: 498] встречается в Изборнике Святослава 1076 г.: **Паче же вы нама лѣпоты мыслити о чадо отъ адама праоѣа нашего до сего нашего вѣка** [Изб 1076, 6.2: 11-13 – 7.1: 1]. В данном случае праотцом, предком всех живущих на Земле людей назван Адам, первый человек, сотворённый Богом. С таким же значением ‘прадед, предок’ [СтСл 1994: 497] лексема **прадѣдъ** выступает в произведении «Слово сѣааго епифаниа архиепискоупа кѹпрьска о погрѣбении тѣлесъ ѿи нашего їсоу хѣа», входящем в Супрасльскую рукопись; в Синайском евхологии и в Изборнике Святослава 1073 г.: **Тоу авраамъ прадѣдъ хѣовъ жъръць иже безбожныѣ и бесъмрътъныѣ жртѣвѣ богу пожрълѣ кстѣ** [Супр 460: 20-22]; **Бже посѣщен аврама прѣдѣда нашего полоудне ѿ любьзно блѣви и** [Син евх 17b: 20-22]; **Ираклии <...> Кѡнстантинъ прадѣдъ его лѣтъ кѣз оубиенъ вы въ домоу въ бани** [Изб 1073, 262.2a: 22-25].

В славянских памятниках X – XI вв. широко представлены также наименования других дальних родственников – потомков. Так, в Изборнике Святослава 1076 г. находим лексемы **вѣноукъ** и **правѣноукъ** в значении ‘внук, потомок’ [Slovnik, т. 1, 2006: 308]: **Такоже бо и ѿ имѣньи не пеци сѧ послѣдънными сѣны вѣноуки правѣноуки дѣштерьми тѣмъ бо инако время ключить сѧ. ли напасть ли татѣба ли рать и тѣгда изгоубленок не станеть имъ помагати** [Изб 1076, 18.1: 9-13 – 18.2: 1-3]. Это подтверждает, что у средневековых славян постепенно начала складываться процедура оформления наследства и передачи его последующим поколениям.

УСК **чада** **иже потомъ**, обладающий значением ‘будущие поколения’ [ФССЯ 2011: 360] и имеющий греческий эквивалент αἱ μετέπειτα γενεαί, употреблён в «Житии **сѣаго іѡана епискоупа мѣчаливааго монастыра отца нашего савы**»: **Тъ же и не сѣдаѣштоуоумоу сѧ и соухоуоумоу камыкоу вѣздрасити повѣлѣ на показаниѣ чѣдомъ (= чадомъ) иже потомъ акж полоучи благодать рабѣмъ кѡ** [Супр 300: 16-20].

Лексема **сынъ**, у которой среди значений были ‘потомок’ и ‘член рода, племени’ [СтСл 1994: 676], нередко употребляется в славянских текстах X – XI вв. в составе УСК. Так, УСК **сынове ефѣмови** встречается в Синайской псалтыри: **Сѣновѣ ефѣмовѣ налѣцаѣште ѿ стрѣлѣѣште ажкы. вѣзвратиша сѧ въ день бранѣ** [Син пс, 77: 9].

Одним из значений слова **чада**, отмеченных в «Старославянском словаре (по рукописям X – XI вв.)», является ‘потомки’ [СтСл 1994: 788]. В составе УСК **чада авраамѣ**, представленного во «Фразеологическом словаре старославянского языка» с семантикой ‘потомки Авраама, иудейский народ, евреи-христиане’ [ФССЯ 2011: 359], данная лексема употреблена в Мариинском евангелии: **39. Отѣвѣщаша и рѣша емоу отѣцъ нашъ авраамъ есть. гдѣ имъ иѣ аште чада авраамѣ бысте были. дѣла авраамѣ творили бысте** (Ин 8: 39) Мар 350.

Лексемы **дѣдъ, прадѣдъ / прѣдѣдъ, отьць, праотьць / прѣотьць, прародитель, старьць** в значении ‘предок’ потомок’ вступают друг с другом в синонимические отношения, как и лексемы **сынъ, вѣноукъ, правѣноукъ** в значении ‘потомок’. Кроме того, лексемы **сынъ, вѣноукъ, правѣноукъ** и **вѣноука, правѣноука, правѣноуча** находятся в гиперо-гипонимических отношениях с единицами **чада, чада ꙗже потомъ**. Гипонимами выступают слова, называющие потомков по нисходящей женской и мужской линиям родства, гиперонимами – лексема **чада** и УСК **чада ꙗже потомъ** с обобщённым значением ‘потомки’.

С.М. Толстая пишет: «Растительный код родства представлен номинациями, относящимися к линиям и степеням родства, за которыми стоит образ родословного древа» [Толстая, СД, т. 4, 2009: 442]. Действительно, в древнейших славянских памятниках лексема **сѣмѣ** имела и переносное значение ‘потомство, род, племя’ [СтСл 1994: 679]. В составе УСК **давыдово сѣмѣ** [Индекс УСК 2012: 12], **сѣмѣ инаковѣ, сѣмѣ издраилѣво** [Индекс УСК 2012: 14] слово **сѣмѣ** встречается в Бычковой псалтыри: **И творѣ мѣсть хѣоу свѣкмоу дѣдѣни сѣмени юго до вѣка** [Быч, 2.1: 1-2]; **Всѣ сѣмѣ инаковѣ прославѣть и. и оубоитѣ же сѣмѣ отъ него всѣ сѣмѣ изѣлево ꙗко не оуничъжи ни негодова мѣтвы ницаго ни отъвратиѣ же кѣсть лица свѣкго отъ мене** [Там же, 6.1: 1-5].

В славянских текстах X – XI вв. активно используются репрезентанты концепта Семья, близкие по своим значениям слову **сѣмѣ**. Это лексемы **домъ, колѣно, отъчѣствѣ, отъчѣство, плѣмѣ, родъ, рождениѣ**. Данные единицы могут вступать друг с другом в синонимические отношения, вербализуя концепт «Семья» только одним из своих значений.

В «Этимологическом словаре русского языка» отмечено, что «старославянское слово **домъ** родственно авест. *dam* – ‘дом, жильё’, греч. *δόμος, δομή* – ‘строение’. На другой ступени чередования эта лексема родственна греч. *δᾱμαρ, δαμαρτος* – ‘хозяйка, супруга’» [Фасмер, т. 1, 1996:

526]. П.Я. Черных указывает, что в «с.-хорв. слово *dōm* употребляется, главным образом, в значении ‘семья, домашний очаг’. Ближайшим соответствием считается греч. *δόμος* (< **dōmōs*) – ‘дом’, ‘постройка’, ‘здание’, ‘комната’, ‘семья’» [Черных, т. 1, 1999: 262].

В «Этимологическом словаре современного русского языка» у полисеманта **домъ** приводится и значение ‘своё жильё, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство’. Кроме того, указывается, что в русском языке XI – XVII вв. данная лексема была известна в значении ‘жилище, домохозяйство, семья’. Само слово **домъ**, считает составитель, возникло «из праслав. *домъ, имени сущ. с основой на - у, восходящего к и.-е. **domus*, производному от глаг. **dem* – ‘строить здания и строения’, ‘одомашнивать’». [Шапошников, т. 1, 2010: 237].

Лексема **домъ** в рукописях X – XI вв. используется в значении ‘род, дом’ [СтСл 1994: 194]. Чаще всего она входит в состав УСК в качестве грамматического центра. Так, в тексте Синайского евхология и Евгеньевской псалтыри нами обнаружен УСК **домъ издраникъ**, имеющий значение ‘еврейский народ’ [ФССЯ 2011: 161]: **пристѣпи ѿ слыши, чѣто тебѣ глѣтъ прѣкомъ ѿ, стража дахъ та сѣ члѣч домоу илѣвоу** [Син евх 82а: 16-18]; **Поманѣ милость своѣ иаковови отъ иудей бо вѣровавъша и приатъ ѿ хъ и не отъринѣ ихъ. и истинѣ своѣ домоу илѣвоу. истинноѣ бо цркви съхраниши домъ бо хъвъ цркы ксть** [Евг, 6.2а: 9-18].

С.М. Толстая замечает: «У славян, как и других народов Европы, кроме элементарной формы семьи (родители и их дети), существовали более крупные объединения в виде т. н. большой семьи и рода или родового союза; все они имели патрилинейный характер, т. е. связи по мужской (отцовской) линии придавалось большее значение, чем отношениям по женской (материнской) линии» [Толстая, СД, т. 4, 2009: 441]. Это подтверждают слова **отъчѣствикъ** и **отъчѣство**, которые, согласно М. Фасмеру, являются производными от слова *отец*, в свою очередь возникшего «из праслав. **otъsъ*

из *отѣкъ, производного *отъ – ‘отец’», однокоренного с *отънь* – ‘отчий’. В ирландском языке известно *aite* – ‘опекун, воспитатель’ [Фасмер, т. 3, 1996: 170].

Первым значением лексем **отѣчѣствѣ** и **отѣчѣство**, отмеченным в «Старославянском словаре (по рукописям X – XI вв.)» и в «Словаре старославянского языка», созданном пражскими учёными, является ‘род, поколение, семья’. [СтСл 1994: 437; Slovník, т. 2, 2006: 626]. Второе значение – ‘отечество, родина’ [Там же]. «Школьный этимологический словарь русского языка» отмечает, что лексема *родина* представляет собой суффиксальное производное от слова *род*. В качестве исходного значения лексемы *родина* приводится ‘семья, люди, живущие вместе’. Вторичное значение – ‘место рождения’ [Шанский 2005: 274].

Лексемы **отѣчѣствѣ** и **отѣчѣство** со значением ‘род, поколение, семья’ используются в Супрасльской рукописи. Так, в произведении «Житіе сѣаго иоана епископа мѣчаливааго монастыра отца нашего савы» читаем: **Закла и да повѣсть кмоу о себѣ и да съкажетъ кмоу кто кстѣ. и сице принуденъ повѣда и родѣ и отѣчѣство и чистительство** [Супр 294: 25-28]. Слова **отѣчѣствѣ** и **отѣчѣство** могут входить в состав УСК в качестве грамматических центров. Ср.: **отѣчѣствѣ давыдово** и **отѣчѣство ѡзычнокѣ**. Так, в Мариинском евангелии используется УСК **отѣчѣствѣ давыдово** со значением ‘род, ведущий своё происхождение от Давида’: **4. Възиде же носифѣ отъ галилеѣ из града назаретѣска въ иудеѣ въ градѣ давыдовѣ иже нарицаатъ сѣ витлеѣмѣ. зане вѣаше отъ домоу и отѣчѣствѣ давыдова** (Лк 2: 4) Мар 196.

В Синайской псалтыри находим УСК **отѣчѣство ѡзычнокѣ** в значении ‘языческий народ’: **Обратѣтъ сѣ кѣ ꙗко вси конѣци земли и поклонѣтъ сѣ прѣдѣ нимѣ въсѣ отѣчѣства ѡзычѣна** [Син пс, 21: 28].

В «Этимологическом словаре русского языка» зафиксировано слово **колѣно** в значении ‘род, поколение’. В «Этимологическом словаре современного русского языка» отмечено, что лексема **колѣно** возникла «из праслав. *колѣно, производного с суф. -но от несохранившегося глаг. *колѣти, продолжения и.-е. корня *kel- со знач. ‘вращаться, подниматься, расти, происходить, становиться, рождаться’» [Шапошников, т. 1, 2010: 410-411].

У слова **колѣно** в «Старославянском словаре (по рукописям X – XI вв.)», в «Словаре старославянского языка» в качестве одного из значений указано ‘поколение, племя, колено, род’ [СтСл 1994: 288-289; Slovník, т. 2, 2006: 43]. Слово **колѣно** используется в составе УСК **колѣно издраниѣво**, которое обладает значением ‘еврейский народ’: **28. Нѣ же рече имъ. аминъ глѣж вамъ. Ѣко вы шедъшеи по мѣнѣ въ паковытии. егда сядетъ сынъ чловѣчскыи на прѣстолѣ славы своеѣ. Бадете и вы на дѣвою на десѣте колѣнома издраниѣма** (Мт 19: 28) Мар 68-69.

С.М. Толстая пишет, что «общее понятие родства и главные формы родовой организации обозначаются словами *род* и *племя*, известными всем славянским языкам. Оба они этимологически связаны с семантикой роста» [Толстая, СД, т. 4, 2009: 442].

А.К. Шапошников указывает, что лексема **плѣма** известна в русском языке XI – XVII вв. в значениях ‘потомство’, ‘семья, родня’, ‘колено, поколение’, ‘народ’. Само слово возникло «из праслав. *племе, производного с суф. -мен- от основы *пле-, восходящей к и.-е. *pel-: *ple – ‘наполнять, наливать’ или к и.-е. *pel-: *pl – ‘производить, рождать’» [Шапошников, т. 2, 2010: 136]. Подобная этимология находит своё подтверждение в семантике слова, в частности, в значениях ‘семья, родня’ и ‘разветвление рода, колено’, указанных в исторических словарях соответствующего периода.

В значении ‘семья, родня’ лексема **плѣма** встречается в Изборнике Святослава 1076 г., где приводится наказ отца сыну: **Нѣ оставляи**

послѣдньому родоу своѣмоу нѣ и дѣти своѣ и женоу свою и все плѣма своѣ пороучи боу [Изб 1076, 17.1: 11-13 – 17.2: 1-2].

Лексема плѣма, являющаяся компонентом УСК давидово плѣма [Индекс УСК 2012: 20], встречается в Евгеньевской псалтыри: Дѣвѣ глѣтъ бѣжѣ тако дѣва плѣмене кѣтъ та же прѣбываѣтъ въ вѣкѣ вѣка непогыбѣжшѣ [Евг, 2.1а: 14-18]. Слово плѣма в составе УСК плѣма вѣныамина со значением ‘семья, ведущая происхождение от Вениамина’ находим в «Словѣ Иоана архіепископа константина града златоустѣаго о смоктѣви въ великыи понѣдѣльникѣ» из Супрасльской рукописи и в Изборнике Святослава 1073 г.: Глаголѣ оубо дѣѣши отъринѣ люди своѣ господѣ не бѣди. не бон и азѣ израилитѣнинѣ кѣмѣ. отъ сѣмене авраама. плѣмене вѣныамина. не отъринѣ господѣ люди своихѣ [Супр 347: 9-13]; егда бо съ женимоу поутѣника плѣма вѣныаминаво съблоудиша она же безмѣрнаго оброуганиа не сътѣрпѣвъши оумре [Изб Св 1073, 67.2б: 28-29 – 68.1а: 1-5].

П.Я. Черных отмечает, что древнерусское слово родѣ с XI в. известно в значениях ‘происхождение’, ‘семья’, ‘род’, ‘племя’ и восходит к о.-с. *rodѣ – ‘происхождение’ [Черных, т. 2, 1999: 118]. А.К. Шапошников указывает, что слово родѣ возникло из «праслав. *ordѣ, восходящего к и.-е. сущ. *Hordh – ‘высокий, выросший’», и приводит ближайшие соответствия из армянского и хеттского языков: арм. ordi – ‘сын’, хетт. ḫardu – ‘правнук’ [Шапошников, т. 2, 2010: 282]. Согласно «Словарю старославянского языка», слова родѣ и рожденикѣ именно в значении ‘род, семья, родня’ вербализуют концепт «Семья» в X – XI вв. [Slovník, т. 3, 2006: 644; 647-648].

Лексемы родѣ и рожденикѣ в значении ‘родственники, родня’ [СтСл 1994: 584] можно встретить в Мариинском евангелии: **44. Мѣнѣвъша же и въ дружинѣ сѣшѣтъ. придетѣ патѣ дѣнеи и искаашѣте єго въ рождении и въ знании** (Лк 2: 44) Мар 200; **58. И слышаша окрѣсть**

живѡштен ѿ рождєніє єѡ ѿко възвеличилъ єсть ѿ милость своѡ съ
неѡ ѿ радовахъ сѡ съ неѡ (Лк 1: 58) Мар 194.

О том, что семья занимает главное место в жизни каждого человека, говорят и примеры из Синайского евхология: Прими вѡко наша молѣніє, ѿ покои вѡсѡ оѣа наша и матери, комоужѣдо насъ ѿ братриѡ и сестры ѿ чада ѿ рождєніє ѿ прѣтєла ѿ тоуждеплємєньники [Син евх 65а: 21-25].

О значимости знатного происхождения свидетельствуют следующие контексты из «Молитвы сѣаго піѡни иже сѡ обрѣтє вѡ ино писаниє» и «Житиѡ прѣподобѣнаго оѣа нашего исаакіѡ», входящих в Супрасльскую рукопись, где слово родъ является компонентом УСК быти отъ рода кого, обладающего значением ‘принадлежать к какому-л. роду, семье’: Благовѣсти сѡ гауріѡломъ ар’хаг’геломъ дѣвѣ сѣѣ прѣчистѣ отъ рода цѣсарьска сѡшти именємъ маріѡ [Супр 10: 20-23]; нарекошѡ нек’тари нѣгого мѡжа именита и доброговѣна. кротѣка образомъ отъ болѣрьска рода сѡшта и дрѡжаштоу тѣгда єпар’шѣскыи санъ [Там же 202: 12-16].

В произведении «Мѡжа сѣаго кодрѡта и иже съ нимъ» из Супрасльской рукописи употреблєн УСК родомъ оукрашенъ: Блаженныи кодрѡтъ врѣстоѡ и добрѡтоѡ и родомъ и богатѣствомъ и ѡже всєго истиньнѣѡ богочѣстикомъ оукрашенъ [Там же 98: 14-17]. В произведениях «Мѡчениє сѣиухъ и славѣныхъ новѡнавѣишихъ сѡ мѡченикъ феѡдора. кѡстантина. феѡфила. калиста. васѡѡ и дрѡжины иухъ» и «Мѡчениє сѣаго сѡвина» находим УСК блага рода со значением ‘имеющий благородное происхождение’: Єдинъ же отъ нихъ блага рода. отъ дѣдѣ славєнъ же плємєнємъ. васѡи именємъ свѣтелъ сы благѡдѣтиѡ и истинѣныи хѣѣ воинъ [Там же 62: 24-28]; Сѡвинъ кто именємъ вѣ то врѣмѡ сы. поѣста града прѣвыи блага рода сы [Супр 145: 8-10].

УСК добра рода, обладающий значением 'знатного происхождения, рода', использован в Ассеманиевом евангелии: **12. Члкъ етеръ добра рода иде на странж далече приѣти црѣтво и възвратити сѧ** (Лк 19: 12) Ас 135.

УСК славна рода и великъ родомъ с той же семантикой встречаются в «Житии и дѣянии прѣподобнаго анина», входящем в Супрасльскую рукопись: **Тѣ же кмоу хоула възглаголавъшоу о истинѣ раславѣ кмоу абык тѣло и прѣдано бы прьвоуоумоу оумръштвению послѣжде же попытавъ же о палатинѣ и обрѣтъ кго славна сжшта и многы слоугоуѣжштам имжшта и женж слав'на рода** [Супр 563: 22-26]; слышали ксте сергѧ саврантѣскоуоумоу племени княза поставькна великомъ родомъ въ еноздроннѣхъ и междуѣрѣчии область дрѣжавъ отъ прѣдѣла сракинѣска [Там же 566: 19-22].

В «Материалах к словарю древнерусского языка» описан УСК въ родъ и родъ, имевший значение 'из поколения в поколение' [Срезневский, т. 3, 1903: 136]. Данный УСК находим в Мариинском евангелии, Синайской и Евгеньевской псалтырях, Пандектах Антиоха: **50. И милость его въ родъ и родъ боѣштинимъ сѧ его** (Лк 1: 50) Мар 193; **помянѣтъ имя твое во всѣкомъ родѣ и родѣ** [Син пс, 44: 18]; **ѣда въ вѣкы прогнѣваеши сѧ на ны. ли простѣрѣши гнѣвъ твой отъ рода въ родъ** [Там же, 84: 6]; **И съзиждѣ въ родъ и родъ прѣстолъ твой** [Евг, 2.1а: 19-20]; **щедроты твоя въ родъ и родъ прѣбывають на людехъ неочаалѣхъ** [Панд. Ант., 307 л.].

Активное употребление в древнейших славянских текстах УСК с компонентом **родъ** (10 ед. в 55 употр.), связанных интегральной семой 'родство', доказывает осознание средневековыми славянами крепкой связи с семьей, со своими корнями. Именно благодаря этому обеспечивалась преемственность поколений. Немаловажную роль при определении социального статуса славянина Средних веков играло его происхождение. В связи с этим необходимо отметить, что наиболее продуктивным памятником,

в котором употребляются УСК с компонентом **родъ**, является Супрасльская рукопись. На наш взгляд, важным критерием для средневековых славян являлось то, что люди знатного, благородного происхождения были приверженцами христианской веры. В период двоеверия они служили своеобразным примером для тех, кто ещё не отрёкся от языческой религии.

Лексему **благокореньнъ** со значением ‘благородный, хорошего происхождения, рода’ [СтСл 1994: 88] находим в Синайской псалтыри: **Благокоренньмъ радованымъ въсеѡ землѡ: Горы сионъскыи ребра сѣверова: Градъ ѿрѣ великаго** [Син пс, 47: 3].

Степень значимости кровнородственных связей отражает УСК **кънигы родьства / рожьства**, имеющий значение ‘родословная’. Данный УСК используется в Ассеманиевом евангелии и в Изборнике Святослава 1073 г.: **1. Кънигы родьства йса хѣа сѡа дѣва сѡа авраамлѣ** (Мт 1: 1) **Ас 261; чѣско кмоу рожденикѣ проповѣдактѣ рекыи кънигы рожьства исѣ хѣа сѡу давыдовы сына авраамла** [Изб 1073, 174.16: 9-14].

Вторая группа вербализаторов дальней периферии сектора «Родство по крови» представлена 10 лексемами в 87 употреблениях. В данную группу входят единицы, объединённые семантическим компонентом ‘наследование’. Это лексемы, имеющие дифференциальную комплексную сему ‘относящийся к наследству’ (**прародительнъ / прѣродительнъ**); процессуальные единицы, характеризующие процедуру наследования (**наслѣдити, наслѣдовати, наслѣдствоватьи**); предметные единицы, отражающие процесс передачи наследства (**наслѣдик, наслѣдованикѣ**); лексемы, именующие получателя наследства (**наслѣдникъ**) и само наследное имущество (**обѣдо, достояникѣ, имѣникѣ**). Языковые единицы данной группы свидетельствуют о постепенной регламентации имущественных отношений у славян Средневековья. Так, в Изборник Святослава 1076 г. внесено положение, касающееся распределения наследства отцом в случае смерти его некрещёной дочери: **Раздѣли же имѣникѣ свои на ѣ части оумьрши же дѣщери ко некръщенѣ за дѣшю ко**

вѣда оѣ ꙗ нищимъ часть ꙗ ꙗще же женѣню часть и свою [Изб 1076, 248.2: 9-13 – 249.1: 1-2].

Лексемы **наслѣдникъ** ‘наследник’ [СтСл 1994: 354] и **достояникъ** ‘наследство, наследственная доля’ [Slovník, т. 1, 2006: 514] употребляются в Ассеманиевом евангелии: **38. Дѣлателе же ти егда оузырѣша сѣи рѣша въ себѣ съ естъ наслѣдникъ прѣдѣте оубиѣмо и и оудръжимъ достояние его** (Мт 21: 38) Ас 92.

В произведении «**Свѣтааго оѣа нашего іѡана ар’хїеѣпа костанѣтинѣ града златооустѣаго о свѣтѣмъ домѣ апостолѣ и на арианы**», входящем в Супрасльскую рукопись, находим слово **обѣдо**, имеющее значение ‘сокровище, богатство, наследство’ [СтСл 1994: 400]: **Та бо наоучи дома се ны остави акы чѣдомъ своимъ обѣда акы и съкровиште кѣтство дръжитъ слово. въсь родъ того гласа ради оутвѣрждаетъ сѣ до аггелъ простѣрѣ сѣ рѣчь** [Супр 509: 12-16].

Синонимическими отношениями связаны процессуальные лексемы **наслѣдити, наслѣдовати, наслѣдствоватьи** в значении ‘наследовать, получать в наследство’, а также предметные лексемы **наслѣдикъ, наслѣдованикъ, обѣдо, достояникъ** в значении ‘наследство’.

Итак, в зону дальней периферии сектора «Родство по крови» в славянских памятниках X – XI вв. входит две группы вербализаторов, в каждой из которых единицы связаны синонимическими (5 рядов) и гиперогипонимическими (1 ряд) отношениями. В первой группе репрезентантов данной зоны ЛФП отмечено 12 полисемантов, причём 3 из них реализуют свои значения, входя сразу в несколько зон поля, 9 – находясь в зоне дальней периферии исследуемого сектора, реализуют в её пределах лишь одно из своих значений.

Активное употребление лексем и УСК первой группы зоны дальней периферии сектора «Родство по крови» в славянских текстах X – XI вв., связанных комплексной семьей ‘дальнее родство’ (42 ед. в 182 употр.),

свидетельствует об осознании средневековыми славянами тесной связи с предками и важности преемственности поколений. Этот уровень становится основой для дальнейших достижений, которые, в свою очередь, будут переданы потомкам. При этом важным оказывается тот факт, что среди наименований предков и потомков, а также лексем, обладающих дифференциальной комплексной семой 'относящийся к дальним родственникам', отмечается преобладание языковых единиц, связанных с наследованием по мужской линии (14 ед.), по сравнению с единицами, отражающими наследование по женской линии (3 ед.). На наш взгляд, это доказывает, что в силу патриархального уклада средневековой славянской семьи связям по отцовской линии придавалось большее значение, чем отношениям по материнской линии.

Анализ частотности лексем и УСК, связанных с принадлежностью к роду, семье (10 ед. в 98 употр.), показывает, что славяне гордились своими предками, своими корнями, ценили высокое благородное происхождение.

Языковые единицы второй группы дальней периферии сектора «Родство по крови», связанные общим семантическим компонентом 'наследование', в древнейших славянских памятниках употреблялись нечасто (10 ед. в 87 употр.). На наш взгляд, это доказывает, что в X – XI вв. понятие наследства и института имущественных отношений у средневековых славян только начинает зарождаться.

4.2. Трансформация зоны дальней периферии вербализаторов сектора «Родство по крови» по данным древнерусских памятников XII – XIV вв.

Зону дальней периферии сектора «Родство по крови» в древнерусских текстах XII – XIV вв. образуют **две группы** вербализаторов, состоящих из 68 лексем и 19 УСК в 374 и 78 употреблениях соответственно.

По сравнению с **первой группой** репрезентантов сектора «Родство по крови», функционирующей в славянских текстах X – XI вв., в древнерусских памятниках последующих 3-х веков эта группа пополнилась 11 лексемами и 6 УСК, объединёнными комплексной семой 'дальнее родство'. Это наименования предков (**баба, прабаба, дѣды и отьцы, отьчина** (одно из значений)); потомков (**вѣноучькъ, пращоуръ**); единицы, обладающие дифференциальной комплексной семой 'относящийся к предкам' (**бабинъ, отьнь, отьчь и дѣднь, отьчьствьныи**); лексема, имеющая в своей структуре дифференциальную комплексную сему 'относящийся к происхождению, роду' (**чинъ**); УСК, отражающий принадлежность роду (**родъ имѣти**); названия родовых гнёзд (**гнѣздо, дѣдина, домъ отьчества**). Таким образом, **первая группа** представлена 38 лексемами и 38 УСК в 220 и 72 употреблениях соответственно.

В восточнославянском обществе связь между предками и потомками являлась основой, столпом, на котором держалась семья. Присутствие в древнерусских рукописях обширной терминологии дальнего родства свидетельствует о значимости для русичей преемственности поколений, сохранения и передачи традиций от предков к потомкам.

Слова **отъчество** со значением 'род, семья' [СДЯ XI – XIV, т. 6, 2009: 384] и **рож(д)еник** с той же семантикой встречаем в Устюжской кормчей: **Иже развои створить или ѿ рожениа своего оубиѣтъ <...> и да послоушьствоуѣтъ кмоу. кпѣи и попове оу нихъ же ксть покаалъ къ**

роженію оубикнаго аще ли сѧ боудеть недобрѣ покалѣ то не припатъ боудеть въ вѣѣство свое [Уст. крм., 114.1л.: 26-27 – 114.2л.:1-6].

В Пандектах Никона Черногорца XIV в. используется слово **плѣмѧ**, которое с семантикой ‘род, колено’ [СДЯ XI – XIV, т. 6, 2009: 513] в составе УСК **плѣмѧ израилево** (‘израильский народ, иудеи’) продолжает употребляться в древнерусском языке: **Того ради не рече ꙗзыки ни вселеноую но плѣмена нѣзѧва** [ПНЧ, 159а].

Лексема **родъ** в значении ‘род, поколение’ [Срезневский, т. 3, 1903: 136] употреблена в Устюжской кормчей: **Глѧти мѧ роди оцѣ оца дѣдѣ. се два рода** [Уст. крм., 75.1 л.: 5-7]. Там же это слово используется в другом значении: ‘семья, родня, родственники’ [Срезневский, т. 3, 1903: 135], когда говорится о необходимости проявлять заботу и участие по отношению к своим родным и друзьям: **Вѣдѣти ко кдиномоу комоуждо ѿвѣщавати а кже своихъ другѣ ли родъ посѣщати чюже ксть нашего овѣтованиа** [Уст. крм., 61.2 л.: 12-16].

В Устюжской кормчей слово **родъ** используется в составе УСК **родъ имѣти** и УСК **добра рода**, известного по славянским рукописям X – XI вв. в значении ‘знатного происхождения, рода’: **Аще черныцѣ хвалитъ сѧ при людѣхъ ко добра родоу ксѣмь. и родъ имамъ. да сѧ поститъ ѿ дѣи и да сѧ поклонитъ ѿ заутра ѿ вечеръ** [Там же, 123.1л.: 7-10].

Общее значение родства имеет также слово **колѣно**, отмеченное в славянских текстах X – XI вв. Данная лексема в «Словаре древнерусского языка (XI – XIV вв.)» представлена несколькими значениями, среди которых есть ‘род, племя’ и развившееся в древнерусском языке значение ‘степень родства’ [СДЯ XI – XIV, т. 4, 1991: 246]. Лингвист Э. Бернекер связывает слово **колѣно** с лат. *genus* – ‘род’ [Фасмер, т. 2, 1996: 289]. В значении ‘род, племя’ данная лексема употреблена в Новгородской кормчей 1280 г.: **Брата два то двѣ колѣнѣ** [Новг. крм., 477в]. Ответственными за продолжение рода были представители мужской (отцовской) линии. Именно они давали

начало новой семье, новому роду, новому поколению. О *колѣне* как о степени родства говорится в Рязанской кормчей 1284 г.: **Различны степени. рекше колѣна** [Ряз. крм., 282б].

В древнерусских памятниках XII – XIV вв. начинают функционировать лексемы, представляющие собой наименования предков по женской линии (**баба, прабаба**), и продолжают использоваться выделенные из рукописей первого этапа наименования предков по мужской линии (**дѣдъ, прадѣдъ**). Эти две пары соотносятся друг с другом как комплементарные антонимы. Такие же отношения связывают два наименования потомков по женской линии (**вѣноука, правѣноука**) с названием потомка по мужской линии (**правѣноукъ**).

Так, в Устюжской кормчей встречаются не обнаруженные нами в славянских рукописях X – XI вв. слова **баба** в значении ‘бабушка (мать отца или матери)’ [СДЯ XI – XIV, т. 1, 1988: 102], **прабаба** ‘мать деда или бабки, прабабушка’ [СДЯ XI – XIV, т. 7, 2004: 429], а также отмеченные в ранних славянских текстах слова **вѣноука** ‘внучка’ [СДЯ XI – XIV, т. 2, 1989: 186], **дѣдъ** ‘дед, отец отца или матери’ [СДЯ XI – XIV, т. 3, 1990: 151], **правѣноукъ** ‘сын внука или внучки, правнук’ [СДЯ XI – XIV, т. 7, 2004: 444], **правѣноука** ‘дочь внука или внучки, правнучка’ [СДЯ XI – XIV, т. 7, 2004: 443] и **прадѣдъ** ‘прадед, отец деда или бабки’ [СДЯ XI – XIV, т. 7, 2004: 462-463]. «В языке и народной культуре родство относится к высшим ценностям и охраняется системой предписаний и запретов, в том числе обычным правом. Нарушение “родового закона” (прежде всего запрета на брак между кровными родственниками) расценивалось как великий грех и каралось как христианским, так и мифологическим судом» [Толстая, СД, т. 4, 2009: 441- 442]: **Аще не ѿ законьного боудеть брака не можетъ бо кто поятъ своѣ бабы нї вноуки** [Уст. крм., 75.1 л.: 16-19]; **тыща ксть мѣти и баба и прабаба подроужити мого. ни єдино же ѿ нихъ поимоу** [Уст. крм., 76.1 л.: 26-27 – 76.2 л.: 1]; **правноукою сестры своѣ не могоу оженити са**

родителю бо имамъ къ неи чинъ. ни дъщерь правноуки моѣ не поимоу [Уст. крм., 76.2 л.: 6-9]; не тѣмъ оца моѣго нѣ и дѣда моѣго и прадѣда подроужикъ мачеха глѣса и възбраню си поатию [Уст. крм., 76 1: 21-23]; ни мачеха поимаѣтъ бывшего кѣгда правноуки своѣ моужа [Уст. крм., 76.2 л.: 4-5]; а кѣже съ ближними влоудъ ко же речено кѣтъ <...> а иноѣ же съ сыновнею. ино же съ вѣноукою. а ино кѣже съ своєю дъщерню и кѣже оканьнѣ кѣтъ кѣже съ своєю мѣрю [Уст. крм., 102.1 л.: 8-27].

В Устюжской кормчей нередки языковые единицы, именующие предков: Сѣближнеѣ има кѣтъ рожествьноѣ раздѣлаѣтъ же са на три на вѣсходяща и исходяща и ѿ среды и вѣсходящен соутъ насъ рожениѣ тако се оцѣ и мѣти дѣдъ баба и сихъ вышьшен <...> ѿ среды же ни насъ рожьшен ни ѿ насъ рожени [Уст. крм., 73.2 л.: 15-24]. Судя по тексту Кормчей, славяне разделяли отношения между членами семьи на свойство и на кровную связь, от которой отходили восходящая (предки) и нисходящая (потомки) линии родства. Кроме того, в этом же памятнике даѣтся подробное разъяснение расположения степеней кровного родства, поколений, по восходящей и нисходящей линиям: И на сходящихъ оубо оудовѣ се тако же сѣтъ мои коѣго кѣтъ степенѣ. азъ родихъ се кдинъ родъ кдинъ степенѣ свѣрши. оутѣ не праваго ли кѣтъ степенѣ вноукъ коѣго. азъ родихъ сѣа сѣтъ вноука. се два рода два степенѣ свѣршиста са. то не вноукъ ли втораго кѣтъ степенѣ тоѣ же и на прочеѣ и на правноуча и ѿ правноучате тако же и на вѣсходящихъ. оцѣ коѣго кѣтъ степенѣ. мене роди оцѣ. се кдинъ родъ кдинъ ко оубо пѣрваго степенѣ кѣтъ дѣдъ коѣго. мене оцѣ оца дѣдъ. се два роды два степенѣ свѣршиста кѣтъ оубо дѣдъ втораго степенѣ тоѣ же и на мѣри и на бавѣ и на вѣсхъ вѣсходящаго моужьска полоу и женьска [Уст. крм. 74.1 л.: 22-27 – 74.2 л.: 1-14].

Продолжающие употребляться в древнерусском языке лексемы **вѣноукъ, вѣноука, правѣноукъ, правѣноука**, представляющие собой пары комплементарных антонимов, употреблены и в Рязанской кормчей 1284 г.: **Не могоу поати дщери жены моѡа. ꙗже роди ѿ перьваго моужа. ни вѣноуки ни правѣноуки жены моѡа. ни жены вѣноука ни правѣноука ѡа** [Ряз. крм., 283б-в].

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» указано, что слово *внук* является трудным в этимологическом отношении. Тем не менее, большинство лингвистов часто сопоставляют о.-с. *vъnikъ с др.-в.-нем. *ano* – ‘дедушка’, ‘предок’, *ana* – ‘бабушка’, ‘прародительница’. И.-е. корень *an- – элемент детской речи, как *at- в *ātos, *atta (*отец*). Составитель словаря предполагает, что о.-с. *vъnikъ восходит к более раннему *vъ-ni-kъ, где *ni- – корень [< и.-е.*neх- (: *noх); ср. рус. *новый*], а -k- суф. Данное образование могло значить ‘ещё одна новь’, т.е. второе поколение. Ср. латин. *innovāre* – ‘возобновлять’ [Черных, т. 1, 1999: 158].

О том, что младшему поколению следует оказывать предкам должное уважение и быть послушными их воле, свидетельствуют материалы Рязанской кормчей 1284 г.: **Ѣкончавшоу же (с) дѣдоу не весма вноуци самовластні бывають. по(д)баеть во смотриті врѣмѣ дѣдни смерти** [Ряз. крм., 302г]; **повелѣваемъ по(д) властью ему [вноукоу] быти дѣ(д)нею** [Ряз. крм., 303г]. Отношения между членами семьи по восходящей линии (дедами) и по нисходящей линии (внуками) не отличались от взаимоотношений родителей и детей. Поэтому, если семья была большая, внуки во всём подчинялись главе семейства и имели право на долю наследства деда.

В древнерусском языке XII – XIV вв., судя по дошедшим до нас рукописям, употребляется лексема **працоуръ**. В «Словаре древнерусского языка (XI – XIV вв.)» данная лексема представлена в значении ‘праправнук’ [СДЯ XI – XIV, т. 7, 2004: 481], в «Материалах к словарю древнерусского

языка» И.И. Срезневского – в значении ‘прапрадед’. В словаре дана помета: вероятно, ошибкой употреблено вместо *праправнук* [Срезневский, т. 2, 1895: 1375].

О.Н. Трубачёв признаёт существование двух прямо противоположных значений у слова *пращур*. Он пишет, что «слав. *prask(j)urъ* означает как самую дальнюю степень родства по восходящей линии (‘прапрадед’), так и самую дальнюю степень родства по нисходящей линии (‘праправнук’). Естественно, что одно из двух значений – результат вторичного переноса, на что давно и вполне справедливо указывали исследователи, считая, что исконно здесь значение ‘прапрадед’. Ср. литовск. *prakurėjas* ‘прародитель’» [Трубачёв 2006: 72-73].

Лексема *пращоуръ* с семантикой ‘праправнук’ употреблена в Рязанской кормчей 1284 г.: **Азъ роди(х) ѿна ѿнъ ро(д) вноука. се двѣ роженѣ. два степенѣ створиша <...> тако же <...> ѿ правноуцѣ или ѿ пращурѣ** [Ряз. крм., 282в]. Эту лексему вместе с единицами *въноукъ* и *правъноукъ* встречаем также в Ипатьевской летописи: **Начало княжения в Киевѣ князя великаго Дюрга сына Володимира Мономаха, внука Всеволожа, правнука гарослава, пращюра великаго Володимира, крѣстивъшаго всю землю Роускоу** [Ипат. лет., 6657 [http](http://)].

Вторую группу вербализаторов зоны дальней периферии сектора «Родство по крови» в древнерусских рукописях XII – XIV вв., объединённых семантическим компонентом ‘наследование’, обогатили 17 лексем и один УСК. Это общие наименования наследства, имущества (**вотчина / отчина, выморшина, домъ, дѣдина / дѣдьнина, дѣдичьство, дѣдьньство, дѣдьство, животъ, жизнь, житиѣ, задъница**); лексемы, называющие наследников (**вотчичъ / отчичъ, дѣдичъ, дѣдичьна, задъньчникъ**); языковые единицы, в семантической структуре которых присутствует сема ‘относящийся к наследству, имуществу’ (**радъ, вотчиньныи**); УСК с комплексной семой ‘лишение наследства, имущества’ (**отъмѣтаниѣ домоу**).

Итак, **вторая группа** содержит 27 лексем и один УСК в 154 и 6 употреблениях соответственно.

В одном из своих значений ('наследство, имущество') лексемы **вотчина / отчина, выморшина, домъ, дѣдина / дѣднина, дѣдичство, дѣднѣство, дѣдство, животъ, жизнь, житик, задъница** вступают друг с другом в синонимические отношения. Наименования наследников по мужской линии (**вотчичъ / отчичъ, дѣдичъ, заднѣчникъ**) также находятся в отношениях синонимии.

В юридических документах Древней Руси ярко отразилось наследное право восточных славян. Так, в Русской Правде имущественным отношениям между членами семьи посвящён целый раздел. В ней можно встретить слово **радъ** со значением 'распоряжение, завещание' [Срезневский, т. 3, 1903: 233] и слово **домъ** со значением 'имение, имущество' [Срезневский, т. 1, 1893: 700]: 92. **Аже кѣто оумирая раздѣлитъ домъ свои дѣтемъ, на томъ же стоати; пакы ли безъ радоу оумреть, то всѣмъ дѣтѣмъ, а на самого часть дати доуши** [РП [http](#)].

В этом же тексте в значении 'наследство' [Срезневский, т. 1, 1893: 910] употребляется лексема **задъница**: 91. **О задницѣ боарѣстѣи и о дружиньнѣи. Аже в боарехъ любо въ дружинѣ, то за князѣмъ задницѣ не идеть; но оже не боудеть сыновъ, а дѣчери возмоутъ** [РП [http](#)].

В Русской Правде есть также пункт, касающийся распределения имущества смерда после его смерти: 90. **Аже смердъ оумреть, то задъница князю; аже боудутъ дѣчери оу него дома, то дати часть на нѣ; аже боудутъ за моужемъ, то не дати части имъ** [РП [http](#)].

Статья 94-я того же юридического документа гласит: **Боудутъ ли дѣти, то чѣто первоѣ жены, то то возмоутъ дѣти матери своѣи; любо си на женѣ боудеть възложилъ, обаче матери своѣи возмоутъ** [РП [http](#)].

В 95-й статье этого юридического документа читаем: **Аже боудеть сестра въ домоу, то тои задницѣ не имати, но отдадѣть ю за мжжѣ**

братиа, како си могоуѣ [РП <http>]. В Древней Руси существовало наследование, основанное на составленном завещании, и наследование по закону (при отсутствии завещания). При наследовании по закону, т.е. без завещания, преимущества имели сыновья умершего. При их наличии дочери не получали ничего (на наследников возлагалась лишь обязанность выдать сестёр замуж).

98-я статья свидетельствует о том, что незаконные дети наследственных прав не имели, но если их матерью была раба-наложница, то они вместе с ней получали свободу : **А се о задницѣ. Аже боудуѣ робы дѣти оу мжжа, то задници имѣ не имати, но свобода имѣ с матерью** [РП <http>].

В 104-й статье Русской Правды прописано правило, по которому дети одной матери от двух мужей получали наследство от своих отцов: **Аже боудуѣ дѣвою мжжю дѣти, а одиноѣ матери, то онѣмъ свокго отьца задница, а онѣмъ свокго** [РП <http>].

О том, что наследное имущество могло быть предметом судебного разбирательства, свидетельствует пример из Златоструя: **О задьници тажемъ са и слѣгамъ заповѣдаемъ твърдо хранити вещи** [Златостр., 52 <http>].

Древнерусский язык XII – XIV вв. обогатили многочисленные производные от лексемы **дѣдъ**: **дѣдина** / **дѣдьнина** ('дедовское владение, наследие'; 'дедовский обычай, закон'), **дѣдичьство** ('дедовское наследство'), **дѣдьньство** ('дедина, право на дедовское наследство'), **дѣдьство** ('дедина, право на дедовское наследство'), **дѣдичь** ('наследник по деду'), **дѣдичьна** ('наследная владетельница, госпожа'). «Как совершенно очевидно явствует из структуры этих слов, все они первоначально представляли собой различные производные со значениями притяжательности: 'дедово (владение)', 'дедов', 'потомок деда'. Затем

довольно широко за ними закрепились значения наследования» [Трубачёв 2006: 71].

Встречающаяся в древнерусских текстах XII – XIV вв. лексема **дѣдичьна** ‘наследная владетельница, госпожа’ [Срезневский, т. 1, 1893: 783] свидетельствует о наличии у женщин в христианский период частной собственности. Это косвенно подтверждает их личное участие в финансовых и имущественных делах.

Лексемы **отъчина** в значении ‘отчина, владение, перешедшее от отца, от предков, наследственное’ [Срезневский, т. 1, 1893: 307]; **дѣдина** ‘дедовское владение, наследие’ [Срезневский, т. 1, 1893: 782]; **животъ**, одним из значений которого является ‘имение, имущество’ [Срезневский, т. 1, 1893: 869], встречаются в тексте «Духовной грамоты новгородца Остафья», датированной 1396 г.: **А приказываю животъ свои госпожѣ своей матери Онтоньи и сынови своему Ѳедору, отцыну свою и дѣдину, землю и воду, по отца своего рѣкописанью и по володѣнью** [Рукоп. Ост. п. 1396 г.].

Продолжающую функционировать в древнерусском языке XII – XIV вв. лексему **имѣникъ** в значении ‘имущество, состояние’ [СДЯ XI – XIV, т. 4, 1991: 148] находим в Устюжской кормчей: **На дѣтьхъ кдиньствова можетъ и по кдиньствѣ. раздѣлити имѣникъ свое своимъ дѣтьмъ храна. себѣ кдиноу часть же и монастырю подоваѣтъ. аще ли бесвѣщаниа оумреть тѣгда дѣти кго примоутъ бесвѣщаниа. сирѣчь девѣтоу часть дасть и прочаа дасть сѧ монастырю** [Уст. крм., 78.1 л.: 4-12].

Церковь настаивала на том, чтобы большая часть имущества передавалась монастырю, а также нищим и нуждающимся: **Десѧтиноу же ѿ всего имѣниа своего. лоучышек ѿкѣмъ дажь вѣи. съкоупи же ю дѣржи оу себе. да ѿ того дакши сиротѣ и вѣдовици и страньноу и попомъ и черньцомъ и оубогымъ** [Уст. крм. 113.2 л.: 23-27].

В Пчеле отмечено: **Бѣатьство члѣвчскоѣ имѣньемъ познавають (с), вѣра же правомъ кго** [Пчела <http>]. Неслучайно размер приданого у восточных славян определялся стоимостью имущества, которым владела семья будущей супруги: **Брачьныи даръ дати за нѧ по мѣрѣ имѣнья ихъ** [Ряз. крм., 275в].

В древнерусских памятниках также продолжает использоваться лексема **наслѣдикъ**, однако, наряду с прежним значением, в XII – XIV вв. она приобретает и иные значения. Так, в «Словаре древнерусского языка (XI – XIV вв.)» данная лексема представлена в нескольких значениях: ‘наследство, имущество, переходящее после смерти владельца новому лицу’; ‘завещание (о наследстве)’; ‘наследование, вступление в права наследования’; ‘наследие (перен.)’ [СДЯ XI – XIV, т. 5, 2002: 194]. Это подтверждается материалами древнерусских памятников XII – XIV вв. Так, в значении ‘наследство, имущество, переходящее после смерти владельца новому лицу’ слово **наслѣдикъ** встречается в Рязанской кормчей 1284 г.: **Аще же ѿ наслѣдника ѿ оцѣ и ѿ прадѣдъ <...> таковокъ что къ нимъ [причетникамъ] придетъ своя воля да имѣють въ нихъ** [Ряз. крм., 113в]. Представители клира имели право распоряжаться наследством, доставшимся им от предков. В том же документе находим: **Брат(ѧ) наслѣдоуютъ оумершаго брата** [Ряз. крм., 307а]. При отсутствии братьев имущество умершего передавалось одному из членов его семьи: **Аще же не боудеть оу ѿца кго брата дати сѧ наслѣдыкъ кго ближнемоу ѿ родоу кго и ѿ племени кго** [Ряз. крм., 258б]; **аще брата не боудеть ни братья же дѣтища прочіи иже ѿ страны сродници призывають сѧ въ наслѣдыкъ** [Ряз. крм., 307б].

Если сын был уличён в прелюбодеянии с избранницей своего отца, он лишался наследства. В Рязанской кормчей 1284 г., например, говорится: **Аще съ своею мачехою іли съ оцѧ своего наложницею смѣситъ сѧ ѿверженъ есть наслѣдыа** [Ряз. крм., 309а]. Со значением ‘завещание (о наследстве)’ лексема **наслѣдикъ** употребляется в том же памятнике древнерусской

письменности: **Зде матери написати въ наслѣды не възъбранаетъ сѧ дѣтищюу** [Ряз. крм., 302a]. Дети могли упоминать в своём завещании мать. Однако здесь речь идёт не столько о самом наследстве, сколько о некоем социальном пособии, выделяемом матери для проживания.

В Рязанской кормчей 1284 г. используется слово **наслѣдик** и с семантикой ‘наследование, вступление в права наследования’: **Аще же въ томъ възбранены бѣтъ завѣта нѣкыи ѿ родитель оумреть. и инни аще ѿ незавѣщаниа въ оумершаго въ наслѣды внидоуть** [Ряз. крм., 309в]. В этом же памятнике есть статья, согласно которой в случае смерти мужа, если семья не имела детей, его имущество отходило супруге: **Аще же та жена дѣтии ѿ него не имать повелѣваемъ и г(с)ьство праведно имѣти надъ имѣньемъ еже ѿ мужьнаго богатства къ неи прииде** [Ряз. крм., 279a].

Лексему **наслѣдникъ**, продолжающую употребляться в древнерусском языке XII – XIV вв. в значении ‘наследник (наследующий имущество или имеющий право наследования)’ [СДЯ XI – XIV, т. 5, 2002: 196], также находим в Рязанской кормчей: **Аще свѣщакъ мѹ(ж) къ свои женѣ да оумеръши еи самъ наслѣ(д)никъ боудеть еи** [Ряз. крм., 285б]. В случае смерти одного из супругов оставшийся имел право пожизненного пользования собственностью, принадлежавшей его второй половине. Это правило отражено и в Псковской судной грамоте XIV в.: **А оу которои жены мжжь помреть безъ рѹкописанїа, ино женѣ юго кормить сѧ до своѣго живота** [Пск. суд. гр., 115].

Итак, дальняя периферия сектора «Родство по крови» в древнерусском языке XII – XIV вв. образована двумя группами вербализаторов, в каждой из которых единицы связаны синонимическими (2 ряда) и антонимическими (3 ряда) отношениями.

Первая группа зоны дальней периферии сектора «Родство по крови» в древнерусских памятниках XII – XIV вв. по сравнению с аналогичной частью

ЛФП «Семья» в древнейших славянских рукописях обогатилась 17 единицами. В первую очередь стоит отметить отсутствующие в более ранних текстах наименования родственников женского пола по восходящей линии (**баба, прабаба**). На наш взгляд, это свидетельствует о некотором улучшении положения женщины в древнерусской семье и расширении её прав после принятия христианства, религиозные догматы которого предполагают равенство людей перед Богом.

Тем не менее, и в древнерусских памятниках XII – XIV вв. преобладают наименования родственников мужского пола по восходящей и нисходящей линии (13 ед.) по сравнению с наименованиями дальних родственников по женской линии (5 ед.), что является одним из признаков патриархального уклада семейной жизни восточных славян в Средние века.

В целом, первая группа вербализаторов данного сектора (59 ед.), обладающих интегральной комплексной семой ‘дальнее родство’, свидетельствует об окончательном укреплении межпоколенных связей в восточнославянском обществе и о формировании закреплённых Церковью юридических норм, касающихся взаимоотношений кровных родственников различных степеней родства. Материалы древнерусских памятников XII – XIV вв. доказывают, что преемственность поколений – один из самых важных феноменов в жизни восточнославянского общества, поскольку благодаря ему берегаются обычаи и традиции семьи, сохраняется её целостность.

Вторая группа дальней периферии сектора «Родство по крови» в древнерусских рукописях XII – XIV вв. пополнилась 18 единицами. Обогащение осуществлялось, в основном, за счёт обобщённых наименований наследства (11 ед.) и лексем, называющих наследников (4 ед.). На наш взгляд, это отражает регулирование имущественных отношений у восточных славян.

В древнерусских текстах XII – XIV вв. появляется отсутствующая в самых древних славянских рукописях лексема **дѣдичьна** (‘наследная

владельница, госпожа'). Это объясняется тем, что в Средние века имущественные права женщин были существенно ограничены. Женщины были фактически исключены из числа наследниц семейного достояния. Однако, как свидетельствуют законодательные акты Древней Руси, с принятием христианства в русском законодательстве закрепляется принцип раздельности супружеского имущества, и женщина получает возможность распоряжаться своей долей семейной собственности. Таким образом, благодаря расширению личных и имущественных прав женщины в восточнославянском обществе, она имела меньшую зависимость от мужчины и приобретала некоторую самостоятельность. Однако этимология лексем, представляющих собой общие наименования наследства (**вотчина** / **отьчина**, **дѣдина** / **дѣдьнина**, **дѣдичьство**, **дѣдьньство**, **дѣдьство**), и их производных (**вотчичь** / **отьчичь**, **дѣдичь**, **дѣдичьна**) также отражает черты патриархального уклада в семьях Древней Руси. Материалы древнерусских памятников XII – XIV вв. доказывают, что процедура наследования осуществлялась, в основном, по мужской линии: имущество отца согласно завещанию или по закону передавалось его сыновьям и лишь при отсутствии сыновей – дочерям.

В целом, вербализаторы второй группы дальней периферии исследуемого сектора подтверждают окончательное установление и укрепление в славянской семье института имущественных отношений.

4.3. Зона дальней периферии сектора «Родство по свойству», отражённая в славянских текстах X – XI вв.

Дальнюю периферию сектора «Родство по свойству» в славянских памятниках X – XI вв. составляют вербализаторы (36 лексем и 13 УСК в 282 и 38 употреблениях соответственно), связанные интегральной комплексной семьей ‘отсутствие брака’. Их можно разделить на **три группы**.

Первая группа представлена 5 лексемами и 11 УСК в 85 и 33 употреблениях соответственно с комплексной семьей ‘расторжение брака’. К ним относятся синонимичные наименования действий мужчины при расторжении брака (**отрѣшати сѧ ѡтъ жены, отъпоустити / отъпоущати женѧ, поустити / поущати женѧ**); действий женщины при разводе (**отъпоустити / отъпоущати мѧжа, поустити / поущати мѧжа**); действий обоих супругов при разводе (**распоустити сѧ, разлжчити сѧ / разлжчати сѧ**); действий третьих лиц при расторжении чьего-л. брака (**разлжчити / разлжчати**). В эту группу также входят именованья разведённой женщины (**поущеница, поущтенаѧ отъ мѧжа, потьпѣга / подъпѣга**) и УСК, представляющий собой наименование бракоразводного письма: **кѣнигы распоустѣныѣ / отъпоустѣныѣ**. Кроме того, к этой группе единиц можно отнести синонимичные УСК **съ чоуждеѧ женоѧ любодѣяти, любы творити, прѣлюбы творити / сътворити, прѣлюбы дѣяти**, поскольку подобные действия чаще всего являлись причиной распада семьи.

Во **вторую группу** объединяются 8 лексем в 83 употреблениях. В их семантике присутствует интегральная комплексная сема ‘отсутствие супруга’. Это наименования женщин, лишившихся супругов (**вдова, вдовница**); синонимичные лексемы, в значении которых присутствует дифференциальная комплексная сема ‘относящийся к вдове’ (**вдовичь, вдовични, вдовичьнии**); слова, в семантической структуре которых

основательной причины (вины прелюбодеяния), влечёт за собой другое, заставляет невинно покинутую (или покинутого) прелюбодействовать, и этот грех ложится всей тяжестью не на отпущенную (отпущенного), а на того, кто отпустил без вины, и вина его делается, таким образом, сугубою» [Лопухин, т. 1, НЗ, 2007: 126]. Эта установка была освоена и славянами, принявшими крещение.

В одной из статей Церковного устава кн. Ярослава 1051–1054 гг., содержащего юридические нормы средневековой Руси, определена сумма денежного штрафа в пользу Церкви и супруги тому, кто развёлся с ней без видимых причин: **Аще поуститъ богаринъ великъ женоу без вины, за соромъ ен •ѣ• гривень злата, а митрополитоу •ѣ• гривень злата; а нарочитыхъ люди – •ѣ• рубли, а митрополитоу •ѣ• рубли; а простои чадн – •ѣ• гривень, а митрополитоу •ѣ• гривень** [Церк. уст. кн. Яросл. http].

Развод у христиан часто оформлялся по инициативе мужа, о чём свидетельствует активное употребление в текстах X – XI вв. синонимичных лексем **поущеница**, **потъпѣга** / **подъпѣга** и **УСК поущтенага отъ мжжа** со значением ‘отпущенная, разведённая жена’ [СтСл 1994: 491].

Ф.И. Буслаев подробно рассмотрел происхождение лексемы **потъпѣга**. Её истоки учёный обнаруживает в санскрите: слав. **потъпѣга** соответствует санскр. *пунсчали*, состоящему из двух слов: *пунс* – ‘муж, самец’ и *чала* – ‘идущий,двигающийся’. Первая часть слова **потъпѣга** – **потъ-** должна означать ‘муж, господин’. Объяснением второй части слова – **пѣга** служит др.-в.-нем. *bruthlauft*, в котором выражено понятие о побеге. Таким образом, **потъпѣга** – буквально ‘убежавшая от мужа’ [Буслаев 1848: 137].

Изучением этимологии слова **потъпѣга** занимался и К.А. Максимович. Он относит лексему **потъпѣга** к моравизмам, доказывая, что «отчётливо западный диалектный характер термина демонстрируется полным

отсутствием его континуантов в южно- и восточнославянских языках, в том числе болгарском и русском» [Максимович 2005: 142].

В названиях разведённой женщины (**поушеница**, **поуштенага отъ мжжа**, **потъпѣга** / **подъпѣга**) подчёркивается её ненужность. Это свидетельствует о том, что в средневековом славянском обществе положение женщины, находящейся в разводе, было чрезвычайно низким. Действительно, Т.Б. Щепанская замечает, что разведённая женщина «оставалась вообще без определённого статуса, как бы подвешенной между ролями девицы и взрослой женщины» [Щепанская, СД, т. 4, 2009: 514].

Одно из ранних употреблений лексем **подъпѣга**, **поушеница** относится к X в. Так, в Зографском евангелии читаем: **32. ꙗже подъпѣгъ поемлетъ. прѣлюбы дѣетъ** (Мф 5: 32) Зогр 4; **9. жении сѧ подъпѣгоу прѣлюбы творитъ** (Мф 19:9) Зогр 27; **18. ꙗже жении сѧ поушеницеу отъ мжжа. прѣлюбы дѣетъ** (Лк 16:18) Зогр 117.

УСК **поуштенага отъ мжжа** в том же контексте встречается в Мариинском евангелии: **18. Вѣкъ поуштаѧи жении свои и привода ии прѣлюбы дѣатъ. ꙗже жении сѧ поуштеноу отъ мжжа прѣлюбы творитъ** (Лк 16: 18) Мар 272-273.

Взгляд мужчины на женщину с целью удовлетворить страсть, уже считался совершённым прелюбодеянием: **28. Азъ же глаголю вамъ. ꙗко вѣкъ ꙗже възьритъ на жении съ похотию. оуже любы сътвори съ нею. въ срѣдци своемъ** (Мф 5: 28) Зогр 4. При этом следует отметить, что «по ветхозаветному закону грехом был самый факт прелюбодеяния, а по учению Спасителя грех бывает и тогда, когда прелюбодеяние совершается в сердце» [Лопухин, т. 1, НЗ, 2007: 123].

УСК **поустити жении** находим в Зографском и Мариинском евангелиях: **18. Вѣкъ поуштаѧи жении свои. привода ии. прѣлюбы дѣетъ** (Лк 16:18) Зогр 117; **11. Иже аште поуститъ жении свои ꙗже оженитъ сѧ иноу прѣлюбы творитъ на ни** (Мк 10: 11) Мар 154.

Согласно тексту евангелий, если мужчина разводился с женой и женился вторично, брак считался греховным, а сам мужчина – блудником.

В Церковном уставе кн. Ярослава используется лексема **распоустити сѧ** в значении ‘развестись’: **Аще мѧжъ оженитъ сѧ иноу женоу, с староу не распоустивъ сѧ, мѧжъ тои митрополитоу оу винѣ, а молодоу въ домъ църковънын, а съ староу жити** [Церк. уст. кн. Яросл. [http](http://)]. Комментируя данный пример, М.Ф. Владимирский-Буданов пишет, что в уставе Ярослава прослеживаются следы борьбы христианства с языческим обычаем многожёнства. В частности, Церковь боролась с тем, что мужья произвольно отпускали жён, а затем вступали в брак с другими. Однако речь идёт не о двоежёнстве в действительном смысле, а о нарушении законов, регулирующих процедуру развода [Владимирский-Буданов 2005: 495].

Расторгнуть брак могла и жена, хотя, как утверждает Т.Б. Щепанская, «разводы по инициативе жены случались редко и связаны были с издевательствами мужа, вплоть до членовредительства» [Щепанская, СД, т. 4, 2009: 513].

УСК **поустити мѧжа** встречается и в Церковном уставе кн. Ярослава 1051–1054 гг., где есть статья, запрещающая женщине разводиться с мужем по причине его тяжёлой болезни: **Аще же не лихын недоугъ болитъ: или слепота, или долгая болезнь, – про то к не поупустити; такоже и женѣ не лъзе поустити мѧжа** [Церк. уст. кн. Яросл. [http](http://)].

Свидетельством о разводе служило так называемое бракоразводное письмо, *разводная* – **кѧнигы распоустѣныѧ**: **31. ѿже аште поуститъ женѧ своѧ. дастъ еи кѧнигы распоустѣныѧ** (Мф 5: 31) Зогр 4; **7. Глаголаша емоу чѣто оубо монси заповѣда дати кѧнигы распоустѣныѧ и отъпоустити ѧ** (Мф 19: 7) Зогр 27. Т.И. Вендина пишет, что у славян «существовала традиция бракоразводного письма, которое получали разведённые супруги» [Вендина 2002: 27].

Процедура развода в Средние века, как и брачная церемония, имела свои особенности. В «Толковой Библии, или комментариях на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета», можно прочитать: «Развод мог быть тайный и явный. Первый совершался в присутствии только двух свидетелей, без объяснения причин развода. Второй – торжественно и с объяснением причин развода на суде» [Лопухин, т. 1, НЗ, 2007: 42].

Кроме того, развод мог быть оформлен без разводного письма путём тайных переговоров, несмотря на то, что это было противозаконно. Подобные случаи нашли отражение в письменных памятниках X – XI вв. Так, в Церковном уставе кн. Ярослава предусмотрено наказание за самовольный, тайно совершённый развод без разводного письма: **Аще мжжь и с женоуж по своен воли распоустать сѧ, митрополитоу 12 гривень; а боудуть невѣнчальныи – митрополитоу 6 гривень** [Церк. уст. кн. Яросл. [http](#)]. Я.Н. Щапов замечает: «В X–XI вв., когда венчание в церкви не стало еще общераспространенным явлением, власти стремились сохранить не только церковный, “законный” брак, но и тот, в заключении которого церковь не принимала участия и который осуждала» [Щапов [http](#)].

Развести супругов могли и третьи лица, о чём говорят лексемы **разлжчити** и **разлжчати**. В Церковном уставе кн. Ярослава указаны причины, по которым между супругами мог быть оформлен развод. Во всех представленных примерах брак расторгался по вине жены: **А теми винами разлжчити мжжа съ женоуж: Аще оуслышитъ жена отъ иныхъ людей, чѣто доумажтъ на царѧ или князѧ, а она мжжоу свокмоу не скажетъ, а опосле обѣяснитъ сѧ, – разлжчити** [Церк. уст. кн. Яросл. [http](#)].

Другой причиной развода согласно уставу было прелюбодеяние со стороны жены: **Аще застанеть мжжь своѧ женоу съ прѣлюбодеемъ или како оучинить на нее исправоу съ добрыми послоухы, – разлжчити** [Церк. уст. кн. Яросл. [http](#)]. Т.Б. Щепанская пишет, что «прелюбодеяние жены считалось бóльшим грехом, чем измена мужа, ответственность за которую

ложилаь частично и на жену: она должна была приложить все усилия, чтобы удержать мужа» [Щепанская, СД, т. 1, 1995: 59].

В Уставе указан ещё ряд причин развода супругов: **Аще жена без своего мжжа иметь ходити, или пити, или пасти, а опрочь своего домоу иметь съпати, а потомъ обѣяснитъ сѧ, – разлжчити; аще иметь жена ходити по игрищамъ или во дъни, или въ нощи, а мжжъ иметь оуспичивати, а она не послоушаєтъ, – разлжчити; аще ведеть жена мжжа своего покрасти клетъ или товаръ, или сама покрадетъ да инымъ подаете, или иметь ведати, чѣто хотѧтъ църковь покрасти, а она мжжоу своему не скажетъ, – разлжчити; аще доумаетъ жена на своего мжжа или зеликмъ, или иными людьми, или пакъ иметь ведать, чѣто хотѧтъ мжжа еѧ оубити, а она мжжоу своему не скажетъ, а опосле обѣяснитъ сѧ, – разлжчити** [Церк. уст. кн. Яросл. [http](http://)].

Языковые единицы, характеризующие действия при разводе (**отрѣшати сѧ ѡтъ жены, отъпоустити мжжа, распоустити сѧ** и др.) противопоставлены лексемам и УСК, отражающим процедуру заключения брака (**приводити женѧ, женити сѧ, посагати, съпраци сѧ** и др.).

Многократное употребление в памятниках X–XI вв. языковых единиц, в семантике которых присутствует комплексная сема ‘отсутствие супруга’, свидетельствует о том, что, помимо разводов, частым явлением в Средневековье было вдовство. Вдовство, несомненно, появилось после установления института брака. Особый интерес представляет лексема **ВДОВА**. Известный лингвист О.Н. Трубачёв пишет об удивительном факте, отмеченном А.В. Исаченко: «При матриархате не было ещё потребности в таком термине, как *вдова*, поскольку смерть мужа (= одного из мужей) на положении женщины никак не отражалась: она оставалась женой братьев умершего» [Трубачёв 2006: 113]. Термин *вдова* стал актуальным лишь тогда, когда оформился парный брак. Возникло данное слово в эпоху патриархата. Сама лексема **ВДОВА** «является общеславянской и носит индоевропейский

характер. Первоначальное значение – ‘лишённая’ (мужа). Ср. латинское *viduus* – ‘лишённый чего-либо, не имеющий чего-либо’, жен.р. *vidua* – ‘вдова’» [Шанский 2005: 34].

Интересно, что в славянских памятниках X – XI вв. лексема *вдовец* не встречается. На наш взгляд, это связано с тем, что во времена язычества многожёнство считалось обычным явлением, нормой. Если умирала одна из жён, то это никак не сказывалось на положении мужчины. Следы языческих верований сохранялись на Руси длительное время, несмотря на активную борьбу с ним Церкви. И лишь когда на Руси под влиянием христианства укрепляется единобрачие, тогда и само понятие *вдовец* становится актуальным.

Слово **ВЪДОВА** находим в Супрасльской рукописи в главе «**Іѡанна златоустааго слово отъ тълкованиа еѡаггелиа паже отъ матрїеа о десяти дѣвицъ и о талантѣхъ глаголаю кѣтъ въ свѣтъи въторникъ**»: **Можеши и кднѣмъ добро сътворити. не бо кси оноа вѣдовы оубожан. нѣси петра и ѳѡанна грѣблѣи иже и грѣби и некнижъници бѣша** [Супр 378: 25-29]. Эта лексема встречается и в Зографском евангелии: **37. ѿ та вѣдова до осми десѣтъ ѿ чѣтырь лѣтъ бѣже не отъхождааше отъ црѣкѣве постомъ ѿ молитвами слоужашти днь ѿ ношть** (Лк 2: 37) Зогр 85. Интересно отметить, что лексема **вдовица** встречается в славянских текстах X – XI вв. чаще, чем лексема **вдова**. Видимо, это связано с эмоционально-экспрессивной окраской слова **вдовица**, подчёркивающей, что к вдовам относились с состраданием, поскольку такие женщины, потеряв мужа, лишались кормильца. Так, в «**Чоудотворении свѣтааго конона**» читаем: **вдовици** **коки оубозѣ снѣ иночадѣ кд’наче съсы. кгоже носашти въ пазоусѣ мати кмоу. въ врѣмѣ жатвѣ шѣдѣши да съберетѣ класы на пиштѣ себѣ** [Супр 43: 12-15]. В Изборнике Святослава 1076 г. в одном из наставлений отца сыну есть и такое, которое касается отношения к вдовам, оставшимся без попечения супруга: **Оубогыиныхъ**

посѣштанѣ. въдовицѣ заштиштанѣ. немошъныѣ милоуѣта. и
осоужажмыѣ вѣс правды измѣта. миръ имѣта съ вѣсѣми [Изб.1076,
111.2: 7-12]; болаштихъ посѣштанѣ. старыѣ оутѣшанѣ. оубогыѣ напитаѣ.
скърбаштанѣ оутѣшанѣ. заблоужышанѣ накажи. въдовицамъ
помошъныи боуди. мъртъвыѣ погрѣван [Там же, 114.2: 4-11].

Притяжательное прилагательное въдовичъ употребляется в
произведении «Іѡанна златооустааго слово въ великѣ срѣдѣ»: Оубогыѣ
трепезы въдовича не похочѣли [Супр 395: 26].

В семантической структуре языковых единиц третьей группы можно
выделить интегральную комплексную сему 'отсутствие брака'.
А.В. Терещенко отмечает: «Апостол Павел определил и священникам иметь
по одной жене» [Терещенко 2001: 140]. Тем не менее, некоторые отшельники
и приверженцы христианской веры сознательно отказывались от брачных уз.
Так, в произведении «Тогожде Іѡанна златооустааго слово отъ
тълкованиѣ еѡаггелиѣ ꙗже отъ матѣѣ» сказано: То почѣто оубо та
притча цѣсарѣ въводитъ онъ же невѣстѣника. да навъкънешѣ како
приспѣкъ о дѣвицахъ имать христосъ ꙗже съштанѣ раздаваѣтъ то кѣтъ
и дѣвѣство. тѣмже и паулъ тѣ полагаѣ оуставъ вѣшти непосагъшиѣ
бо печетъ сѣ о ѣи рече иже на доброобразноу и благоприлежноу къ
господи бѣ съмжштенѣ [Супр 375: 21-28]. В «Старославянском словаре
(по рукописям X – XI вв.)» лексема непосагъшиѣ представлена с
семантикой 'незамужняя' [СтСл 1994: 482].

В тексте XIII слов Григория Богослова употреблена лексема
безмжжикъ, отмеченная в «Материалах к словарю древнерусского языка»
[Срезневский, т. 1, 1893: 59]: Чѣто сѣ коравльнокъ тебѣ жито и лихокъ
брѣмѣ ꙗже безмжжию оучитель? [Сл. Гр., 262 β]. Лексемы дѣваѣ,
безмжжнѣѣ, бѣспосагаѣ, непосагъшиѣ, безневѣстѣнѣѣ и слова
безженьць, неженатыи, не женащии сѣ, неоженивыи сѣ, не обржченъ
по отношению друг к другу выступают комплементарными антонимами.

Также эти 2 ряда единиц противопоставлены наименованиям лиц, находящихся в браке (**мжжатица, подроужик, жена, мжжь** и др.).

Анализ вербализаторов дальней периферии сектора «Родство по свойству» в славянских памятниках X – XI вв. показал, что единицы данного сектора, находятся друг с другом в синонимических (11 рядов) и антонимических (3 ряда) отношениях. Наиболее значительной по количеству и частотности употреблений является группа вербализаторов, обладающих интегральной комплексной семой ‘отсутствие брака’ (25 ед. в 119 употр.). На наш взгляд, это связано с тем, что в Средние века многие наиболее строгие приверженцы христианской веры сознательно отказывались от земной жизни, важное место в которой занимала семья, и посвящали свою жизнь служению Богу.

После принятия христианства брачно-семейные отношения были переданы под регламентацию Церкви, считавшей брак священным и нерушимым. Однако выделенные из славянских памятников X– XI вв. лексемы и УСК, отражающие процесс расторжения брака (16 ед. в 118 употр.), свидетельствуют о том, что разводы не были редкостью у средневековых славян.

Несмотря на то, что в Средние века часто практиковались самочинные разводы, свидетельствующие о сохранении языческих традиций в семейной жизни, с принятием христианства процедура расторжения брака начала приобретать цивилизованные очертания. Об этом свидетельствует выделенный из древнейших славянских текстов УСК, представляющий собой наименование бракоразводного письма (**кънигы распоустъныѣ / отъпоустъныѣ**), которое выдавалось церковными властями супругам, расторгнувшим брак. УСК, характеризующие действия мужчины при разводе (3 ед. в 20 употр.), доказывают, что, как правило, решение о разводе принимал мужчина, занимавший доминирующее положение в семье.

4.4. Обогащение зоны дальней периферии вербализаторов сектора «Родство по свойству» по данным древнерусских памятников XII – XIV вв.

Дальнюю периферию вербализаторов сектора «Родство по свойству» в древнерусских текстах XII – XIV вв. организуют 40 лексем и 28 УСК в 341 и 112 употреблениях соответственно. В этой зоне обнаружены **три группы** лексем и УСК.

Первая группа вербализаторов с интегральной комплексной семой 'расторжение брака' представлена 6 лексемами и 22 УСК в 141 и 102 употреблениях соответственно. Она обогатилась одной лексемой и 11 УСК. Это наименования разведённой женщины (**изгънанага, оставленага мжжѣмь**), синонимичные УСК, именующие действия мужчины при расторжении брачного союза, – **изгънати женж, оставити женж, разлжчати сѧ отъ жены, отължчити сѧ отъ жены, раздрѣшити сѧ отъ жены, отъстжпити (отъ) жены**; действия женщины при разводе – **оставити мжжа, разлжчати сѧ отъ мжжа, отължчити сѧ отъ мжжа**. В этой **группе** появился УСК **прѣвыти без мжжа**, характеризующий положение женщины после расторжения брака.

Н.Л. Пушкарёва пишет: «Древнерусское бракоразводное право также возникло вместе с принятием христианства и распространением венчального брака, и, хотя светские власти неоднократно вмешивались в эту сферу деятельности церкви, именно церковь являлась монопольным регулятором его развития» [Пушкарёва 1989: 80]. В многочисленных кормчих, относящихся к XII – XIII вв., наряду с идеей божественности, а потому нерасторжимости брачных уз, пропагандируемой Церковью, всё же указывались причины возможного развода супругов.

Инициатором развода в Древней Руси, как правило, являлся муж. Так, УСК **изгънати женж** и **отъпоустити женж** в значении 'развестись'

упоминается в Устюжской кормчей: Попъ ли. дѣяконъ своѣя жены говѣниа ради да не изгонитъ. аще ли ѿпоуститъ ю да ѿлоучитъ сѧ ѿ цркви [Уст. крм.: 27.1 л.: 1-3]. Священнослужителям в Древней Руси дозволялось вступать в брак, но если они решались на развод, не связанный с изменой супруги, то отлучались от Церкви. Подобному наказанию подвергались и простые христиане, расторгнувшие брак и вновь оформившие брачные отношения: Аще простыць свою женоу изгнавъ иноу поиметь или ѿ иного поущено. да ѿвѣрженъ боудеть [Уст. крм.: 120.1 л.: 13-15]. Напротив, в Новгородской кормчей 1280 г. читаем: А вже ѿ попа или ѿ дѣякона попадаѧ сътворитъ прелюбы а поустивъ ю рече(ч) дѣржати свои санъ [Новг. крм., 530б]. Если супруга священнослужителя совершила грех прелюбодеяния, ему позволялось с ней развестись, и при этом своего духовного сана он не лишался, поскольку «с точки зрения христианства, только смерть одного из супругов или прелюбодеяние жены освобождали другого супруга от уз брака» [Омельяничук <http>].

УСК оставити женѧ используется в Ефремовской кормчей: Оставляѧи оубо законно съчетаѧшюся с нимъ женоу и иноу приведеъ. по гню осужению. прѣлюбодѣника повиннъ ксть соуду [Ефр. крм., 196б]. В Новгородской кормчей находим УСК отъстѣпити (от) жены: Аще оубо мужъ ѿстоупивъ жены къ друзѣи придетъ. и тѣ прелюбодѣиць. и живущиѧ с нимъ прелюбодѣица зане чюжего мужа к себе пристави [Новг. крм., 532а].

Если поводы к разводу были иные, чем измена, то, тем самым, согласно христианскому учению разведённой стороне предоставлялась возможность прелюбодействовать: Аще кто ѡставитъ женоу развѣлюбодѣяниа творитъ ю прелюбодѣицю [Уст. крм.: 40.1 л.: 27 – 40.2 л.: 1-2]. Тем не менее, в Устюжской кормчей предусмотрены случаи, когда супруги могли расторгнуть брак: Разлоучаеъ сѧ мужъ ѿ жены своѣя за таковыи грѣхъ <прѣлюбодѣяниа> и аще обличить сѧ проказу кою дѣющи

животоу кго ли ины кыа злобы нъ моужю очищшыю не исповѣсть кмоу и аще в недоугъ въ прокажнъ впадетъ [Уст. крм.: 61.1 л.: 5-11]; паки же разлоучають сѧ жена ѿ моужа свокго. аще кою проказоу творилъ боудеть ки. ли иного чюа не исповѣсть ки и аще въ прокаженъ недоугъ впадають и аще кtero чьто ѿ нею ключить сѧ прежде шьствиѧ въ злоу пазю впадають [Там же: 61.1 л.: 12-18].

Синонимичные УСК поущенаѧ отъ мжжа и оставленаѧ мжжемъ, имеющие значение ‘разведённая женщина’, встречаются в древнерусских текстах XIII в.: Сего ради поущенаѧ ѿ мжжа. прѣбывати безъ брака должна ксть [Ряз. крм., 1846]. Повторное оформление брачных отношений Церковь запрещала не только женщинам, но и мужчинам: Оставленаѧ моужемъ тако пребывати дѣльна ксть. рече бо ꙗко [Уст. крм.: 40.1 л.: 25-26]; въ томъ же пребываите привазаки ли сѧ женѣ. радрѣшилъ ли сѧ кси ѿ жены не ници жены [Там же: 140.2 л.: 6-9].

Лексему изъгнанаѧ в значении ‘разведённая женщина’ находим в Пандектах Никона Черногорца: іже вдовоу поимъ или изгнаноую или иного или равоу не можетъ быти еп(с)пъ [ПНЧ, 416].

В Устюжской кормчей утверждается, что по церковным законам грешником объявлялся и простой христианин, женившийся на разведённой женщине: Тѣмъ же иже поущеницю поиметь прелюбодѣи по словеси гнѣю [Уст. крм.: 140.2 л.: 4-5].

В древнерусских источниках есть информация о том, что женщины также могли расторгнуть брак. Так, УСК оставити мжжа, характеризующий действие женщины при разводе, находим в Устюжской кормчей: Оставлениѧ моужа прелюбодѣица ксть [Уст. крм.: 68.2 л.: 6-7]. Здесь же употреблён УСК отѣлжчити сѧ отъ мжжа: Аще оубо павить сѧ ѿ моужа без вины ѿлоучиши сѧ онъ оубо милости ксть достоинъ [Там же: 68.2 л.: 16-18]. В Древней Руси имело место расторжение брака без вины одного из супругов, хотя Церковь и определила за это наказание. Н.Л. Пушкарёва

замечает: «“Роспуст”, или самовольный развод <...> был объектом борьбы как Церкви, так и княжеской власти. Примечательно, что самовольный уход из семьи практиковался на Руси и мужчинами, и женщинами» [Пушкарёва 1989: 83]. В Устюжской кормчей используется и УСК **прѣвыти без мѣжа**, называющий состояние женщины после расторжения брака: **Женѣ ѿ мѣжа не ѿлоучати сѧ аще ли ѿлоучити сѧ то да превоудеть без мѣжа. аще ли то съ своимъ мѣжемъ съмирить сѧ** [Уст. крм.: 140.2 л.: 1-3]. Жена, составляющая с супругом одно целое, согласно христианскому учению не должна с ним разлучаться. Однако если же это происходило, она обязана была пребывать в положении разведённой женищины. Это касалось и мужчины, расторгнувшего брак: **Малъженца распоущающасѧ аще не смиритасѧ да пребываетъ тако. аще ли же ни къ покаитию да поноужена боудетъ** [Ряз. крм., 131а].

В древнерусских текстах XII – XIV вв. продолжают функционировать языковые единицы, которые встретились нам в славянских рукописях X – XI вв. Таков УСК **кѣнигы отъпоустыныѣ** в значении ‘грамота, подтверждающая развод’ [СДЯ XI – XIV, т. 4, 1991: 355]: **Законъ бѣ лежа ветхыи. възненавидѣвшемоу женоу свою коко ради вины невѣзбранно изъгнати. но не тако просто законъ се повелѣ. но давши ки книги ѿ(т)поустыныа** [ПНЧ, 386-в]. По церковным законам после официального расторжения брака супругам обязательно выдавался специальный документ – бракоразводное письмо, однако, как отмечает С.В. Омелянчук, «после принятия христианства на Руси сохранялась и языческая практика самовольного расторжения брака» [Омелянчук <http>], с которой боролась Православная Церковь.

Одним из тяжких грехов православная религия считает прелюбодеяние. По этой причине Церковь допускает расторжение брачного союза. Это правило отразилось в восточнославянских памятниках XII –

XIV вв., где сообщается: **Аже ли жена ѿ мужа со инымъ то мужъ не виноватъ поуска ю** [Новг. крм., 531г].

По вине прелюбодеяния супруги священнику также полагалось с ней развестись. В случае же отказа от развода он мог лишиться своего сана: **Аще ли по сщ҃ни жена прелюбы створить. да ѿпоустить ю. аще ли не ѿпоустить то не можетъ быти щ҃никъ** [Уст. крм.: 40.1 л.: 15-18].

Если священнослужитель решал развестись с супругой, поверив клевете, или же вообще не хотел вступать в брак, то он лишался своего сана: **Въсхотѣвъшаго же извѣтомъ бл҃говѣриа свою женоу поустити. ѿлоучити повѣлеаетъ и по томъ неисправлена пребывающа. рекъше не хотѣща поатиса. извѣрѣши ѿ сана по ап(с)лкомоу патомоу правилоу** [Ряз. крм., 146а-б].

Если жена церковнослужителя при вступлении с ним в брак уже была лишена девственности, это должно было служить поводом к разводу: **А вже дыакъ поиметь женоу и оугрозумѣтъ аже ксть не дѣвка. Поустивъше ре(ч) тоже стати** [Новг. крм., 530б]. Интересно отметить, что в Древней Руси «сохранение невинности до брака закон не рассматривал как условие для его заключения. Девственности церковный закон требовал лишь от будущих жён представителей клира, а с людей мирских предписывал лишь взимать штраф в том случае, если “замуж пошла нечиста”» [Пушкарёва 1989: 76].

У восточных славян не допускался брак с рабой, поэтому и светский, и церковный законы предусматривали за подобный союз, который, безусловно, расторгался, суровую кару: **Иже коупить робу свою поиметь женѣ себе. по законоу людьскомоу носъ има обѣма оурѣзаютъ и разлоучити га. а по цр҃квьномоу законоу разлоучити га и въ постъ еї лѣтъ да дакта сѧ** [Уст. крм.: 56.2 л.: 23-26 – 57.1 л.: 1-2]. В Устюжской кормчей в качестве одной из причин развода супругов указано отречение мужа или жены от мирской жизни: **Аще ли съ ставшю сѧ бракоу мужъ єдинъ или жена єдина**

внидѣть въ манастирь да раздрѹшитъ сѧ бракъ [Уст. корм.: 82.1 л.: 18-21].

Вторая группа языковых единиц сектора «Родство по свойству» в древнерусских текстах XII – XIV вв., обладающих интегральной комплексной семой ‘отсутствие супруга’, содержит 10 лексем и один УСК в 98 и 4 употреблениях соответственно. По сравнению с аналогичной группой в славянских рукописях X – XI вв. она пополнилась двумя лексемами и одним УСК. Так, УСК **сѣдѣти по мѣжи** со значением ‘остаться вдовой’ используется в древнерусском своде законов Русская Правда: **93. Аже жена сѣдетъ по мѣжи, то на ню часть дати, а что на ню мѣжь възложитъ, томоу же ксть госпожа, а задница ѿ мѣжни не надобѣ** [РП [http](http://)].

В Пандектах Никона Черногорца XIV в. отмечено, что апостол Павел разрешал вдовам вновь выходить замуж. Прежде всего, это касалось женщин, потерявших супруга в юном возрасте. Однако церковные власти считали такой брак греховным и не одобряли его: **Како павелъ възбранилъ въдовъствовати рече. и хотѣщимъ о҃нымъ тако пиша. о҃ныхъ же вдовиць ѡ(т)рѣцѣи сѧ не ꙗко павелъ хотѣщимъ въдовъствовати възбрани но оны павла поноудиша. не хотѣща сего о҃чинити закона. ꙗгда бо расверѣпоуѹтъ ѡ(т) х(с)а и за моу же хотѣть видиши ли не вдовѣти хотѣщимъ рече но еже моужю хотѣти по вдовѣствѣ бранитъ онъ** [ПНЧ, 39в]. Это находит своё подтверждение и в тексте Рязанской кормчей 1284 г.: **Аще идеть за мѹжь вдовица. да прѣзрима боудеть ѡ(т)толѣ. да не възметъ потребы ѡ(т) цр҃кве** [Ряз. крм., 180а]. Однако в действительности подобные брачные союзы были нередки. В этом же документе встречается лексема **въдовыць**, не встречающаяся нам в славянских памятниках X – XI вв.: **Аще же вдовыць оженитсѧ. токмо двоженъца запрѣщениѣ да прииметь** [Ряз. крм., 180а].

Лексемы **вдова** и **вдовица**, выступающие комплементарными антонимами по отношению к слову **въдовыць**, продолжают активно

употребляться в древнерусских памятниках XII – XIV вв. Так, в Устюжской кормчей читаем: **Вѣдовици** же избранѣи въ число **вдовѣ** сирѣчь слоужащи подѣ црѣвью соуди аплѣ павель. полагаючи презорнѣ быти [Уст. крм.: 25.1 л.: 11-14]; градъскыи кпискоупѣ црквыными вещьми печеть сѧ ли сирыимъ и **вдовицамъ** ими же нѣкто пека сѧ или чемъ паче тревожущимъ црѣвныа помощи страха ради гнѧ аще ли престоупати оуставленаа начнеть прочеѣ таковыи црѣвнымъ запрѣщеникмъ да боудеть повиннѣ [Там же: 64.1 л.: 20-27 – 64.2 л.: 1-2]. Женщинам, потерявшим мужа, лишённым его опоры и защиты, на Руси всегда оказывалась поддержка со стороны Церкви. О вдовах и сиротах также старалось проявлять заботу государство: **Весна оукрашакъ цвѣты землѣ, а ты оживлякши всѧ человѣкы милостнѣ своиѣ, сироты и вдовици, отъ вельможъ погроужакмы** [Сл. Дан. Зат. [http](http://)]. Судя по тексту Рязанской кормчей, действительным статусом вдовы обладала только лишённая супруга женщина, достигшая определённого возраста: **Аще же котораа вдовица не имать ѡ лѣтъ. не подобакъ ки въ чинѣ вдовицъ вѣчисти** [Ряз. крм., 180а-б].

Третья группа языковых единиц дальней периферии сектора «Родство по свойству», обладающих интегральной комплексной семьей ‘отсутствие брака’, состоит из 24 лексем и 5 УСК в 102 и 6 употреблениях соответственно. Она пополнилась в XII – XIV вв. одной лексемой и тремя УСК (**дѣвѣствынаа, отърекати сѧ посага, примати безбраченик, дѣвичьскыи чинѣ**).

Так, лексема **дѣвѣствынаа** в значении ‘то, что свидетельствует о девственности’ [СДЯ XI – XIV, т. 3, 1990: 150] встречается в Рязанской кормчей 1284 г.: **Аще кѣто поиметь женю и сведеть на ню слово лоужавно глѧ женю сию поухъ и пристоупль к неи. не шербѣтоухъ еѧ дѣвѣства и мѣрь кѧ изнесета дѣвѣствынаа еѧ прѣдъ старца въ врата граднаа** [Ряз. крм., 260а-б].

УСК отърекати сѧ посага находим в Устюжской кормчей: И поклѹющимъ дѣоу завѣщаваемъ. се жены нѣ ноужьно преже исповѣдати намъ ксть. тако дѣа наричетъ сѧ ꙗ же сама себе пороучи бѣи и ѡрекъши сѧ посага и чьстьноу житиу извольши исповѣдания же тѣгда расматраемъ [Уст. крм.: 33.1 л.: 1-7]. В этом же памятнике встречается и УСК примати безбраченик: Моужьскъ же исповѣдани же не оувѣдѣхомъ развѣ аще и етери себе въ чинъ мнишьскыи причѣли боудутъ иже по мълчимомоу примати безбраченик. ѡбаче потѣхъ се непѣщюю преже мнѣти. подобаетъ въпрашати ихъ и примати ѡ нихъ исповѣданик твърдо [Там же: 33.2 л.: 1-9].

УСК дѣвичьскыи чинъ, имеющий значение ‘монашеский чин девственниц’ [СДЯ XI – XIV, т.3, 1990: 149], использован в Пандектах Никона Черногорца: Волею себе приводящую ѣви и дѣвство цѣловавѣшюю семок на десѣте лѣто къ дѣвичьскоуоумоу причисти чиноу възакони [ПНЧ, 16а].

В древнерусских текстах XII – XIV вв. также продолжают употребляться единицы, представленные в аналогичной группе исследуемого сектора в славянских памятниках X – XI вв. Так, лексему необръченѧ, называющую незамужнюю девушку, находим в Пандектах Никона Черногорца, где порицается мужчина, вступивший в интимные отношения с невинной девушкой: Аще кто дѣоу необроученоу ноудивъ имѣти. ѡлоучаетъ сѧ [ПНЧ, 40в].

Слово дѣвица с семантикой ‘не вступившая в брак, девушка’ [СДЯ XI – XIV, т. 3, 1990: 148] встречаем в Новгородской кормчей 1280 г., где говорится о наказании девушки, совершившей прелюбодеяние в добрачном возрасте: Аще каѧ дѣца варивши годиноу брачноу дасть сѧ на блѹдъ неѡславноу моукоу приметъ ѡ(т) закона [Новг. крм., 375а]. Поэтому церковные власти считали блудный грех, совершённый девушкой, более тяжким, чем подобное прегрешение вдовы: Вънимати испытно мысляю

павляющисѧ вещи книжномоу. ꙗко же мощно изъ вѣрѣсти ѿ послѣдства. вдовство бо дѣвства тѣмъ же и вдовичъ грѣхъ велимни кѣтъ двѣйскаго [Уст. крм.: 32.1 л.: 25-28 – 32.2 л.: 1-2].

В Устюжской кормчей встречаем комплементарные антонимы **неоженивыи сѧ** в значении ‘не состоящий в браке’ и **непосагъшии** с семантикой ‘незамужняя’. Люди, оформившие брачные отношения, заняты мирскими заботами, связанными с семейной жизнью. Напротив, решившие принять монашеский постриг посвящают свою жизнь служению Господу, отрекаясь от всего земного: **Не ѡженивыи сѧ то печеть сѧ ѡ гѣскихъ како оугодити гѣи. а ѡженивыи сѧ печеть сѧ ѡ мирскихъ како оугодити женѣ и жена не посагъшии и дѣца печеть сѧ ѡ гѣскихъ да боудеть сѧ и тѣломъ и дхѣмъ. а посагъшии печеть сѧ ѡ мирскихъ како оугодити моужевѣ** [Уст. крм.: 140.2 л.: 11-19].

Слово **дѣвствовати** в значении ‘пребывать в безбрачии’ [СДЯ XI – XIV, т. 3, 1990: 150] употреблено в Ефремовской кормчей, где осуждаются лица, не вступающие в брак по какой-либо иной причине, кроме духовного единения с Господом: **Аще кѣто дѣвствоукѣтъ или въздржитъ сѧ ꙗко отъ мързѣкныхъ женитвъ ошѣдъ а не того ради добрааго и сѧааго дѣвства да боудеть проклатъ** [Ефр. крм., 88а].

Анализ трёх групп вербализаторов дальней периферии сектора «Родство по свойству» в древнерусских памятниках XII – XIV вв. позволил сделать некоторые выводы.

Языковые единицы, обогатившие данную часть ЛФП, в каждой из представленных групп вступают друг с другом в синонимические (3 ряда) и антонимические (2 ряда) отношения.

Первая группа вербализаторов с комплексной семой ‘расторжение брака’ по сравнению с аналогичной частью ЛФП «Семья» в древнейших славянских рукописях обогатилась 12 единицами. Пополнение происходило, в основном, за счёт наименований разведённой женщины (2 ед.) и УСК,

называющих действия мужчины при расторжении брака (6 ед.), что, на наш взгляд, подтверждает ведущую роль мужчины при разводе, который по-прежнему сохранял статус полновластного главы семьи.

Высокая частотность функционирования в древнерусском языке наименований разведённой женщины (5 ед. в 67 употр.), а также редкие упоминания наименований разведённого мужчины свидетельствуют о том, что последствия развода, касались, в основном, положения женщины в обществе. Тем не менее, наличие в древнерусских текстах XII – XIV вв. УСК, называющих действия женщины при расторжении брака (5 ед.) свидетельствует о некотором расширении личных прав женщины в семейной жизни.

Процедура развода у восточных славян регулировалась церковными властями, однако, как показывают рукописи XII – XIV вв., в Древней Руси сохранялась языческая практика самовольного расторжения брака без основательных причин и без удостоверяющего развод документа – разводного письма. С введением христианства и переходом брачно-семейных отношений под юрисдикцию церковных властей причины развода были урегулированы и отмечены в юридических документах. Одним из главных поводов для развода, как и в X – XI вв., было прелюбодеяние.

Тем не менее, древнерусские памятники XII – XIV вв. подтверждают известное по другим источникам положение о том, что, несмотря на случавшиеся разводы, брачный союз и семья всегда оставались фундаментальным институтом восточнославянского общества, придававшим ему экономическую, социальную и духовную стабильность.

Во второй группе вербализаторов зоны дальней периферии сектора «Родство по свойству» в древнерусских памятниках XII – XIV вв., обладающих комплексной семой 'отсутствие супруга', появилась не употреблявшаяся ранее в славянских рукописях X – XI вв. лексема, представляющая собой наименование разведённого мужчины (**вдовецъ**). На наш взгляд, это связано с начавшимся процессом ухода в прошлое широко

практиковавшихся в Средние века языческих традиций многожёнства и института наложничества, когда смерть супруги или наложницы не влияла на изменение социального статуса мужчины. Однако после принятия восточными славянами христианской веры у них постепенно закрепляется моногамный брак и основной формой семейной организации в восточнославянском обществе становится нуклеарная семья.

Третья группа вербализаторов дальней периферии сектора «Родство по свойству» в древнерусских текстах XII – XIV вв., обладающих комплексной семьей ‘отсутствие брака’, по сравнению с аналогичной частью ЛФП «Семья» в славянских памятниках X – XI вв. пополнилась четырьмя единицами. Анализ 29 языковых единиц данной подгруппы свидетельствует о том, что христианским идеалом служения Богу у восточных славян являлось безбрачие. Однако по установлению Церкви этот путь предназначался лишь избранным, для остальных брак не был грехом. Более того, судя по материалам древнерусских текстов XII – XIV вв., создание семьи не только не вступало в противоречие с духовным предназначением человека, но и способствовало его полноценной реализации в социуме.

Выводы по IV главе

Зона дальней периферии ЛФП вербализаторов концепта «Семья» в славянских рукописях X – XI вв. представлена 93 лексемами и 55 УСК в 867 и 194 употреблениях соответственно, в древнерусских памятниках XII – XIV вв. – 126 лексемами и 67 УСК в 968 и 272 употреблениях соответственно. Таким образом, дальняя периферия исследуемого ЛФП обогатилась 33 лексемами и 12 УСК.

В каждой из групп и подгрупп вербализаторов двух секторов, составляющих дальнюю периферию ЛФП концепта «Семья» в славянских памятниках X – XIV вв., словные и сверхсловные языковые единицы вступают друг с другом в синонимические (21 ряд), антонимические (8 рядов) и гиперо-гипонимические (1 ряд) отношения. Языковые единицы дальней периферии исследуемого ЛФП имеют, в основном, общеславянское происхождение.

Дальнюю периферию сектора «Родство по крови» в славянских рукописях X – XI вв. формируют две группы вербализаторов, объединённых комплексной семьей 'дальнее родство' (40 лексем и 32 УСК в 231 и 45 употреблениях соответственно), в древнерусских памятниках XII – XIV вв. – 68 лексем и 19 УСК в 374 и 78 употреблениях соответственно.

Анализ вербализаторов зоны дальней периферии сектора «Родство по крови», составляющего часть ЛФП «Семья», исследуемого в диахронии с привлечением письменных памятников старославянского и древнерусского языков, даёт возможность выявить специфику зарождения и развития связей между представителями различных поколений родственников, а также проследить этапы формирования имущественных и наследных отношений у славян.

Частотность употребления словных и сверхсловных языковых единиц, формирующих дальнюю периферию сектора «Родство по крови» в славянских текстах X – XI вв., доказывает высокую степень ценности для

восточных славян связей между поколениями. Наименования предков и потомков, выделенные из славянских рукописей X – XI вв. (16 ед.) и из древнерусских текстов XII – XIV вв. (22 ед.), подтверждают значимость преемственности поколений для славянского этноса. Преобладание наименований лиц мужского пола среди представителей старшего и младшего поколений родственников как в старославянском (9 ед.), так и в древнерусском языке XII – XIV вв. (13 ед.) демонстрирует особую значимость связей между поколениями по мужской линии. Обеспечение преемственности поколений – точка силы любого общества, ведь она увеличивает возможности как конкретных людей, так и всего сообщества в целом.

Сравнение объединённых семантическим компонентом ‘наследование’ языковых единиц второй группы зоны дальней периферии сектора «Родство по крови» на двух этапах её развития свидетельствует о постепенном формировании представлений средневековых славян о наследовании, об имущественных отношениях. Значительно обогатившие на 2-м этапе древнерусский язык лексемы и УСК данной группы (18 ед.) подтверждают окончательное установление и юридическое закрепление прав наследования в восточнославянском обществе. При этом, судя по материалам славянских текстов X – XIV вв., наследование осуществлялось, в основном, по мужской линии, что подтверждает наличие патриархального уклада в семьях восточных славян, несмотря на принятие христианства, несколько уравнивавшего положение мужчины и женщины в области морали и религии.

Дальнюю периферию сектора «Родство по свойству» в славянских текстах X – XI вв. образуют объединённые комплексной семой ‘отсутствие брака’ 36 лексем и 13 УСК в 282 и 38 употреблениях соответственно. В древнерусских текстах XII – XIV вв. эта зона представлена 40 лексемами и 28 УСК в 341 и 112 употреблениях соответственно.

Анализ вербализаторов зоны дальней периферии сектора «Родство по свойству» в славянских памятниках X – XIV вв. показал, что, несмотря на

провозглашённую Церковью святость и нерушимость брачного союза, супруги по тем или иным причинам могли разойтись. Судя по материалам старославянских и древнерусских рукописей, одной из основных причин развода являлось прелюбодеяние мужа или жены. Инициатива при расторжении брака, как правило, исходила от супруга. Это подтверждают функционировавшие в общелитературном языке славян Средневековья (3 ед.) и обогатившие древнерусский язык данного этапа (6 ед.) УСК, характеризующие действия мужчины при разводе. Отсутствие в славянских текстах X – XI вв. и древнерусских памятниках XII – XIV вв. единиц, именующих разведённого мужчину, а также активное употребление в них наименований разведённой женщины (3 и 5 ед. соответственно) указывают на то, что последствия развода отражались, в первую очередь, на социальном положении женщины.

Также необходимо отметить, что материалы старославянских и древнерусских текстов демонстрируют взаимовлияние языческих и христианских традиций в процессе расторжения брака. Продолжающие существовать в средневековой Руси остатки языческих верований касались состояния вдовства. Отсутствие лексемы **ВДОВЬЦЬ** в старославянских рукописях X – XI вв. является пережитком языческого обычая многожёнства. Появление лексемы **ВДОВЬЦЬ** в древнерусском языке подтверждает, что языческие традиции в семейном праве сменяются христианскими.

Наличие в рукописях религиозной тематики обоих исследуемых этапов значительного количества наименований лиц, не состоящих в браке (25 и 29 ед. соответственно), доказывает, что строгие приверженцы христианской веры, сознательно отрекаясь от всего мирского, в том числе и от брачных отношений, посвящали свою жизнь служению Богу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепт «Семья», реконструированный по материалам славянских памятников X – XIV вв., является одним из значимых фрагментов языковой картины мира восточнославянского этноса.

Методика полевого анализа позволила воссоздать данный концепт, вербализованный с помощью словных и сверхсловных языковых единиц. Методом сплошной выборки из 14 славянских текстов X – XI вв. и 15 древнерусских рукописей XII – XIV вв. было извлечено 500 единиц в 5281 употреблении, являющихся репрезентантами ЛФП концепта «Семья» на двух этапах его развития. В структуре концепта выделяется ядерная, околождерная зоны, зоны ближней и дальней периферии. Анализ семантики вербализаторов исследуемого концепта в славянских текстах X – XIV вв. позволил выделить в структуре ближней и дальней периферии ЛФП два сектора: «Родство по крови» и «Родство по свойству».

Ядерную зону ЛФП «Семья» образует ключевая лексема, являющаяся именем рассматриваемого концепта. Однако в исследуемых нами славянских текстах X – XI вв. слово **сѣмѣи** не представлено. Одно из ранних употреблений данной лексемы отмечено в древнерусских текстах XII в. Ядерная лексема ЛФП концепта «Семья» является полисемантом. Она реализует оба своих значения в пределах ядерной зоны.

Лексемы и УСК, входящие в состав данных секторов ЛФП «Семья», характеризуются тесной семантической связью с выделенным ядерным значением – ‘группа людей, объединённых родственными отношениями и проживающих совместно’.

В части ЛФП, объективированной единицами, выделенными из древнерусских памятников, проходило пополнение лексико-фразеологического состава поля. При этом сама структура ЛФП кардинальным изменениям не подверглась.

Большинство вербализаторов рассматриваемого ЛФП «Семья» имеет общеславянское происхождение (489 ед.). Пополнение ЛФП также происходило, в основном, за счёт исконных элементов. Таким образом, лексико-фразеологический состав данного поля репрезентантов доказывает, что концепт «Семья» не был привнесён славянам извне. Он существовал в восточнославянской языковой картине мира ещё в дохристианский период.

56 языковых единиц, входящих в число вербализаторов ЛФП «Семья» в славянских памятниках X – XIV вв., являются полисемантами. При этом 18 единиц формируют ЛФП лишь в одном своём значении, 37 единиц входят одновременно в несколько зон поля, реализуя в них то или иное своё значение. В основном, это единицы, входящие в периферийную зону сектора «Родство по крови».

Среди отношений между языковыми единицами внутри групп и подгрупп ЛФП «Семья» синонимические отношения (70 рядов) преобладают над антонимическими (17 рядов) и гиперо-гипонимическими (10 рядов). В основном, они проявляются в зоне ближней и дальней периферии поля.

В число вербализаторов ЛФП исследуемого концепта в славянских рукописях X – XIV вв. входит немало единиц, не зафиксированных историческим словарями (25 ед. в славянских текстах X – XI вв. и 48 ед. в древнерусских памятниках XII – XIV вв.). В основном, это УСК, связанные с брачной церемонией (42 ед.). Обогатившие древнерусский язык XII – XIV вв. многочисленные лексемы и УСК, отражающие специфику вступления в брак у древних русичей, свидетельствуют о том, что с принятием христианства и переходом семейно-брачных отношений под юрисдикцию Церкви у восточных славян укреплялся институт брака и привносились новые элементы в процедуру заключения супружеского союза.

В условиях христианизации значимым элементом мировоззрения славян являлись именно семья и брак. Ценность семейных отношений поддерживалась и сохранялась благодаря памятникам религиозного

содержания и юридическим документам, где эта сфера жизни средневековых славян была представлена с позиций христианских догматов.

Анализ репрезентирующих ЛФП «Семья» лексем и УСК, выделенных из славянских памятников X – XIV вв., свидетельствует о постепенной трансформации концепта «Семья» в сознании восточных славян в X – XIV вв. На формирование института семьи у славян значительно повлияло принятие ими христианства. Под влиянием новой религии древнерусская семья постепенно превращается из «экономически-физиологического» (часто полигамного) объединения в моногамный духовный союз, целью которого, наряду с совместным ведением хозяйства и продлением рода, является взаимная моральная поддержка супругов и совместное служение Богу. Неслучайно к числу вербализаторов околядерной зоны исследуемого ЛФП «Семья» в рукописях X – XI вв. и XII – XIV вв. нами были отнесены наименования супругов, их совместных детей, а также единицы, связанные комплексной семьей ‘близкое родство вообще’ (10% от общего числа вербализаторов ЛФП и 13% от общего числа вербализаторов ЛФП соответственно).

Большая часть рассматриваемых языковых единиц относится к зоне ближней периферии ЛФП «Семья» на обоих исследуемых этапах (126 и 253 ед. соответственно). В зоне ближней периферии исследуемого ЛФП наиболее многочисленной является группа языковых единиц, входящих в сектор «Родство по свойству» в славянских текстах X – XI вв. (22% от общего числа вербализаторов ЛФП) и в древнерусских памятниках XII – XIV вв. (42%). Это свидетельствует о том, что создание семьи являлось для средневековых славян одной из первостепенных задач в земной жизни. Фундаментом, на котором зарождалась, строилась семья, был именно брачный союз. Судя по материалам исследуемых памятников, в ходе эволюции древнерусской семьи изменялись и способы её создания.

У славян после принятия ими христианской веры одной из основных форм брака был брак церковный (венчальный). Однако ещё около двух веков

сохранялось двоеверие, проявляющееся в сосуществовании языческих и христианских традиций при заключении брака. В целом, это затрагивало церемонию вступления в брак, сопровождавшуюся языческими обрядами сватовства и обручения. Об этом свидетельствуют отмеченные в славянских рукописях X – XI вв. (6 ед.) и пополнившие древнерусский язык XII – XIV вв. (21 ед.) языковые единицы, отражающие процедуру заключения брака, её атрибуты и специфические черты. Кроме того, пережитки языческих верований в Древней Руси отражают выделенные в славянских памятниках X – XI вв. и продолжавшие употребляться в древнерусских текстах XII – XIV вв. наименования наложниц, старших и младших жён, которые свидетельствуют о сохранении у славян полигамной формы брака, несмотря на принятие ими крещения.

Вербализаторы сектора «Родство по крови» являются второй по численности группой зоны ближней периферии ЛФП «Семья»: в текстах X – XI вв. (4% от общего числа вербализаторов ЛФП) и в рукописях XII – XIV вв. (9%). Они позволяют проследить особенности развития кровнородственных отношений в восточнославянском обществе. Значительно обогатившие древнерусский язык XII – XIV вв. единицы, называющие боковых родственников (21 ед.), доказывают высокую степень осознания славянами ценности кровных разветвлённых связей между членами одной большой семьи.

Функционирующие в славянских памятниках X – XIV вв. языковые единицы, связанные интегральной комплексной семьей ‘духовное родство’, доказывают наличие у восточных славян после принятия ими христианской веры духовных родственников, являвшихся для них вторыми родителями.

Незначительное количество языковых единиц, обладающих комплексной семьей ‘отсутствие прямых кровных родственников’, в рукописях X – XI вв. (2% от общего числа вербализаторов ЛФП) и в памятниках XII – XIV вв. (2%) доказывают существование и активное функционирование у восточных славян института опеки, при котором

ребёнок, оставшийся без попечения родителей, воспитывался в приёмной семье родственников.

В зоне дальней периферии ЛФП «Семья» наиболее значительным по количеству языковых единиц как в памятниках X – XI вв. (14% от общего числа вербализаторов), так и в текстах XII – XIV вв. (17%) является сектор «Родство по крови». Обогащение древнерусской части данного сектора дальней периферии исследуемого поля происходило за счёт лексем и УСК, объединённых комплексной семой 'дальнее родство' (17 ед.), а также за счёт единиц, обладающих общим семантическим компонентом 'наследство' (18 ед.), что характеризует окончательное установление у восточных славян межпоколенных связей между членами одного рода, а также формирование института имущественных отношений. Сохранившееся у славян признание важности кровных связей между дальними родственниками по восходящей и нисходящей линии способствовало поддержанию традиций и обычаев семьи и передаче их будущим поколениям. Семья как устойчивая социальная единица не только способствовала формированию древнего русича как личности, но и, в целом, поддерживала стабильность восточнославянского общества.

Сектор «Родство по свойству» – второй по численности языковых единиц зоны дальней периферии ЛФП «Семья» в памятниках X – XI вв. (10% от общего числа вербализаторов ЛФП) и в рукописях XII – XIV вв. (14%). Вербализаторы данного сектора связаны интегральной комплексной семой 'отсутствие брака'. Выделенные из славянских памятников X – XI вв. (16 ед.) и появившиеся в древнерусских текстах XII – XIV вв. (12 ед.) языковые единицы, характеризующие процедуру развода у восточных славян, доказывают, что развод в Древней Руси изменялся вслед за эволюцией форм брака. С появлением нового способа создания семейного союза – договорного брака развод для мужчины уже имел определённые материальные последствия (потеря имущества, полученного за невесту), что, в известной степени, ограничивало его произвол в этом вопросе. Кроме того,

договорной брак с приданым существенно улучшил положение женщины в новой семье, наделив ее собственным имуществом. По этим причинам своеволие мужа в вопросах расторжения брака было ещё более ограничено.

Значительное количество языковых единиц с обобщённым семантическим компонентом 'ненахождение в браке' в славянских текстах X – XI вв. (25 ед.) и в древнерусских памятниках XII – XIV вв. (29 ед.) подтверждает высокую степень приверженности некоторой части восточных славян служению Богу вплоть до отказа от мирской жизни, предполагавшего безбрачие. Однако подобный путь духовного единения с Господом предназначался лишь немногим, избранным. Для остальных брак как союз двух супругов, освящённый Церковью, не являлся грехом, а наоборот, способствовал укреплению позиций самой Церкви и древнерусского государства в целом.

В целом, вербализаторы исследуемого ЛФП в славянских памятниках X – XIV вв. свидетельствуют о развёрнутой структуре концепта «Семья».

К перспективам данного исследования можно отнести изучение ЛФП, репрезентирующего концепт «Семья», в более поздние периоды функционирования языка, в старорусской и русской языковой картинах мира.

Научная литература

Алефиренко, Н.Ф. Вербализация концепта и смысловая синергетика языкового знака / Н.Ф. Алефиренко // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: м-лы междунар. симпозиума: в 2 ч. Ч. 1. Науч. ст. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 3-13.

Алефиренко, Н.Ф. Полевое структурирование лексико-фразеологического космоса / Н.Ф. Алефиренко // Теория поля в современном языкознании: м-лы науч.-технич. семинара. – Уфа: изд-во Башкирского ун-та, 1999. – С. 17-19.

Анохина, С.А. Вербализация концепта «Развитие» в творчестве В. Распутина 1994–2003 гг. / С.А. Анохина // От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира: колл. монография / под ред. С.Г. Шулешковой: в 2-х ч. – Магнитогорск: МаГУ, 2008. – Ч. 2. – С. 182-228.

Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 368 с.

Арапов, О.А. Вербализация концептосферы «Метафизический мир» в фольклорных духовных стихах XIX столетия: дис. ... канд. филол. наук / О.А. Арапов. – Магнитогорск, 2012. – 220 с.

Арутюнова, Н.Д. Аномалии и язык: к проблеме языковой «картины мира» / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3-19.

Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 431 с.

Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке / В.Л. Архангельский. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовск. гос. ун-та, 1964. – 327 с.

Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории текста к структуре текста: антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.

Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1996. – 104 с.

Багичева, Н.В. Лексическая и прагматическая семантика терминов родства / Н.В. Багичева; [отв. ред.] А.П. Чудинов // Функциональная семантика слова: сб. науч. тр. – Екатеринбург: изд-во УГПУ, 1993. – С. 77-84.

Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-37.

Болоховский, Н.И. Рецепция определения брака римского юриста Модестина каноническим правом Православной Церкви / Н.И. Болоховский // Гісторыя і сучаснасць: Беларускае дзяржаўнае ва ўсходнееўрапейскім цывілізацыйным кантэксце: зборнік навуковых прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І.А.Юхо. – Минск: «Бизнесофсет», 2012. – С. 312-322.

Бурыкин, А.А. Современная русская система терминов родства и свойства: материал, лингвистическая и этнографическая проблематика / А.А. Бурыкин // Алгебра родства: альманах / под ред. В.А. Попова. – СПб.: Наука, 2009. – Вып. 12. – С. 208-290.

Буслаев, Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию / Ф.И. Буслаев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1848. – 218 с.

Вайан, А. Руководство по старославянскому языку / А. Вайан. – М.: изд-во иностр. лит., 1952. – 446 с.

Ван-Вейк, Н. История старославянского языка / Н. Ван-Вейк. – М.: изд-во иностр. лит., 1957. – 368 с.

Васильев, Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105-113.

Васильев, Л.М. Типы семантических полей по их структуре и способом репрезентации / Л.М. Васильев // Слово в системе и тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: изд. НГПИ, 1988. – С. 38-46.

Вашиц, Й. Кирилло-мефодиевские юридические памятники / Й. Вашиц // Вопросы славянского языкознания. – М., 1963. – Вып. 5. – С. 12-33.

Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая / пер. с англ. А. Д. Шмелёва. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.

Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 777 с.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Рус. словари, 1997. – 416 с.

Вендина, Т.И. Из Кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры / Т.И. Вендина. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2007. – 336 с.

Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.

Вендина, Т.И. Старославянский язык и его влияние на формирование концептосферы языка русской культуры / Т.И. Вендина // Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект: сб. ст. / под ред. и с предисл. Т.И. Вендиной. – М.: Институт славяноведения РАН, 2007. – С. 16-109.

Верещагин, Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников / Е.М. Верещагин. – М.: Мартис, 1997. – 325 с.

Верещагин, Е.М. К изучению семантики лексического фонда древнего славянского языка / Е.М. Верещагин. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1978. – 68 с.

Верещагин, Е.М. Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межпредметные и междисциплинарные разыскания. С двумя приложениями / Е.М. Верещагин. – М.: Индрик, 2012. – 520 с.

Верещагин, Е.М. Христианская книжность Древней Руси / Е.М. Верещагин. – М.: Наука, 1996. – 207 с.

Верещагин, Е.М. Церковнославянская книжность на Руси: лингво-текстологические разыскания / Е.М. Верещагин. – М.: Индрик, 2001. – 607 с.

Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 800 с.

Воркачёв, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачёв // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.

Гараева, Л.А. Устойчивые словесные комплексы древнерусских воинских повестей XII – начала XVII вв. (структурный и идеографический аспекты): дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Гараева. – Магнитогорск, 1997. – 220 с.

Голованова, Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие / Е.И. Голованова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.

Горшков, А.И. Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке / А.И. Горшков // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому: [сб. ст.]. – М.: Наука, 1987. – С. 7-30.

Гура, А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. – М.: Индрик, 2012. – 936 с.

Гура, А.В., Узенёва, Е.С. Сват / А.В. Гура, Е.С. Узенёва // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4: Переправа через воду – Сирота / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2009. – С. 556-560. – (Институт славяноведения РАН).

Добровольская, Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Добровольская. – Новосибирск, 2005. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.dissercat.com](http://www.dissercat.com)

Довнар-Запольский, М.В. Первобытные формы брака / М.В. Довнар-Запольский. – М.: КРАСАНД, 2011. – 168 с.

Дружинин, В.Н. Психология семьи / В.Н. Дружинин. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 176 с: ил.

Дурново, Н.Н. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов / Н.Н. Дурново // *Byzantinoslavica*. – Praha, 1929. – Т. 1. – С. 48-85. [Резюме на русск. и франц. яз.].

Ефимова, В.С. Наименования лиц в старославянском языке: способы номинации и приоритеты выбора / В.С. Ефимова. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2011. – 224 с.

Ефимова, В.С. Старославянская словообразовательная морфемика / В.С. Ефимова. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2006. – 366 с.

Жигулина, Д.В. Взаимоотношения родителей и детей, отраженные фразеологическими средствами в «Изборнике Святослава 1076 года» / Д.В. Жигулина // «Благословенны первые шаги...»: сб. работ молодых исследователей / Науч.-исслед. словарная лаборатория; гл. ред. С.Г. Шулежкова ; чл. редколл. Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – Магнитогорск : МаГУ, 2013. – Вып. 7. – С. 150-162.

Жигулина, Д.В. Лексико-фразеологическое поле «Брак» в древних славянских памятниках X – XI вв. (на материале Супрасльской рукописи и Зографского евангелия) / Д.В. Жигулина // Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности: колл. монография / гл. ред. С.Г. Шулежкова ; чл. редколл. Н.В. Меркулова, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – С. 99-118.

Жигулина, Д.В. Семья в контексте славянской средневековой культуры / Д.В. Жигулина // VI Междунар. Севастопольские Кирилло - Мефодиевские чтения: сб. науч. ст. – Севастополь: «Гит пак», 2012. – С. 57-64.

Зализняк, А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк // Отечественные записки. – 2002. – № 3. – С. 248-261.

Занегина, Н.Н. Концепт «Семья» в русском литературном языке и принципы его описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Н. Занегина. – М., 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.dissercat.com](http://www.dissercat.com)

Зимин, А.А. Устав князя Ярослава о церковных судах / А.А. Зимин // Российское законодательство X – XX вв.: в 9 т. Т. 1 / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984. – 432 с.

Иванов, В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1974. – 344 с.

Ильина, Е.В. Концепт *Белое море* в языковом сознании поморов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Ильина. – Архангельск, 2014. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// www.vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/175055](http://www.vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/175055)

Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия / Науч.-исследоват. словарная лаб.; сост.: А.Н. Михин, А.А. Осипова, В.Ф. Хайдарова, Д.А. Ходиченкова, С.Г. Шулежкова; гл. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск: МаГУ, 2014. – 126 с.

Индекс устойчивых словесных комплексов памятников восточнославянского происхождения X – XI вв. / Науч.-исследоват. словарная лаб.; сост.: О.С. Климова, А.Н. Михин, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова, Д.А. Ходиченкова, С.Г. Шулежкова; гл. ред. С.Г. Шулежкова; ред. колл.: Н.В. Меркулова, А.Н. Михин, Л.Н. Мишина, С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск: МаГУ, 2012. – 69 с.

Исаченко, А.В. Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания / А.В. Исаченко // Opera selecta. – Praha: «Slavia», 1953. – С. 62-97.

Кабакова, Г.И. Женщина / Г.И. Кабакова // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2: Д – Крошки / под общ. ред. Н.И. Толстого. — М.: Междунар. отношения, 1999. – С. 205-208. – (Институт славяноведения РАН).

Кабакова, Г.И. Мать / Г.И. Кабакова // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3: К (Круг) – П (Перепёлка) / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2004. – С. 203-208. – (Институт славяноведения РАН).

Кабакова, Г.И. Мужчина / Г.И. Кабакова // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3: К (Круг) – П (Перепёлка) / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2004. – С. 317-319. – (Институт славяноведения РАН).

Кабакова, Г.И. Родня за столом / Г.И. Кабакова // Категория родства в языке и культуре. – М.: Индрик, 2009. – С. 159-169.

Кабакова, Г.И. Семья / Г.И. Кабакова // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 4: Переправа через воду – Сирота / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2009. – С. 613 – 616. – (Институт славяноведения РАН).

Каждан, А.П. Социальные связи в Византийской империи, 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// xreferat.ru/35/6963-1-socialnye-svyazi-v-vizantiyskoiy-imperii.html](http://xreferat.ru/35/6963-1-socialnye-svyazi-v-vizantiyskoiy-imperii.html).

Казаченко, Б.И. Русское родство: прошлое и настоящее / Б.И. Казаченко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 304 с.

Карасик, В.И. Этноспецифические концепты / В.И. Карасик; [авт. предисл.] М.В. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – Севастополь: Рибэст, 2009. – Вып. 4. – С. 59-101.

Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 216 с.

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

Караулов, Ю.Н. Структура лексико-семантического поля / Ю.Н. Караулов // Филологические науки. – №1. – 1972. – С. 57-68.

Кёрстенбергер, А. Бог, брак и семья. Как восстановить библейские основы / А. Кёрстенбергер, Д. Джонс. – СПб.: Вера и святость, 2009. – 430 с.

Ключевский, В.О. Русское гражданское общество XI и XII вв. Русская правда как его отражение / В.О. Ключевский. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch13.htm>

Колесов, В.В. Древнерусский литературный язык / В.В. Колесов. – Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 296 с.

Колесов, В.В. Мир человека в слове Древней Руси / В.В. Колесов. – Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 312 с.

Кондратьева, О.Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях: (На примере концептов ДУША, СЕРДЦЕ, УМ): дис. ... канд. филол. наук / О.Н. Кондратьева. – Кемерово, 2004. – 205 с.

Копыленко, М.М. Как следует называть язык древнейших памятников славянской письменности? / М.М. Копыленко // Советское славяноведение. – 1966. – № 1. – С. 36-41.

Коротенко, М.А. Устойчивые словесные комплексы как материал для воссоздания языкового портрета Ивана Неронова, одного из лидеров раскола русской церкви XVII столетия: дис. ... канд. филол. наук / М.А. Коротенко. – Магнитогорск, 2006. – 200 с.

Красных, В.В. Русское культурное пространство: концепт «Я» / В.В. Красных // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: матер. Междунар. симпозиума: в 2-х ч. Ч. 1. Науч. статьи. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 123-129.

Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : Курс лекций / В.В. Красных. – М.: ТТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

Кубрякова, Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Культурные концепты: сб. тр. – М.: Наука, 1991. – С. 85-91.

Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6-17.

Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира: коллектив, монография. – М.: Наука, 1988. – С. 141-172.

Лавровский, П.А. Коренное значение в названиях родства у славян / П.А. Лавровский. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 144 с.

Ларин, Б.А. Из истории слов (*лютый зверь, семья, кавардак*) / Б.А. Ларин // Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография: Хрестоматия и учебные задания / сост. Л.А. Ивашко, И.С. Лутовинова и др.; отв. ред. Д.М. Поцепня. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2002. – С. 259-263.

Лещенко, В.Ю. Семья и русское православие (XI – XIX вв.) / В.Ю. Лещенко. – СПб.: Изд-во Т.В. Фроловой, 1999. – 396 с.

Ливанцев, К.Е. История средневекового государства и права / К.Е. Ливанцев. – СПб., 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.studyLaw.narod.ru/livancev/livancev_5_3.htm](http://www.studyLaw.narod.ru/livancev/livancev_5_3.htm).

Литвин, И.Н. Ассоциативно-метафорическая сфера концепта «огонь» в поэзии А. Блока / И.Н. Литвин // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставропольского отд.-я РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. – Вып. 9. – С. 224-230.

Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Известия АН. Сер. литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.

Ломов, А.Г. УСК древнейших русских летописей: дис. ... канд. филол. наук / А.Г. Ломов. – Самарканд, 1969. – 541 с.

Ломоносов, М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. – Т. 7: Труды по филологии 1739-1758 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 585-592.

Ляпунов, Б.М. Семья – сябр – шабёр / Б.М. Ляпунов // Сб. ОРЯС. Т. 101. – Л., 1928. – С. 257-263.

Ляпунов, Б.М. Формы склонения в старословенском языке. Склонение имён / Б.М. Ляпунов. – Одесса: Экономическая типография, 1905. – 91 с.

Львов, А.С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности / А. С. Львов. – М.: Наука, 1966. – 320 с.

Максимович, К.А. Региональные лексические архаизмы в моравских книжно-славянских памятниках IX в. / К.А. Максимович // Русский язык в научном освещении. – 2005. – № 1(9). – С. 116-162.

Максимович, М.А. История древней русской словесности / М.А. Максимович. – Киев: Университетская типография, 1839. – Кн. 1. – 232 с.

Марушкина, Н.С. Концепт «Еда» в контексте диалога культур: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.С. Марушкина. – Иваново, 2014. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ivanovo.ac.ru/jdownloads/dissov/avtoreferat/avtoref2014/marushkina_avtoreferat.pdf

Меркулова, Н.В. Вербализаторы концептов «ВРЕМЯ» и «МЯТЕЖ» в следственном деле Емельяна Пугачёва как материал для воссоздания языковой личности последней трети XVIII в.: дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Меркулова. – Магнитогорск, 2006. – 233 с.

Мещерский, Н.И. Древнеславянский – общий литературно-письменный язык на раннем этапе культурно-исторического развития всех славянских народов / Н.И. Мещерский. –1995. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics3/meshchersky-95a.htm>

Михин, А.Н. Концепт «Власть земная» (по материалам Чудовской псалтыри XI в.) / А.Н. Михин // Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности: колл. монография / гл. ред. С.Г. Шулежкова ; чл. редколл. Н.В. Меркулова, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – С. 63-77.

Мишина, Л.Н. Вербализация концепта «Мученичество» в старославянских рукописях X–XI вв. и древнерусских памятниках XI–XIV вв.: сопоставительный анализ: дис. ... канд. филол. наук / Л.Н. Мишина. – Магнитогорск, 2008. – 203 с.

Мишина, Л.Н. Формирование концепта «Праведность» (по материалам древних славянских текстов) / Л.Н. Мишина // Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности: колл. монография / гл. ред. С.Г. Шулежкова ; чл. редколл. Н.В. Меркулова, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – С. 7-23.

Никитин, М.В. Развёрнутые тезисы о концептах / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53-64.

Новиков, Л.А. Семантика русского языка: учеб. пособие / Л.А. Новиков. – М.: Высш. школа, 1982. – 272 с.

Одинцова, М.П. Человек как вселенная: образ «целого» и «части» в языковой картине мира / М.П. Одинцова // Человек. Культура. Слово: Мифопоэтика древняя и современная. – Омск: Омский гос. ун-т, 1994. – Вып. 2. – С. 73-80.

Омельянчук, С.В. Расторжение христианского брака в Древней Руси / С.В. Омельянчук. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://justicemaker.ru/view-article.php?id=18&art=1863>

Осипова, А.А. Концепт «Смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В.П. Астафьева 1980 – 1990-х гг. – Магнитогорск, 2005. – 250 с.

Осипова, А.А. Зарождение концепта «Рыболовство» в древних славянских текстах / А.А. Осипова // Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности: колл. монография / гл. ред. С.Г. Шулежкова ; чл. редколл. Н.В. Меркулова, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – С. 119-130.

Осипова, А.А. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в художественной картине мира В.П. Астафьева: монография / А.А. Осипова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 200 с.

Павлов, А.С. Курс церковного права / А.С. Павлов, Л.И. Антонова, Ю.Я. Баскин и др. – СПб.: Лань, 2002. – 384 с.

Пермякова, Н.И. Формирование концепта «Олимпиада “Сочи-2014”»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Пермякова. – Сочи, 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. dissercat.com](http://www.dissercat.com)

Петрова, И.В. Устойчивые словесные комплексы в сочинениях сподвижников протопопа Аввакума (структурно-грамматический и идеографический анализ): дис. ... канд. филол. наук / И.В. Петрова. – Магнитогорск, 2001. – 246 с.

Пименов, Е.А. Антропоморфизм как один из способов концептуализации внутреннего мира человека / Е.А. Пименов, М.В. Пименова; [авт. предисл.] М.В. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – Севастополь: Рибэст, 2009. – Вып. 4. – С. 184-212.

Пименова, М.В. Концептосфера внутреннего мира человека / М.В. Пименова; [авт. предисл.] М.В. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – Севастополь: Рибэст, 2009. – Вып. 4. – С. 128-183.

Пименова, М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 15-20.

Пименова, М.В. Семантический синкретизм и синкретсемия в древнерусском языке / М.В. Пименова. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2000. – 16 с.

Полищук, Т.И. Концепт *Глупость* в русском языке / Т.И. Полищук; [отв. ред.] Л.Г. Васильев // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: сб. науч. тр. – Калуга: Калужский гос. пед. ун-т, 2009. – Вып. 5. – С. 108-112.

Попова, З.Д. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии // З.Д. Попова, И.А. Стернин; [авт. предисл.] М.В. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – Севастополь: Рибэст, 2009. – Вып. 4. – С. 52-58.

Попова, З.Д., Стернин, И.А. Общее языкознание: учеб. пособие. / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 408, [8] с.

Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

Попова, З.Д. Полевая модель концепта / З.Д. Попова, И.А. Стернин; [авт. предисл.] М.В. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – Севастополь: Рибэст, 2009. – Вып. 4. – С. 12-43.

Постникова, И.А. Имя собственное *Россия* как имя концепта: лексикографический аспект / И.А. Постникова // От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира: колл. монография / под ред. С.Г. Шулежковой: в 2-х ч. – Магнитогорск: МаГУ, 2008. – Ч. 2. – С. 102-111.

Прохоров, Ю.Е. В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. – 2-е изд. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2009. – 176 с.

Пушкарёва, Н.Л. Женщины Древней Руси / Н.Л. Пушкарёва. – М.: Мысль, 1989. – 286 с.

Ройзензон, Л. И. Русская фразеология : учеб. пособие / Л. И. Ройзензон. – Самарканд : Изд-во СамГУ, 1977. – 120 с.

Рухленко, Н.Н. Концепт «Семья» в жанре семейных родословных: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Н. Рухленко. – Белгород, 2005. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. dissercat.com](http://www.dissercat.com).

Салтыкова, Е.А. К определению сущностных характеристик фразеологических единиц в отечественной и западной лингвистике / Е.А. Салтыкова; [отв. ред.] Л.Г. Васильев // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: сб. науч. тр. – Калуга: Калужский гос. пед. ун-т, 2009. – Вып. 5. – С. 116-122.

Селищев, А.М. Старославянский язык / А.М. Селищев. – М.: Учпедгиз, 1951. – Ч.1: Введение. Фонетика. – 336 с.

Селищев, А.М. Старославянский язык / А.М. Селищев. – М.: Учпедгиз, 1952. – Ч.2: Тексты. Словарь. Очерки морфологии. – 206 с.

Сказко, А.С. Трансформация концепта «Семья» в культуре России: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.С. Сказко. – Ставрополь, 2005. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. dissercat.com](http://www.dissercat.com)

Скаличка, В. Асимметрический дуализм языковых единиц / В. Скаличка // Пражский лингвистический кружок: [сб. ст.]. – М.: Прогресс, 1967. – С. 119-127.

Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Наука, 2000. – 128 с.

Слышкин, Г.Г. Текстовая концептосфера и её единицы / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 18-26.

Смирнов, А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа / А. Смирнов. – М.: Либроком, 2011. – 264 с.

Соловьёва, Т.В. Концепт «Любовь» и его лингвистическая репрезентация в лингвокультурном аспекте (на материале лирических и драматургических произведений К. Скворцова): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Соловьёва. – Челябинск, 2009. – 23 с.

Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка / И.И. Срезневский. – СПб.: Типография В.С. Балашёва, 1887. – 170 с.

Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 137 с.

Стернин, И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И.А. Стернин; [авт. предисл.] М.В. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – Севастополь: Рибэст, 2009. – Вып. 4. – С. 44-51.

Строганова, М. О крёстных родителях / М. Строганова. – М.: Благовест, 2011. – 48 с.

Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц: монография / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 135 с.

Телия, В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) / В.Н. Телия // Славянское языкознание: докл. XI Междунар. съезда славистов. – Братислава; М.: Наука, 1993. – С. 302-314.

Терещенко, А.В. Быт русского народа / А.В. Терещенко. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – 416 с.

Терина, С.В. Древнерусский концепт ЧЕСТЬ и его языковая репрезентация в летописи «Повесть временных лет»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Терина. – Тамбов, 2007. – 26 с.

Толковая Библия, или комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А.П. Лопухина. Ветхий Завет: в 5 т. Т. 3. – М.: ДАРЪ, 2008 – 960 с.

Толковая Библия, или комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А.П. Лопухина. Новый Завет: в 5 т. Т. 1. – М.: ДАРЪ, 2007 – 1224 с.

Толстая, С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе / С.М. Толстая // Категория родства в языке и культуре. – М.: Индрик, 2009. – С. 7-22.

Толстая, С.М. Род, родство / С.М. Толстая // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т.4: Переправа через воду – Сирота / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2009. – С. 441-445. – (Институт славяноведения РАН).

Толстой, Н.И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян / Н.И. Толстой // Вопросы языкознания. – 1961. – № 1. – С. 52-66.

Трубачёв, О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О.Н. Трубачёв. – М.: КомКнига, 2006. – 240 с.

Трубачёв, О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования / О.Н. Трубачёв. – изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 2003. – 489 с.

Филин, Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) / Ф.П. Филин // Учёные записки. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1949. – Т. 80. – С. 200-204.

Филин, Ф.П. О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке / Ф.П. Филин // Язык и мышление. – М.; Л., 1948. – Вып. 11. – С. 330-338.

Фортунатов, Ф.Ф. Избранные труды / Ф.Ф. Фортунатов. – М.: Учпедгиз, 1957. – Т. 2. – С. 5-6.

Цейтлин, Р.М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древних болгарских рукописей X – XI вв. / Р.М. Цейтлин. – М.: Наука, 1977. – 336 с.

Цейтлин, Р.М. Перспективы изучения лексики старославянских рукописей / Р.М. Цейтлин // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии: тезисы конф. Октябрь 1975 г. Москва. Вып. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1975. – С. 58-60.

Цейтлин, Р.М. Сравнительная лексикология славянских языков X / XI –XIV / XV вв. Проблемы и методы / Р.М. Цейтлин. – М.: Наука, 1996. – 232 с.

Чурилина, Л.Н. Заимствованная метафорика на начальном этапе формирования русской православной концептосферы / Л.Н. Чурилина // Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности: колл. монография / гл. ред. С.Г. Шулежкова; чл. редколл. Н.В. Меркулова, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – С. 175- 186.

Чурилина, Л.Н. Концепт *Грех* как фрагмент современного религиозного дискурса / Л.Н. Чурилина // От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира: колл. монография / под ред. С.Г. Шулежковой: в 2-х ч. – Магнитогорск: МаГУ, 2008. – Ч. 2. – С. 93-102.

Чурилина, Л.Н. Концепт как объект лингвистического анализа: к вопросу о методе / Л.Н. Чурилина // Духовные истоки русской языковой картины мира и тенденции её развития: колл. монография / отв. ред. С.Г. Шулежкова; чл. редколл. М.А. Коротенко. – Магнитогорск: МаГУ, 2010. – С. 129-140.

Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высш. шк., 1969. – 231 с.

Шахматов, А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка / А.А. Шахматов. – М.: Индрик, 2002. – 424 с. (Памятники древней письменности. Исследования. Тексты).

Шаталова, О.В. Концепт «Бытие» в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О.В. Шаталова. – М., 2009. – 47 с.

Шмелёв, А.Д. Русская языковая модель мира: м-лы к словарю / А.Д. Шмелёв – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

Шулежкова, С.Г. Взгляд на родственные отношения, отражённый в старославянских текстах X – XI вв. / С.Г. Шулежкова // *Słowo. Text. Czas IX. Frazeoilogia słowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym* / pod red. M. Hordy, W. Mokijenki, T. Szutkowski i

H. Waltera. – Szczecin; Greifswald: Wydawnictwo PPH ZAPOL, 2012. – S. 419-429.

Шулежкова, С.Г. Взгляд на супружество у средневековых славян (по материалам старославянских текстов) / С.Г. Шулежкова // Русская словесность как основа возрождения русской школы: сб. ст. по материалам III Междунар. заоч. науч.- практ. конф.: в 2 т. – Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2012. – Т. 1. – С. 134-140.

Шулежкова, С.Г. Жизнь человека, охарактеризованная фразеологическими средствами в старославянских рукописях X – XI вв. / С.Г. Шулежкова // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: м-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 22-24 марта 2012 г.) / под ред. А.М. Мелерович. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – С. 36-39.

Шулежкова, С.Г. Источники изучения фразеологического фонда древнейшего литературного языка славян / С.Г. Шулежкова // Виноградовские чтения: м-лы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. 14-15 октября 2010 г. – Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2010. – С. 95-99.

Шулежкова, С.Г. К истории формирования концепта «Праздник» у восточных славян / С.Г. Шулежкова // Фразеология, познание и культура: сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: БелГУ, 2010. – Т. 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. – С. 148 - 153.

Шулежкова, С.Г. Концепт «Память» в русской духовной культуре и средства его вербализации / С.Г. Шулежкова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: м-лы междунар. симпозиума 22-24 мая 2003: в 2 ч. – Ч. 2. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 125-127.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С. Г. Шулежкова. – Челябинск: Факел, 1995. – 222 с.

Шулежкова, С.Г. Позиция А.А. Шахматова в извечном споре о языковой принадлежности Остромирова евангелия / С.Г. Шулежкова // Материалы междунар. науч. конф., посвящённой 150-летию со дня рождения акад. А.А. Шахматова / отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приёмывшева; Ин-т лингв. исследований РАН. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 246-247.

Шулежкова, С.Г. Устойчивые словосочетания в языке официально-деловых документов южноуральских крепостей XVIII в. : дис. ... канд. филол. наук / С. Г. Шулежкова. – М., 1967. – 302 с.

Шулежкова, С. Г. Хрестоматия по старославянскому языку. Тексты, словарь, фоноприложение: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск: МаГУ, 2011. – 256 с. (с ил.)

Щапов, Я.Н. Брак и семья в Древней Руси / Я.Н. Щапов // Вопросы истории. – 1970. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://annales.info/rus/small/dr_brak.htm

Щапов, Я.Н. Канонические уставы и Церковь в Древней Руси XI – XIV вв. / Я.Н. Щапов. – М. : Наука, 1972. – 342 с.

Щепанская, Т.Б. Блудный грех / Т.Б. Щепанская // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1: А-Г / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995. – С. 58-61. – (Институт славяноведения РАН).

Щепанская, Т.Б. Развод / Т.Б. Щепанская // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4: Переправа через воду – Сирота / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2009. – С. 513-515. – (Институт славяноведения РАН).

Щепкин, В.Н. Рассуждения о языке Саввиной книги / В.Н. Щепкин. – СПб.: Изд. Отд. рус.яз. и словесности Император. Акад. наук, 1899. – 380 с.

Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

Яковлева, Е.С. О концепте чистоты в русском языковом сознании и в исторической перспективе / Е.С. Яковлева // Логический анализ языка: Языки

этики / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – С. 200-215.

Oblak, V. Macedonische Studien / V. Oblak. – Wien, 1896. – 158 s.

Trier, J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts / J. Trier. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1931. – 347 s.

Справочная литература

Алексеев, А.А. Библия / А.А. Алексеев, О.П. Лихачёва // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV вв.). – Л.: Наука, 1987. – С. 68-83.

Арутюнова, Н.Д. Язык / Н.Д. Арутюнова // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2003. – Репр. изд. – С. 652-658.

Белоусова, А.С. Гипонимы / А.С. Белоусова // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2003. – Репр. изд. – С. 81-82.

Винокур, Т.Г. Синонимия / Т.Г. Винокур // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2003. – Репр. изд. – С. 465-466.

Вомперский, В.П. История русского литературного языка / В.П. Вомперский // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2003. – Репр. изд. – С. 162-168.

Живов, В.М. Памятники письменности русского языка X – XVII вв. / В.М. Живов // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2003. – Репр. изд. – С. 322-324.

Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996. – 248 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

Новиков, Л.А. Гипонимия / Л.А. Новиков // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 104.

Новиков, Л.А. Антонимия / Л.А. Новиков // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2003. – Репр. изд. – С. 28-29.

Новиков, Л.А. Сема / Л.А. Новиков // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2003. – Репр. изд. – С.451-452.

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН. Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: «Азбуковник», 2000. – 944 с.

ППБЭС: Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1 / тех. ред. Д.А. Булатова.– СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1992. – 1120 с.

ПЭ: Православная энциклопедия / под ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II: Т. 6 (Бондаренко – Варфоломей Эдесский). – М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2003. – 752 с.

СД: Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995 – 2012.

СДЯ XI – XIV вв.: Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): в 12 т. / Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р.И. Аванесов, И.С. Улукханов. – М.: Рус. яз., 1988 – 2015 (издание продолжается).

СК: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV вв.). – Л.: Наука, 1987. – 496 с.

СРЯ XI – XVII: Словарь русского языка XI – XVII вв.: вып. 1-29 / гл. ред. Г.А. Богатова и др. – М.: Наука, 1975 – 2011 (издание продолжается).

Срезневский, И.И. Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И.И. Срезневский. – СПб.: Тип. Императ. Академии наук, 1893–1903.

Старобългарски речник: в 2 т. / гл. ред. Д. Иванова-Мирчева. – София: Изд-во «Валентин Траянов», 1999.

СтСл: Старославянский словарь (по рукописям X – XI вв.): около 10.000 слов / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М.: Рус.яз., 1994. – 842 с.

Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры: изд. 2-е, испр. и доп. / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва / М. Фасмер. – 3-е изд., стер. – СПб.: Терра – Азбука, 1996.

Фомина, М.С. Златоструй / М.С. Фомина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV вв.). – Л.: Наука, 1987. – С. 187-190.

ФСССЯ: Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Науч.-исслед. словарная лаб. МаГУ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редкол.: М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 424 с.

Христианство: энциклопедический словарь: в 3 т. / под ред. С.С. Аверинцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1993 – 1995.

Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – 2-е изд, стереотип. – М.: Рус. яз., 1994.

Шанский, Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – 8-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2005. – 398 с.

Шапошников, А.К. Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапошников: в 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2010.

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: вып. 1-37 / под ред. О.Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1974 – 2011 (издание продолжается).

Этимологический словарь русского языка / сост. А. Преображенский: в 3 т. – М.: Типография Г. Лесснера и Д. Совко, 1910 – 1914.

Этимологический словарь русского языка для школьников / сост. М.Э. Рут. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – 432 с.

Slovník: Slovník jazyka staroslověnského / hl. red. Joz. Kurz: t. 1-4. – Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd – Akademie Věd České Republiky. 1958 – 1997; 2-е изд. репр.: Словарь старославянского языка: в 4 т. – СПб.: СПбГУ, 2006.

Источники

Ассеманиево евангелие. Ватиканский кодекс 3. Славянский. Т. 2 / под ред. Йозефа Курца. – Прага: Изд-во Чехословацкой Академии Наук, 1955. – 322 с.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе. – СПб.: Лениздат, 2007. – 1247 с.

Бычковская псалтырь (РНБ, Q. п. 1.73, XI в.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.manuscripts.ru](http://www.manuscripts.ru).

Договорная грамота вел. кн. тверского Михаила Александровича и детей его с вел. кн. Василием Дмитриевичем и другими князьями до 1399 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru>

Духовная грамота новгородца Остафья 1396 г., № 409 // Акты юридические или собрание форм делопроизводства. – СПб.: Изд. Археогр. комис., 1838.

Евгеньевская псалтырь (БАН, 4.5.7 (Кеппен, № 3 (19)), 2 л., (РНБ, Погод. 9), 18 л. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.manuscripts.ru>.

Ефремовская кормчая, XII в., ГИМ, Син., № 227 // Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1 / под ред. В.П. Бенешевича. – СПб., 1906. – С. 1-15, 40-803.

Златоструй [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.stsl.ru/manuscripts/medium>.

Изборник Святослава 1073 г. (ГИМ, Син. 1043 (Син. 31-д), 1073 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.manuscripts.ru>.

Изборник Святослава 1076 г. (РНБ, Эрм. 20, 1076 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.manuscripts.ru>.

Ипатьевская летопись [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru>.

Карский, Е.Ф. Листки Ундольского. Отрывок кирилловского евангелия XI в. // Памятники старославянского языка. – СПб.: Тип. Императ. Академии наук, 1904. – Т. 1, вып. 3. – 41 с.

Мариинское четвероевангелие: памятник глаголической письменности / трудъ И.В. Ягича. – СПб.: Тип. Императ. Академии наук, 1883. – 607 с.

Новгородская кормчая, 1280 г. – Рукоп. ГИМ, Син., № 132. – 631 л.

Остромирово евангелие 1056-1057 гг. по изданию А.Х. Востокова. – М.: Языки славянских культур, 1843 / 2007. – 968 с. – (Памятники славяно-русской письменности. Новая серия).

Охридские глаголические листки / Г.А. Ильинский // Памятники старославянского языка. – СПб.: Изд. Отд. рус.яз. и словесности Император. Акад. наук, 1915. – 36 с.

Пандекты Антиоха XI в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.stsl.ru/manuscripts>

ПНЧ: Пандекты Никона Черногорца, XIV в., ГИМ, Чуд., № 16. – 207 л.

ПВЛ: Повесть временных лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// lib.pushkinskijdom.ru](http://lib.pushkinskijdom.ru).

Повесть Кирила Туровского к Василию, игумену Печерскому [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// lib.pushkinskijdom.ru](http://lib.pushkinskijdom.ru).

Псковская судная грамота. – СПб.: Изд. Археогр. комис., 1914. – 486 л.

Пчела [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// lib.pushkinskijdom.ru](http://lib.pushkinskijdom.ru).

РП: Русская правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// lib.pushkinskijdom.ru](http://lib.pushkinskijdom.ru).

Рыльские глаголические листки / под ред. И. Гошева. – София: Изд-во Болгарской Академии Наук, 1956. – 149 с.

Рязанская кормчая 1284 г. – Рукоп. ГПБ, Ф. П. I, 1. – 402 л.

Северьяновъ С. Супрасльская рукопись. Т. 1 / С. Северьянов. – СПб.: Изд. Отд. рус.яз. и словесности Император. Акад. наук, 1904. – 570 с.

Синайский патерик / под ред. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровиной. – М.: Наука, 1967. – 400 с.

Синайская псалтырь. Глаголический памятникъ XI в. / С. Северьяновъ // Памятники старославянского языка. – Петроградъ: Россійская гос. акад. тип., 1922. – Т. IV. – 393 с.

Слово Даниила Заточника, которое он написал своему князю, Ярославу Владимировичу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// lib.pushkinskijdom.ru](http://lib.pushkinskijdom.ru).

Устюжская кормчая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// oldp.sterligoff.ru](http://oldp.sterligoff.ru)

Церковный устав кн. Ярослава 1051–1054 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duat.asia/story/tserkovnyi-ustav-velikogo-knyazya-yaroslava>

Щепкин, В.Н. Саввина книга // Памятники старославянского языка. – СПб.: Тип. Императ. Академии наук, 1903. – Т. 1, вып. 2. – 235 с.

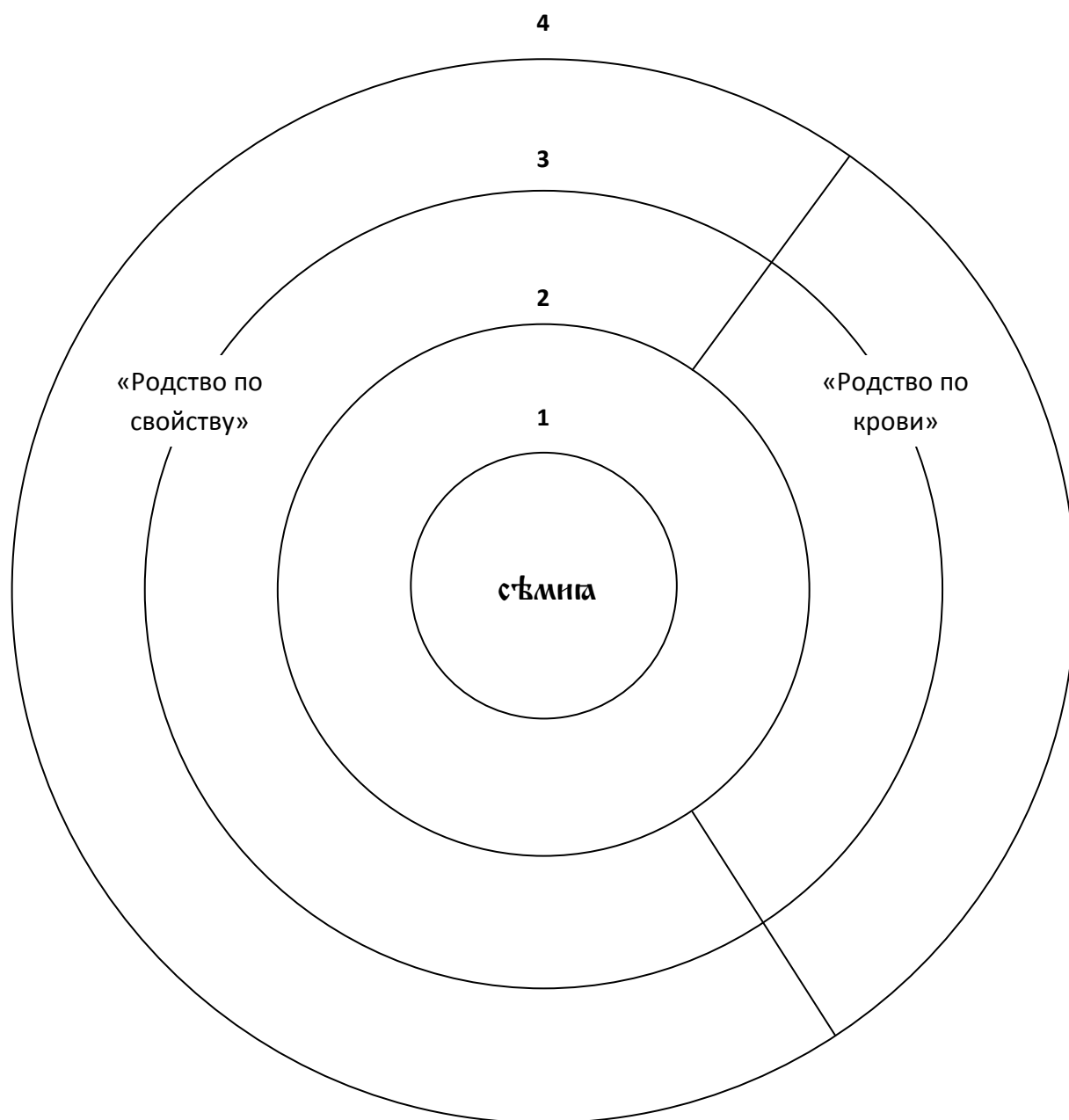
XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе / под ред. А. Будиловича. – СПб.: Изд. Отд. рус.яз. и словесности Император. Акад. наук, 1875. – 295 с.

Nachtigal R. Euchologium sinaiticum. Fotografski posnetek; II Tekst s komentarjem. – Ljubljana, 1941 – 1942.

Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus / edidit V. Jagić. – Berolini: Apud Weidmannos. 1879. – 174 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Схема ЛФП концепта «Семья» в славянских памятниках X– XIV вв.

- 1. Ядерная зона
- 2. Околоядерная зона
- 3. Зона ближней периферии
- 4. Зона дальней периферии

Схема околоядерной зоны ЛФП «Семья»
в славянских памятниках X – XIV вв.

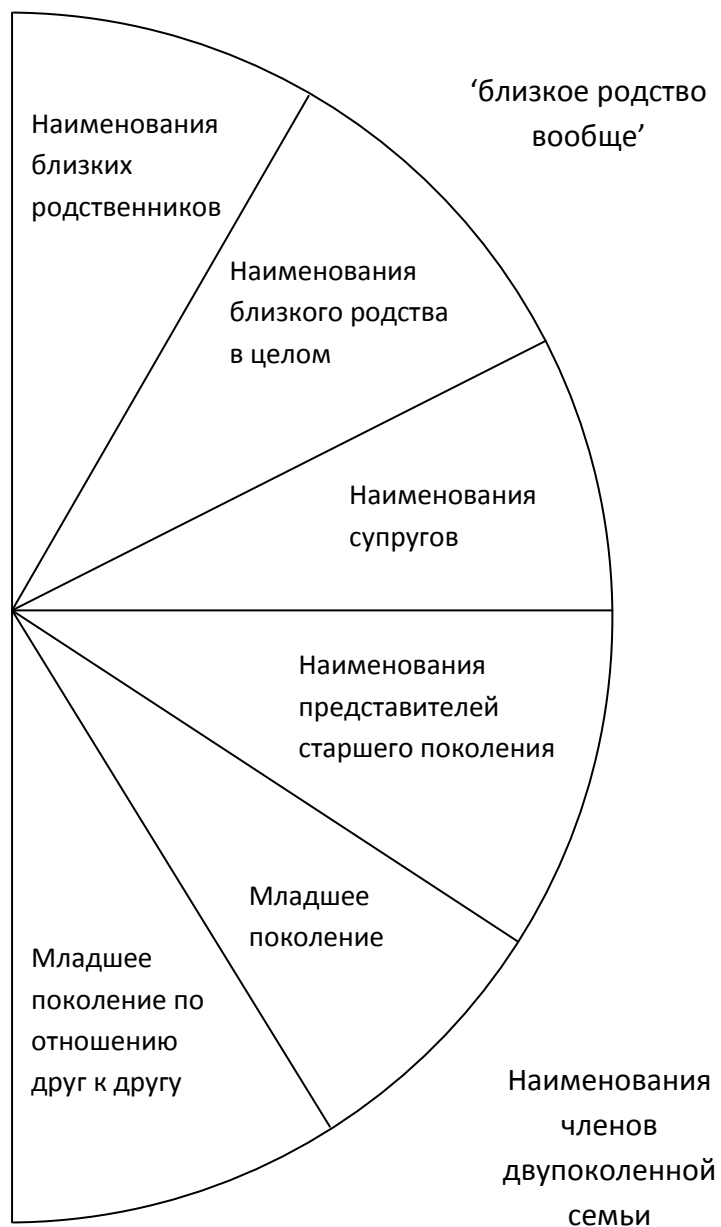

Схема сектора «Родство по крови» в славянских памятниках X – XIV вв.

3. Ближняя периферия

4. Дальняя периферия

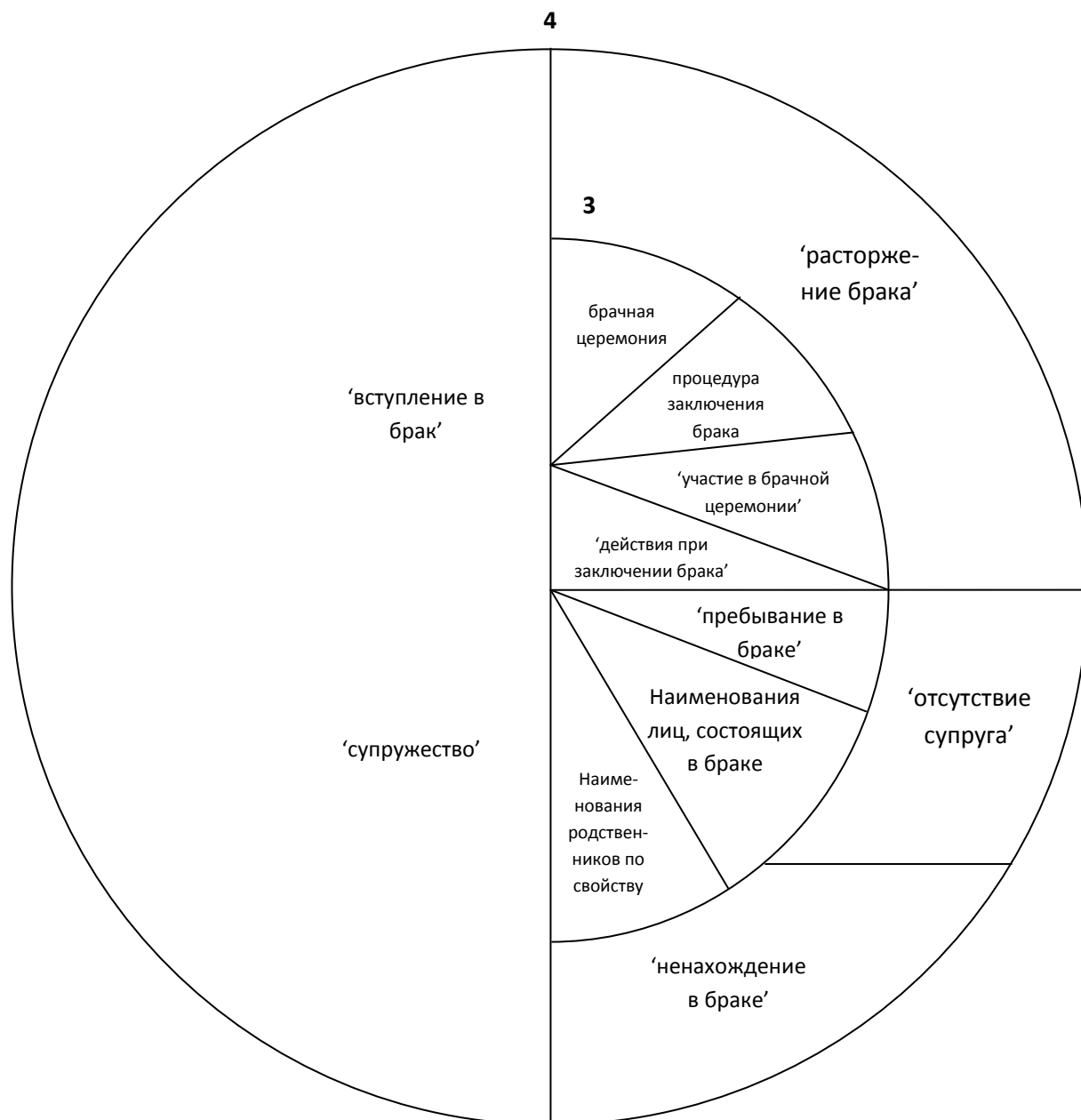

Схема сектора «Родство по свойству» в славянских памятниках X – XIV вв.

3. Ближняя периферия

4. Дальняя периферия

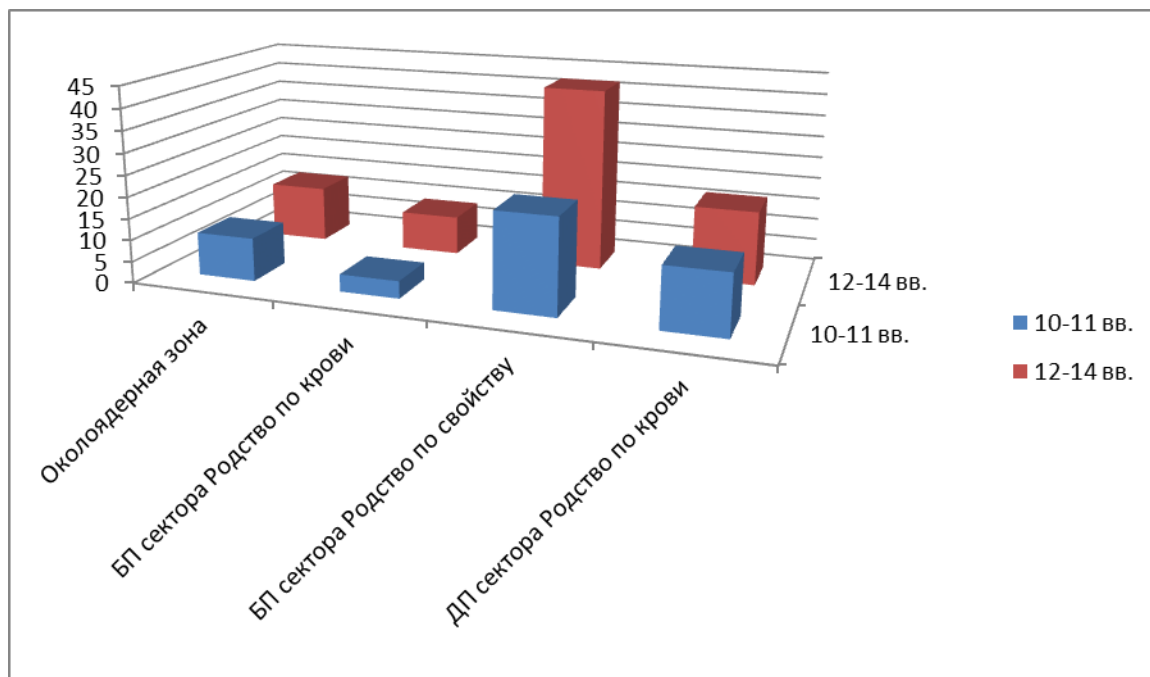

Диаграмма 1. Отражение ЛФП вербализаторов концепта «Семья» в славянских текстах

X – XI вв. и его трансформация в древнерусских памятниках XII – XIV вв.

Сокращения: БП – ближняя периферия ЛФП

ДП – дальняя периферия ЛФП

